А.Н.ТОЛСТОЙ

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

А.Н. ТОЛСТОЙ

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

РОМАН

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

Р2
Т52

Текст печатается по изданию:
А. Н. Толстой. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 4.
М., «Художественная литература», 1983

Художник
А. РЕМЕННИК

Т 4702010200-420 / 028(01)-83 без объявл.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Гиперболоид инженера Гарина» написан Алексеем Николаевичем Толстым в середине двадцатых годов, когда молодая Советская страна только начинала выходить из разрухи, когда на Крестовском острове еще догнивали «в березовом леску» заброшенные в 1918 году полуразвалившиеся дачи богачей, а рядом, в гребной школе, уже тренировались на гоночных гичках молодые ленинградские рабочие, мечтая победить в предстоящих соревнованиях своих соперников. Атмосферу времени читатель этой книги ощутит в множестве примет тогдашнего быта, в зорко подмеченных психологических черточках, в неповторимости внешнего облика людей. Большой и умный писатель, создавший это остросюжетное произведение, сумел уловить глубинные течения времени, увидеть и воплотить в запоминающихся образах то основное и главное, чем жила в то время страна, Европа, весь мир.

Увлекательно, с неожиданными поворотами, с внезапными переключениями повествовательных планов развивается интрига.

По одну сторону баррикады, разделяющей мир на два лагеря, находятся в романе люди, стремящиеся прибрать к рукам всю землю, — жестокий и циничный Гарин, сперва изобретатель, потом фашиствующий диктатор; химический король американец Роллинг, сверхмиллионер и мракобес; авантюристка Зоя Монроз; десятки их прихвостней разных разрядов и рангов, и в первую очередь русские белоэмигранты, исполненные звериной ненависти к новой России и мечтающие о «поголовном истреблении жителей Харькова, Москвы и Петрограда».

«Мы возьмем мир за глотку». «Мы построим концентрационные лагери. Всех недовольных нашим режимом — за проволоку». Таково кредо роллингов и гариных, такова мораль той страны, которую Марк Твен заклеймил как Соединенные Линчующие Штаты и о которой Алексей Толстой на первых же страницах своего романа сказал: жирненькие молодчики «ползли из Америки... из проклятой страны... где собираются по дешевке скупить весь добрый старый мир».

По другую сторону баррикады — люди высоких нравственных принципов и высокой коммунистической убежденности, чистые и цельные натуры, чьи помыслы — не о своем личном благополучии и довольстве, а о счастье трудовых масс. Это настоящие положительные герои современности — устремляющийся в самые опасные схватки с врагами и личным примером увлекающий за собой людей коммунист Василий Шельга, рабочий Тарашкин, ученый Хлынов, вчерашний беспризорник Иван Гусев, невольники гаринского Золотого острова, идущие на штурм последних твердынь капитала.

Ставкой в борьбе двух миров оказывается в романе Алексея Толстого величайшее изобретение. Для нас, людей восьмидесятых годов, оно ассоциируется с оптическим квантовым генератором — лазером, который уже вошел в нашу жизнь, помогая хирургам в борьбе с недугами, ученым в постижении тайн материи, инженерам и рабочим — в создании новой технологии. И который заокеанские генералы мечтают применить как «аппарат разрушения» — ведь только в этой раз-

бойничьей функции видел свое детище инженер Гарин... А благородному советскому ученому Хлынову в романе Алексея Толстого мечтается о другом: «Будущее счастье человечества, — говорит он, — зависит от того, сможем ли мы овладеть ядром атома...» «Просветленный, дисциплинированный разум—величайшая святыня, чудо из чудес». Это кредо Шельги и Хлынова, кредо мира социализма.

Удивительно современно звучат в романе и те страницы, где писатель с язвительностью памфлетиста клеймит позором каннибальские вожделения монополий и политических заправил США, и те, где он рассказывает, как Гарин засоряет мировой океан атомными отходами, и те, где трудящиеся поднимаются на борьбу против сил угнетения и войны. Роман Алексея Толстого — пророческое и мудрое предупреждение всем, кто, обезумев, бряцает страшным оружием. Но в то же время этот роман пронизан оптимизмом людей, борющихся за освобождение народов от гнета зловещих человеконенавистнических сил, оптимизмом людей активного гуманистического действия, сильных своей сплоченностью, своей высокой и бескомпромиссной идейностью.

Этот роман написан в 1926—1927 годах. Переработан, со включением новых глав, в 1937 году.

А. Т.

1

В этом сезоне деловой мир Парижа собирался к завтраку в гостиницу «Мажестик». Там можно было встретить образцы всех наций, кроме французской. Там между блюдами велись деловые разговоры и заключались сделки под звуки оркестра, хлопанье пробок и женское щебетанье.

В великолепном холле гостиницы, устланном драгоценными коврами, близ стеклянных крутящихся дверей, важно прохаживался высокий человек, с седой головой и энергичным бритым лицом, напоминающим героическое прошлое Франции. Он был одет в черный широкий фрак, шелковые чулки и лакированные туфли с пряжками. На груди его лежала серебряная цепь. Это был верховный швейцар, духовный заместитель акционерного общества, эксплуатирующего гостиницу «Мажестик».

Заложив за спину подагрические руки, он останавливался перед стеклянной стеной, где среди цветущих в зеленых кадках деревьев и пальмовых листьев обедали посетители. Он походил в эту минуту на профессора, изучающего жизнь растений и насекомых за стенкой аквариума.

Женщины были хороши, что и говорить. Молоденькие прельщали молодостью, блеском глаз: синих — англосаксонских, темных, как ночь, — южноамериканских, лиловых — французских. Пожилые женщины приправляли, как острым соусом, блекнущую красоту необычайностью туалетов.

Да, что касается женщин, — все обстояло благополучно. Но верховный швейцар не мог того же сказать о мужчинах, сидевших в ресторане.

Откуда, из каких чертополохов после войны вылезли эти жирненькие молодчики, коротенькие ростом, с волосатыми пальцами в перстнях, с воспаленными щеками, трудно поддающимися бритве?

Они суетливо глотали всевозможные напитки с утра до утра. Волосатые пальцы их плели из воздуха деньги, деньги, деньги... Они ползли из Америки по преимуществу, из проклятой страны, где шагают по колена в золоте, где собираются по дешевке скупить весь добрый старый мир.

2

К подъезду гостиницы бесшумно подкатил рольс-ройс — длинная машина с кузовом из красного дерева. Швейцар, бренча цепью, поспешил к крутящимся дверям.

Первым вошел желтовато-бледный человек небольшого роста, с черной, коротко подстриженной бородой, с раздутыми ноздрями мясистого носа. Он был в мешковатом длинном пальто и в котелке, надвинутом на брови.

Он остановился, брюзгливо поджидая спутницу, которая говорила с молодым человеком, выскочившим навстречу автомобилю из-за колонны подъезда. Кивнув ему головой, она прошла сквозь крутящиеся двери. Это была знаменитая Зоя Монроз, одна из самых шикарных женщин Парижа. Она была в белом суконном костюме, обшитом на рукавах, от кисти до локтя, длинным мехом черной обезьяны. Ее фетровая маленькая шапочка была создана великим Колло. Ее движения были уверенны и небрежны. Она была красива, тонкая, высокая, с длинной шеей, с немного большим ртом, с немного приподнятым носом. Синевато-серые глаза ее казались холодными и страстными.

— Мы будем обедать, Роллинг? — спросила она человека в котелке.

— Нет. Я буду с ним говорить до обеда.

Зоя Монроз усмехнулась, как бы снисходительно извиняя резкий тон ответа. В это время в дверь проскочил молодой человек, говоривший с Зоей Монроз у автомобиля. Он был в распахнутом стареньком пальто, с тростью и мягкой шляпой в руке. Возбужденное лицо его было покрыто веснушками. Редкие жесткие усики точно приклеены. Он намеревался, видимо, поздороваться за руку, но Роллинг, не вынимая рук из карманов пальто, сказал еще резче:

— Вы опоздали на четверть часа, Семенов.

— Меня задержали... По нашему же делу... Ужасно извиняюсь... Все устроено... Они согласны... Завтра могут выехать в Варшаву...

— Если вы будете орать на всю гостиницу, вас выведут, — сказал Роллинг, уставившись на него мутноватыми глазами, не обещающими ничего доброго.

— Простите, — я шепотом... В Варшаве все уже подготовлено: паспорта, одежда, оружие и прочее. В первых числах апреля они перейдут границу...

— Сейчас я и мадемуазель Монроз будем обедать, — сказал Роллинг, — вы поедете к этим господам и передадите им, что я желаю их видеть сегодня в начале пятого. Предупредите, что, если они вздумают водить меня за нос, — я выдам их полиции...

Этот разговор происходил в начале мая 192... года.

3

В Ленинграде на рассвете, близ боны гребной школы, на реке Крестовке остановилась двухвесельная лодка.

Из нее вышли двое, и у самой воды произошел у них короткий разговор, — говорил только один — резко и повелительно, другой глядел на полноводную, тихую, темную реку. За чащами Крестовского острова, в ночной синеве, разливалась весенняя заря.

Затем эти двое наклонились над лодкой, огонек спички осветил их лица. Они вынули со дна лодки свертки, и тот, кто молчал, взял их и скрылся в лесу, а тот, кто говорил, прыгнул в лодку, оттолкнулся от берега и торопливо заскрипел уключинами. Очертание гребущего человека прошло через заревую полосу воды и растворилось в тени противоположного берега. Небольшая волна плеснула на боны.

Спартаковец Тарашкин, «загребной» на гоночной распашной гичке, дежурил в эту ночь в клубе. По молодости лет и весеннему времени, вместо того чтобы безрассудно тратить на спанье быстролетные часы жизни, Тарашкин сидел над сонной водой на бонах, обхватив коленки.

В ночной тишине было о чем подумать. Два лета подряд проклятые москвичи, не понимающие даже запаха настоящей воды, били гребную школу на одиночках, на четверках и на восьмерках. Это было обидно.

Но спортсмен знает, что поражение ведет к победе. Это одно, да еще, пожалуй, прелесть весеннего рассвета, пахнущего острой травкой и мокрым деревом, поддерживали в Тарашкине присутствие духа, необходимое для тренировки перед большими июньскими гонками.

Сидя на бонах, Тарашкин видел, как пришвартовалась и затем ушла двухвесельная лодка. Тарашкин относился спокойно к жизненным явлениям. Но здесь показалось ему странным одно обстоятельство: двое высадившиеся на берегу были похожи друг на друга, как два весла. Одного роста, одеты в одинаковые широкие пальто, у обоих мягкие шляпы, надвинутые на лоб, и одинаковая остренькая бородка.

Но, в конце концов, в республике не запрещается шататься по ночам, по суху и по воде, со своим двойником. Тарашкин, наверно, тут же бы и забыл о личностях с острыми бородками, если бы не странное событие, происшедшее в то же утро поблизости гребной школы в березовом леску в полуразвалившейся дачке с заколоченными окнами.

4

Когда из розовой зари над зарослями островов поднялось солнце, Тарашкин хрустнул мускулами и пошел во двор клуба собирать щепки. Время было шестой час в начале. Стукнула калитка, и по влажной дорожке, ведя велосипед, подошел Василий Витальевич Шельга.

Шельга был хорошо тренированный спортсмен, мускулистый и легкий, среднего роста, с крепкой шеей, быстрый, спокойный и осторожный. Он служил в уголовном розыске и спортом занимался для общей тренировки.

— Ну, как дела, товарищ Тарашкин? Все в порядке? — спросил он, ставя велосипед у крыльца. — Приехал повозиться немного... Смотри — мусор, ай, ай.

Он снял гимнастерку, закатал рукава на худых мускулистых руках и принялся за уборку клубного двора, еще заваленного материалами, оставшимися от ремонта бонов.

— Сегодня придут ребята с завода, — за одну ночь наведем порядок, — сказал Тарашкин. — Так как же, Василий Витальевич, записываетесь в команду на шестерку?

— Не знаю, как и быть, — сказал Шельга, откатывая смоляной бочонок, — москвичей, с одной стороны, бить нужно, с другой — боюсь, не смогу быть аккуратным... Смешное дело одно у нас навертывается.

— Опять насчет бандитов что-нибудь?

— Нет, поднимай выше — уголовщина в международном масштабе.

— Жаль, — сказал Тарашкин, — а то бы погребли.

Выйдя на боны и глядя, как по всей реке играют солнечные зайчики, Шельга стукнул черенком метлы и вполголоса позвал Тарашкина:

— Вы хорошо знаете, кто тут живет поблизости на дачах?

— Живут кое-где зимогоры.

— А никто не переезжал в одну из этих дач в середине марта?

Тарашкин покосился на солнечную реку, почесал ногтями ноги другую ногу.

— Вон в том лесишке заколоченная дача, — сказал он, — недели четыре назад, это я помню, гляжу — из трубы дым. Мы так и подумали — не то там беспризорные, не то бандиты.

— Видели кого-нибудь с той дачи?

— Постойте, Василий Витальевич. Их-то я, должно быть, и видел сегодня.

И Тарашкин рассказал о двух людях, причаливших на рассвете к болотистому берегу.

Шельга поддакивал: «так, так», острые глаза его стали как щелки.

— Пойдем, покажи дачу, — сказал он и тронул висевшую сзади на ремне кобуру револьвера.

5

Дача в чахлом березовом леску казалась необитаемой, — крыльцо сгнило, окна заколочены досками поверх ставен. В мезонине выбиты стекла, углы дома под остатками водосточных труб поросли мохом, под подоконниками росла лебеда.

— Вы правы — там живут, — сказал Шельга, осмотрев дачу из-за деревьев, потом осторожно обошел ее кругом. — Сегодня здесь были... Но за каким дьяволом им понадобилось лазить в окошко? Тарашкин, идите-ка сюда, здесь что-то неладно.

Они быстро подошли к крыльцу. На нем были видны следы ног. Налево от крыльца на

окне висела боком ставня — свежесорванная. Окно раскрыто внутрь. Под окном, на влажном песке — опять отпечатки ног. Следы большие, видимо, тяжелого человека, и другие — поменьше, узкие — носками внутрь.

— На крыльце следы другой обуви, — сказал Шельга.

Он заглянул в окно, тихо свистнул, позвал: «Эй, дядя, у вас окошко отворено, кабы чего не унесли». Никто не ответил. Из полутемной комнаты тянуло сладковатым неприятным запахом.

Шельга позвал громче, поднялся на подоконник, вынул револьвер и мягко спрыгнул в комнату. Полез за ним и Тарашкин.

Первая комната была пустая, под ногами валялись битые кирпичи, штукатурка, обрывки газет. Полуоткрытая дверь вела в кухню. Здесь на плите под ржавым колпаком, на столах и табуретах стояли примусы, фарфоровые тигли, стеклянные, металлические реторты, банки и цинковые ящики. Один из примусов еще шипел, догорая.

Шельга опять позвал: «Эй, дядя!» Покачал головой и осторожно притворил дверь в полутемную комнату, прорезанную плоскими, сквозь щели ставен, лучами солнца.

— Вот он! — сказал Шельга.

В глубине комнаты на железной кровати, навзничь, лежал одетый человек. Руки его были закинуты за голову и прикручены к прутьям кровати. Ноги обмотаны веревкой. Пиджак и рубашка на груди разорваны. Голова неестественно запрокинута, остро торчала бородка.

— Ага, вот они как его, — сказал Шельга, осматривая под соском убитого до рукоятки загнанный финский нож. — Пытали... Смотрите...

— Василий Витальевич, это тот самый, кто на лодке приплыл. Его не больше как часа полтора назад убили.

— Будьте здесь, караульте, ничего не трогать, никого не пускать, — слышите, Тарашкин?

Через несколько минут Шельга говорил по телефону из клуба:

— Наряд на вокзалы... Проверять всех пассажиров... Наряды по всем гостиницам. Проверить всех, кто возвратился между шестью и восемью утра. Агента и собаку в мое распоряжение.

6

До прибытия собаки-ищейки Шельга приступил к тщательному осмотру дачи, начиная с чердака.

Повсюду валялся мусор, битое стекло, обрывки обоев, ржавые банки от консервов. Окна затянуты паутиной, в углах — плесень, грибы. Дача, видимо, была заброшена еще с 1918 года. Обитаемыми оказались только кухня и комната с железной кроватью. Нигде ни признака удобств, никаких остатков еды, кроме найденной в кармане убитого французской булки и куска чайной колбасы.

Здесь не жили, сюда приезжали делать что-то, что нужно было скрывать. Таков был первый вывод, сделанный Шельгой в результате обыска. Обследование кухни показало, что здесь работали над какими-то химическими препаратами. Исследуя кучки золы на плите под колпаком, где, очевидно, производились химические пробы, перелистав несколько брошюр с загнутыми уголками страниц, он установил второе: убитый человек занимался всего-навсего обыкновенной пиротехникой.

Такое умозаключение поставило Шельгу в тупик. Он еще раз обыскал платье убитого — нового ничего не обнаружил. Тогда он подошел к вопросу с другой стороны.

Следы ног у окна показывали, что убийц было двое, что они проникли через окно, неминуемо рискуя встретить сопротивление, так как человек на даче не мог не услышать треска срываемой ставни.

Это означало, что убийцам нужно было во что бы то ни стало либо получить что-то чрезвычайно важное, либо умертвить человека на даче.

Далее: если предположить, что они хотели просто умертвить его, то, во-первых, они могли это сделать проще, скажем, подкараулив его где-нибудь по пути на дачу, и, во-вторых, положение убитого на кровати показывало, что его пытали, зарезан он был не сразу. Убийцам нужно было узнать что-то от этого человека, чего он не хотел сказать.

Что они могли выпытывать у него? Деньги? Трудно предположить, чтобы человек, отправляясь ночью на заброшенную дачу заниматься пиротехникой, стал брать с собой большие деньги. Вернее — убийцы хотели узнать какую-то тайну, связанную с ночными занятиями убитого.

Таким образом, ход мыслей привел Шельгу к новому исследованию кухни. Он отодвинул от стены ящики и обнаружил квадратный люк в подвал, который часто устраивают на дачах прямо под полом кухни. Тарашкин зажег огарок и лег на живот, освещая сырое подполье, куда Шельга осторожно спустился по тронутой гнилью, скользкой лестнице.

— Идите-ка сюда со свечкой, — крикнул из темноты Шельга, — вот где у него была настоящая-то лаборатория.

Подвал занимал площадь под всей дачей: у кирпичных стен стояло несколько дощатых столов на козлах, баллоны с газом, небольшой мотор и динамо, стеклянные ванны, в которых обычно производят электролиз, слесарные инструменты и повсюду на столах — кучки пепла...

— Вот он чем тут занимался, — с некоторым недоумением сказал Шельга, рассматривая прислоненные к стене подвала толстые деревянные бруски и листы железа. И листы и бруски во многих местах были просверлены, иные разрезаны пополам, места разрезов и отверстий казались обожженными и оплавленными.

В дубовой доске, стоящей торчмя, отверстия эти были диаметром в десятую долю миллиметра, будто от укола иголкой. Посредине доски выведено большими буквами: «П. П. Гарин». Шельга перевернул доску, и

иа обратиой стороне оказались те же навыворот буквы: какнм-то непонятным способом трехдюймовая доска была прожжена этой надписью насквозь.

— Фу-ты, черт, — сказал Шельга, — иет, П. П. Гарнн здесь не пнротехннкой занимался.

— Васнлнй Витальевич, а это что такое? — спроснл Тарашкии, показывая пнрамидку дюйма в полтора высоты, около дюйма в основанин, спрессованную из какого-то серого вещества.

— Где вы иашли?

— Их там целый ящнк.

Повертев, поиюхав пирамидку, Шельга поставнл ее иа край стола, воткиул сбоку в нее зажжениую спнчку и отошел в дальннй угол подвала. Спнчка догорела, пнрамндка вспыхнула ослепнтельным бело-голубоватым светом. Горела пять мннут с секундамн без копоти, почти без запаха.

— Рекомендую в следующнй раз таких опытов не производнть, — сказал Шельга, — пирамидка могла оказаться газовой свечкой. Тогда бы мы не ушли из подвала. Очень хорошо, — что же мы узнали? Попробуем установить: во-первых, убийство было не с целью мщеиия илн грабежа. Во-вторых, устаиовим фамилию убитого — П. П. Гарнн. Вот пока н все. Вы хотите возразить, Тарашкин, что, может быть, П. П. Гарнн тот, кто уехал на лодке. Не думаю. Фамнлию на доске написал сам Гарии. Это пснхологически ясно. Если бы я, скажем, изобрел какую-нибудь такую замечательную штуку, то уж наверно от восторга написал бы свою фамилию, ио уж иикак ие вашу. Мы зиаем, что убитый работал в лабораторни; значит, ои и есть изобретатель, то есть — Гарнн.

Шельга и Тарашкин вылезлн из подвала и, закурнв, сели на крылечке, иа солиценеке, поджидая агента с собакой.

7

На главном почтамте в одно из окошек приема заграничных телеграмм просунулась жнриая красноватая рука и повисла с дрожащим телеграфиым блаиком.

Телеграфист несколько секунд глядел иа эту руку н, иаконец, понял: «Ага, пятого пальца нет — мнзница», и стал читать бланк.

«Варшава, Маршалковская, Семеиову. Поручение выполнено наполовину, ннженер отбыл, документы получнть не удалось, жду распоряженнй. Стась».

Телеграфист подчеркнул красным — Варшава. Подиялся н, заслоинв собой окошечко, стал глядеть через решетку на подателя телеграммы. Это был масснвный, средних лет человек, с нездоровой, желтовато-серой кожей надутого лица, с внсячимн, прнкрывающими рот желтыми усами. Глаза спрятаны под щелками опухших век. На брнтой голове корнчневый бархатный картуз.

— В чем дело? — спроснл он грубо. — Прииимайте телеграмму.

— Телеграмма шифрованная, — сказал телеграфист.

— То есть как — шифрованная? Что вы мне еруиду порете! Это коммерческая телеграмма, вы обязаиы принять. Я покажу удостоверение, я состою прн польском консульстве, вы ответите за малейшую задержку.

Четырехпалый гражданни рассерднлся и тряс щеками, не говорил, а лаял, — но рука его на прилавке окошечка продолжала тревожно дрожать.

— Вндите ли, граждании, — говорнл ему телеграфист, — хотя вы уверяете, будто ваша телеграмма коммерческая, а я уверяю, что — полнтическая, шифроваиная.

Телеграфнст усмехался. Желтый господнн, сердясь, повышал голос, а между тем телеграмму его незаметно взяла барышня и отнесла к столу, где Василнй Витальевич Шельга просматривал всю подачу телеграмм этого дня.

Взглянув на блаик: «Варшава, Маршалковская», он вышел за перегородку в зал, остановнлся позадн серднтого отправителя н сделал знак телеграфнсту. Тот, покрутив носом, прошелся насчет панской политнки и сел писать квитанцию. Поляк тяжело сопел от злостн, переминаясь, скрипел лакированнымн башмаками. Шельга внимательио глядел на его большие иогн. Отошел к выходным дверям, кивнул дежурному агенту на поляка:

— Проследить.

Вчерашиие поиски с ищейкой привелн от дачи в березовом леску к реке Крестовке, где и оборвались: здесь убннцы, очевндио, сели в лодку. Вчерашний деиь не принес новых данных. Преступникн, по всей вндимости, были хорошо скрыты в Леиинграде. Не дал ничего и просмотр телеграмм. Только эта последняя, пожалуй, — в Варшаву Семеиову, — представляла некоторый ннтерес.

Телеграфист подал поляку квитанцию, тот полез в жилетный карман за мелочью. В это время к окошечку быстро подошел с бланком в руке краснвый темноглазый человек с острой бородкой и, поджидая, когда место освободится, со спокойным недоброжелательством глядел на солидиый живот сердитого поляка.

Затем Шельга увидел, как человек с острой бородкой вдруг весь подобрался: он заметил четырехпалую руку и сейчас же взглянул поляку в лицо.

Глаза нх встретились. У поляка отвалнлась челюсть. Опухшие векн шнроко раскрылись. В мутиых глазах мелькнул ужас. Лнцо его, как у чудовищного хамелеона, изменилось — стало свиицовым.

И только тогда Шельга понял, — узнал стоявшего перед поляком человека с бородкой: это был двойник убитого иа даче в березовом леску на Крестовском...

Поляк хрипло вскрнкиул и поиесся с невероятиой быстротой к выходу. Дежурный агент, которому было приказано лишь следить за ннм издали, беспрепятственно пропустил его на улицу и проскользнул вслед.

Двойник убитого остался стоять у окошечка. Холодиые, с темным ободком, глаза его не выражали ничего, кроме изумления. Он пожал плечом и, когда поляк скрылся, подал телеграфисту бланк:

«Париж, Бульвар Батиньоль, до востребования, номеру 555. Немедленно приступите к анализу, качество повысить на пятьдесят процентов, в середине мая жду первой посылки. П: П.».

— Телеграмма касается научных работ, ими сейчас занят мой товарищ, командированный в Париж Институтом неорганической химии, — сказал он телеграфисту. Затем не спеша потянул из кармана папиросную коробку, постукал папиросой и осторожно закурил ее. Шельга учтиво сказал ему:

— Разрешите вас на два слова.

Человек с бородкой взглянул на него, опустил ресницы и ответил с крайней любезностью:

— Пожалуйста.

— Я агент уголовного розыска, — сказал Шельга, приоткрывая карточку, — может быть, поищем более удобное место для разговора.

— Вы хотите арестовать меня?

— Ни малейшего намерения. Я хочу вас предупредить, что поляк, который отсюда выбежал, намерен вас убить, так же как вчера на Крестовском он убил инженера Гарина.

Человек с бородкой на минуту задумался. Ни вежливость, ни спокойствие не покинули его.

— Пожалуйста, — сказал он, — идемте, у меня четверть часа свободного времени.

8

На улице близ почтамта к Шельге подбежал дежурный агент — весь красный, в пятнах:

— Товарищ Шельга, он ушел.

— Зачем же вы его упустили?

— Его автомобиль ждал, товарищ Шельга.

— Где ваш мотоцикл?

— Вон валяется, — сказал агент, показывая на мотоцикл в ста шагах от почтамтского подъезда, — он подскочил и ножом по шине. Я засвистал. Он — в машину и — ходу.

— Заметили номер автомобиля?

— Нет.

— Я подам на вас рапорт.

— Так как же, когда у него номер нарочно весь грязью залеплен?

— Хорошо, идите в угрозыск, через двадцать минут я буду.

Шельга догнал человека с бородкой. Некоторое время они шли молча. Свернули к бульвару Профсоюзов.

— Вы поразительно похожи на убитого, — сказал Шельга.

— Мне это неоднократно приходилось слышать, моя фамилия Пьянков-Питкевич, — с готовностью ответил человек с бородкой. — Во вчерашней вечерней я прочел об убийстве Гарина. Это ужасно. Я хорошо знал этого человека, дельный работник, прекрасный химик. Я часто бывал в его лаборатории на Крестовском. Он готовил крупное открытие по военной химии. Вы имеете понятие о так называемых дымовых свечах?

Шельга покосился на него, не ответил, спросил:

— Как вы думаете — убийство Гарина связано с интересами Польши?

— Не думаю. Причина убийства гораздо глубже. Сведения о работах Гарина попали в американскую печать. Польша могла быть только передаточной инстанцией.

На бульваре Шельга предложил присесть. Было безлюдно. Шельга вынул из портфеля вырезки из русских и иностранных газет, разложил на коленях.

— Вы говорите, что Гарин работал по химии, сведения о нем проникли в зарубежную печать. Здесь кое-что совпадает с вашими словами, кое-что мне не совсем ясно. Вот прочтите:

«...В Америке заинтересованы сообщением из Ленинграда о работах одного русского изобретателя. Предполагают, что его прибор обладает наиболее могучей, изо всех известных до сих пор, разрушительной силой».

Питкевич прочел и — улыбаясь:

— Странно, — не знаю... Не слышал про это. Нет, это не про Гарина.

Шельга протянул вторую вырезку:

«...В связи с предстоящими большими маневрами американского флота в тихоокеанских водах был сделан запрос в военном министерстве, — известно ли о приборах колоссальной разрушительной силы, строящихся в Советской России».

Питкевич пожал плечами: «Чепуха», — и взял у Шельги третью вырезку:

«Химический король, миллиардер Роллинг, отбыл в Европу. Его отъезд связан с организацией треста заводов, обрабатывающих продукты угольной смолы и поваренной соли. Роллинг дал в Париже интервью, выразив уверенность, что его чудовищный химический концерн внесет успокоение в страны Старого Света, потрясаемые революционными силами. В особенности агрессивно Роллинг говорил о Советской России, где, по слухам, ведутся загадочные работы над передачей на расстояние тепловой энергии».

Питкевич внимательно прочел. Задумался. Сказал, нахмурив брови:

— Да. Весьма возможно, — убийство Гарина связано как-то с этой заметкой.

— Вы спортсмен? — неожиданно спросил Шельга, взял руку Питкевича и повернул ее ладонью вверх. — Я страстно увлекаюсь спортом.

— Вы смотрите, нет ли у меня мозолей от весел, товарищ Шельга... Видите — два пузырька, — это указывает, что я плохо гребу и что я два дня тому назад действительно греб около полутора часов подряд, отвозя Гарина в лодке на Крестовский остров... Вас удовлетворяют эти сведения?

Шельга отпустил его руку и засмеялся:

— Вы молодчина, товарищ Питкевич, с вами любопытно было бы повозиться всерьез.

— От серьезной борьбы я никогда не отказываюсь.

— Скажите, Питкевич, вы знали раньше этого поляка с четырьмя пальцами?

— Вы хотите знать, почему я изумился.

увидя у иего четырехпалую руку? Вы очень наблюдательиы, товарищ Шельга. Да, я изумился... больше — я испугался.

— Почему?

— Ну, вот этого я вам ие скажу.

Шельга покусал кожнцу иа губе. Смотрел вдоль пустыиного бульвара.

Питкевнч продолжал:

— У него ие только изуродована рука, — у иего иа теле чудовищный шрам иаискосок через грудь. Изуродовал Гарии в тысяча девятьсот девятнадцатом году. Человека этого зовут Стась Тыклинскнй...

— Что же, — спросил Шельга, — покойиый Гарии изуродовал его тем же способом, каким он разрезал трехдюймовые доски?

Питкевич быстро повериул голову к собеседнику, и оии иекоторое время глядели в глаза друг другу: одии спокойио и иепроиицаемо, другой весело и открыто.

— Арестовать меия все-таки вы иамереваетесь, товарищ Шельга?

— Нет... Это мы всегда успеем.

— Вы правы. Я зиаю миого. Но, разумеется, иикакими прииудительиыми мерами вы ие выпытаете у меия того, чего я ие хочу открывать. В преступлеиии я ие замешаи, вы сами зиаете. Хотите — игру в открытую? Условия борьбы: после хорошего удара мы встречаемся н откровеиио беседуем. Это будет похоже иа шахматиую партию. Запрещеииые приемы — убивать друг друга до смерти. Кстати — покуда мы с вами беседуем, вы подвергались смертельиой опасиости, уверяю вас, — я ие шучу. Если бы иа вашем месте сидел Стась Тыклниский, то я бы, скажем, осмотрелся, — пустыиио, — и пошел бы не спеша иа Сеиатскую площадь, а его бы иашли иа этой скамейке безиадежио мертвым, с отвратительиыми пятиами иа теле. Но, повторяю, к вам этих фокусов примеиять ие стаиу. Хотите партию?

— Ладио. Согласеи, — сказал Шельга, блестя глазами, — иападать буду я первым, так?

— Разумеется, если бы вы ие поймали меия иа почтамте, я бы сам, коиечио, ие предложил игры. А что касается четырехпалого поляка — обещаю помогать в его розыске. Где бы его ии встретил — я вам иемедлеиио сообщу по телефоиу или телеграфио.

— Ладио. А теперь, Питкевич, покажите, что у вас за штука такая, чем вы грозитесь...

Питкевич качиул головой, усмехиулся: «Будь по-вашему — игра открытая», и осторожио выиул из бокового кармаиа плоскую коробку. В ией лежала металлическая, в палец толщиии, трубка.

— Вот и все, только иадавить с одиого коица, — там виутри хрустиет стеклышко.

9

Подходя к уголовиому розыску, Шельга сразу остаиовился, — будто иалетел иа телеграфиый столб: «Хе! — выдохиул он, — хе! — и бешеио топиул иогой: — Ах, ловкач, ах, артист!»

Шельга действительио был одурачеи вчистую. Ои стоял в двух шагах от убийцы (в этом теперь не было сомнеиия) н не взял его. Ои говорнл с человеком, знающнм, виднмо, все нитн убнйства, и тот умудрился иичего ему не сказать по существу. Этот Пьяиков-Питкевич владел какой-то тайной... Шельга вдруг понял — имению государствениого, мирового значения была эта тайна... Ои уже за хвост держал Пьянкова-Питкевнча, — «вывериулся, проклятый, обошел!»

Шельга взбежал иа третий этаж к себе в отдел. На столе лежал пакет из газетиой бумаги. В глубокой нише окна сидел смириый толстенький человек в смазных сапогах. Держа картуз у живота, ои поклоиился Шельге.

— Бабичев, управдом, — сказал он с сильио самогоииым духом, — по Пушкарской улице двадцать четвертый номер дома, жилтоварищество.

— Это вы принесли пакет?

— Я принес. Из квартиры иомер трииадцатый... Это ие в главиом корпусе, а в пристроечке. Жилец вторые сутки у иас пропал. Сегодия милицию позвали, дверь вскрыли, составили акт в порядке закоиа, — управдом прикрыл рот рукой, щеки его покрасиели, глаза слегка вылезли, увлажиились, дух самогоиа иаполиил комиату, — зиачит, этот пакет я иашел дополиительно в печке.

— Фамилия пропавшего жильца?

— Савельев, Иваи Алексеевич.

Шельга развериул пакет. Там оказались — фотографическая карточка Пьяикова-Питкевича, гребеиь, иожиицы и скляика темиой жидкостн, краска для волос.

— Чем заиимался Савельев?

— По учеиой части. Когда у иас фаиовая труба лопиула — комитет к иему обратился... Ои — «рад бы, говорит, вам помочь, но я химнк».

— Ои часто отлучался по иочам с квартиры?

— По иочам? Нет. Не замечалось, — управдом опять прикрыл рот, — чуть свет ои — со двора, это верио. Но так, чтобы по ночам, — ие замечалось, пьяиым ие видели.

— Ходили к иему зиакомые?

— Не замечалось.

Шельга по телефону запросил отдел милиции Петроградской стороиы. Оказалось, — в прнстройке дома двадцать четыре по Пушкарской действительио проживал Савельев Иваи Алексеевич, тридцати шести лет, иижеиер-химик. Поселился иа Пушкарской в феврале с удостоверением личиости, выдаииым тамбовской милнцней.

Шельга послал телеграфиый запрос в Тамбов и иа автомобиле вместе с управдомом поехал на Фоитаику, где в отделе уголовиого следствия, иа ледиике, лежал труп человека, убитого иа Крестовском. Управдом сейчас же в ием призиал жильца из трииадцатого иомера.

10

В то же прнблизительио время тот, кто иазывал себя Пьяиковым-Питкевичем, подъехал иа извозчике с подиятым верхом к одиому из

пустырей на Петроградской стороне, расплатился н пошел по тротуару вдоль пустыря. Он открыл калнтку в дощатом заборе, мнновал двор н поднялся по узкой лестннце черного хода на пятый этаж. Двумя ключами открыл дверь, повесил в пустой прихожей на единственный гвоздь пальто и шляпу, вошел в комнату, где четыре окна до половнны былн замазаны мелом, сел на продранный днван н закрыл лицо рукамн.

Только здесь, в уединенной комнате (уставленной книжнымн полкамн и фнзнческнми приборами), он мог отдаться, наконец, ужасному волненню, почти отчаянию, потрясшему его со вчерашнего дня.

Его рукн, сжимавшие лицо, дрожалн. Он поннмал, что смертельная опасность не миновала. Он был в окруженин. Только какне-то небольшне возможностн складывались в его пользу, из ста — девяносто девять было против. «Как неосторожно, ах, как неосторожно», — шептал он.

Усилием воли он, иаконец, овладел своим волнением, ткиул кулаком грязную подушку, лег иавзничь и закрыл глаза.

Его мысли, перегруженные страшным напряжением, отдыхалн. Несколько мииут мертвой неподвижности освежили его. Он поднялся, иалнл в стакаи мадеры и выпнл однмм глотком. Когда горячая волиа пошла по телу, он стал шагать по комиате, с методичиой неторопливостью, ища этих иебольших возможностей к спасеиию.

Он осторожио отогнул у плитуса старые отставшие обои, вытащил нз-под ннх листы чертежей н свернул нх трубкой. Снял с полок несколько книг и все это, вместе с чертежамн н частямн физическнх приборов, уложнл в чемодан. Поминутно прислушиваясь, отнес чемодан вниз н в одном нз темных дровяных подвалов спрятал его под кучей мусора. Снова поднялся к себе, вынул из пнсьменного стола револьвер, осмотрел, сунул в заднні карман.

Было без четверти пять. Он опять лег и курил одну папиросу за другой, бросая окуркн в угол. «Разумеется, онн не нашли!» — почтн закричал ои, сбрасывая ноги с дивана, н снова забегал по диагонали комнаты.

В сумерки он натянул грубые сапогн, надел парусиновое пальто н вышел нз дому.

11

В полночь в шестнадцатом отделеннн милнцнн был вызван к телефону дежурный. Торопливый голос проговорил ему в ухо:

— На Крестовскнй, на дачу, где позавчера было убийство, послать немедлеино наряд милицин...

Голос прервался. Дежурный сволочнулся в трубку. Вызвал проверочную, оказалось, что звонили нз гребной школы. Позвоннл в гребную школу. Там долго трещал телефон, иаконец заспанный голос проговорил:

— Что нужно?

— От вас сейчас звоннли?

— Звоиилн, — зевнув, ответил голос.

— Кто звоннл?.. Вы вделн?

— Нет, у нас электричество испорчено. Сказали, что по поручению товарнща Шельгн.

Через полчаса четверо мнлнцнонеров выскочнлн из грузовнчка у заколоченной дачн на Крестовском. За березамн тускло багровел остаток зарн. В тншнне слышалнсь слабые стоны. Человек в тулупе лежал ннчком блнз черного крыльца. Его перевернулн, — оказался сторож. Около него валялась вата, пропитанная хлороформом.

Дверь крыльца была раскрыта настежь. Замок сорван. Когда милнционеры проннкли внутрь дачн, нз подполья чей-то заглушенный голос закрнчал:

— Люк, отвалите люк в кухне, товарищи...

Столы, ящикн, тяжелые мешкн навалены были горой у стены на кухне. Их раскндали, поднялн крышку люка.

Из подполья выскочнл Шельга, — весь в паутине, в пылн, с дикнмн глазамн.

— Скорее сюда! — крикнул он, нсчезая за дверью. — Свет, скорее!

В комнате (с железной кроватью) в свете потайных фонарей увидалн на полу два расстрелянных револьвера, коричневый бархатный картуз н отвратнтельные, с едкнм запахом, следы рвоты.

— Осторожнее! — крикиул Шельга. — Не дышнте, уходите, это — смерть!

Отступая, тесня к дверям мнлнционеров, ои с ужасом, с омерзеинем глядел иа валяющуюся иа полу металлическую трубку величной с человеческий палец.

12

Как все крупного масштаба деловые людн, хнмнческий король Роллинг прннимал по делам в особо для того снятом помещенин, офисе, где его секретарь фильтровал посетнтелей, устанавлнвая степень их важности, читал их мыслн н с чудовнщной вежливостью отвечал на все вопросы. Стенографистка превращала в крнсталлы человеческих слов идеи Роллинга, которые (еслн взять нх арифметнческое среднее за год и умножнть на денежный эквивалент) стоили приблнзительно пятьдесят тысяч долларов за каждый протекающий в одну секунду отрезок идеи короля неорганнческой хнмнн. Мнидалевндные ногтн четырех машнннсток, не переставая, порхали по клавншам четырех ундервудов. Мальчнк для поручений мгновенно вслед за вызовом вырастал перед глазамн Роллннга, как сгустившаяся матерня его волн.

Офнс Роллинга на бульваре Мальзерб был мрачным и серьезным помещением. Темного штофа стены, темные бобрнкн на полу, темная кожаная мебель. На темных столах, покрытых стеклом, лежали сборники реклам, справочные кннгн в коричневой юфте, проспекты хнмнческнх заводов. Несколько ржавых газовых снарядов н бомбомет, прнвезенные с полей войны, украшали камин.

За высокими, темного ореха, дверямн, в кабииете средн диаграмм, картограмм и фото-

графий сидел химический король Роллинг. Профильтрованные посетители неслышно по бобрику входили в приемную, садились на кожаные стулья и с волнением глядели на ореховую дверь. Там, за дверью, самый воздух в кабинете короля был невероятно драгоценен, так как его пронизывали мысли, стоящие пятьдесят тысяч долларов в секунду.

Какое человеческое сердце осталось бы спокойным, когда среди почтенной тишины в приемной вдруг зашевелится бронзовая, в виде лапы, держащей шар, массивная ручка орехового дерева и появится маленький человек в темно-сером пиджачке, с известной всему миру бородкой, покрывающей щеки, мучительно неприветливый, почти сверхчеловек, с желтовато-нездоровым лицом, напоминающим известную всему миру марку изделий: желтый кружок с четырьмя черными полосками... Приоткрывая дверь, король вонзался глазами в посетителя и говорил с сильным американским акцентом — «прошу».

13

Секретарь (с чудовищной вежливостью) спросил, держа золотой карандашик двумя пальцами:

— Простите, ваша фамилия?

— Генерал Субботин, русский... эмигрант.

Отвечавший сердито вскинул плечи и скомканным платком провел по серым усам.

Секретарь, улыбаясь так, будто разговор касается приятнейших, дружеских вещей, пролетел карандашом по блокнотику и спросил совсем уже осторожно:

— Какая цель, мосье Субботин, вашей предполагаемой беседы с мистером Роллингом?

— Чрезвычайная, весьма существенная.

— Быть может, я попытаюсь изложить ее вкратце для представления мистеру Роллингу.

— Видите ли, цель, так сказать, проста, план... Обоюдная выгода...

— План, касающийся химической борьбы с большевиками, я так понимаю? — спросил секретарь.

— Совершенно верно... Я намерен предложить мистеру Роллингу...

— Я боюсь, — с очаровательной вежливостью перебил его секретарь, и приятное лицо его изобразило даже страдание, — боюсь, что мистер Роллинг немного перегружен подобными планами. С прошлой недели к нам поступило от одних только русских сто двадцать четыре предложения о химической войне с большевиками. У нас в портфеле имеется прекрасная диспозиция воздушно-химического нападения одновременно на Харьков, Москву и Петроград. Автор диспозиции остроумно развертывает силы на плацдармах буферных государств, — очень, очень интересно. Автор дает даже точную смету: шесть тысяч восемьсот пятьдесят тонн горчичного газа для поголовного истребления жителей в этих столицах.

Генерал Субботин, побагровев от страшного прилива крови, перебил:

— В чем же дело, мистер, как вас! Мой план не хуже, но и этот — превосходный план. Надо действовать! От слов к делу... За чем же остановка?

— Дорогой генерал, остановка только за тем, что мистер Роллинг пока еще не видит эквивалента своим расходам.

— Какого такого эквивалента?

— Сбросить шесть тысяч восемьсот пятьдесят тонн горчичного газа с аэропланов не составит труда для мистера Роллинга, но на это потребуются некоторые расходы. Война стоит денег, не правда ли? В представляемых планах мистер Роллинг пока видит одни расходы. Но эквивалента, то есть дохода от диверсий против большевиков, к сожалению, не указывается.

— Ясно, как божий день... доходы... колоссальные доходы всякому, кто возвратит России законных правителей, законный нормальный строй, — золотые горы такому человеку! — Генерал, как орел, из-под бровей уперся глазами в секретаря. — Ага! Значит, указать также эквивалент?

— Точно вооружась цифрами: налево — пассив, направо — актив, затем — черту и разницу со знаком плюс, которая может заинтересовать мистера Роллинга.

— Ага! — Генерал засопел, надвинул пыльную шляпу и решительно зашагал к двери.

14

Не успел генерал выйти — в подъезде послышался протестующий голос мальчика для поручений, затем другой голос выразил желание, чтобы мальчишку взяли черти, и перед секретарем появился Семенов в расстегнутом пальто, в руке шляпа и трость, в углу рта изжеванная сигара.

— Доброе утро, дружище, торопливо сказал он секретарю и бросил на стол шляпу и трость, — пропустите-ка меня к королю вне очереди.

Золотой карандашик секретаря повис в воздухе.

— Но мистер Роллинг сегодня особенно занят.

— Э, вздор, дружище... У меня в автомобиле дожидается человек, только что из Варшавы... Скажите Роллингу, что мы по делу Гарина.

У секретаря взлетели брови, и он исчез за ореховой дверью. Через минуту высунулся: «Мосье Семенов, вас просят», — просвистал он нежным шепотом. И сам нажал дверную ручку в виде лапы, держащей шар.

Семенов встал перед глазами химического короля. Семенов не выразил при этом особого волнения, во-первых, потому, что по натуре был хам, во-вторых, потому, что в эту минуту король нуждался в нем больше, чем он в короле.

Роллинг просверлил его зелеными глазами. Семенов, и этим не смущаясь, сел напротив по другую сторону стола. Роллинг сказал:

— Ну?

— Дело сделано.

— Чертежи?

— Видите ли, мистер Роллинг, тут вышло некоторое недоразумение...

— Я спрашиваю, где чертежи? Я их не вижу, — свирепо сказал Роллинг и ладонью легко ударил по столу.

— Слушайте, Роллинг, мы условились, что я вам доставлю не только чертежи, но и самый прибор... Я сделал колоссально много... Нашел людей... Послал их в Петроград. Они проникли в лабораторию Гарина. Они видели действие прибора.... Но тут, черт его знает, что-то случилось... Во-первых, Гариных оказалось двое.

— Я это предполагал в самом начале, — брезгливо сказал Роллинг.

— Одного нам удалось убрать.

— Вы его убили?

— Если хотите — что-то в этом роде. Во всяком случае — он умер. Вас это не должно беспокоить: ликвидация произошла в Петрограде, сам он советский подданный, — пустяки... Но затем появился его двойник... Тогда мы сделали чудовищное усилие...

— Одним словом, — перебил Роллинг, — двойник или сам Гарин жив, и ни чертежей, ни приборов вы мне не доставили, несмотря на затраченные мною деньги.

— Хотите — я позову, — в автомобиле сидит Стась Тыклинский, участник всего этого дела, — он вам расскажет подробно.

— Не желаю видеть никакого Тыклинского, мне нужны чертежи и прибор... Удивляюсь вашей смелости — являться с пустыми руками...

Несмотря на холод этих слов, несмотря на то, что, окончив говорить, Роллинг убийственно посмотрел на Семенова, уверенный, что паршивый русский эмигрант испепелится и исчезнет без следа, — Семенов, не смущаясь, сунул в рот изжеванную сигару и проговорил бойко:

— Не хотите видеть Тыклинского, и не надо, — удовольствие маленькое. Но вот какая штука: мне нужны деньги, Роллинг, — тысяч двадцать франков. Чек дадите или наличными?

При всей огромной опытности и знании людей Роллинг первый раз в жизни видел такого нахала. У Роллинга выступило даже что-то вроде испарины на мясистом носу, — такое он сделал над собой усилие, чтобы не въехать чернильницей в веснушчатую рожу Семенова... (А сколько было потеряно драгоценнейших секунд во время этого дрянного разговора!) Овладев собою, он потянулся к звонку.

Семенов, следя за его рукой, сказал:

— Дело в том, дорогой мистер Роллинг, что инженер Гарин сейчас в Париже.

15

Роллинг вскочил, — ноздри распахнулись, между бровей вздулась жила. Он подбежал к двери и запер ее на ключ, затем близко подошел к Семенову, взялся за спинку кресла, другой рукой вцепился в край стола. Наклонился к его лицу:

— Вы лжете.

— Ну вот еще, стану я врать... Дело было так: Стась Тыклинский встретил этого двойника в Петрограде на почте, когда тот сдавал телеграмму, и заметил адрес: Париж, бульвар Батиньоль... Вчера Тыклинский приехал из Варшавы, и мы сейчас же побежали на бульвар Батиньоль и — нос к носу напоролись в кафе на Гарина или на его двойника, черт их разберет.

Роллинг ползал глазами по веснушчатому лицу Семенова. Затем выпрямился, из легких его вырвалось пережженное дыхание:

— Вы прекрасно понимаете, что мы не в Советской России, а в Париже, — если вы совершите преступление, спасать от гильотины я вас не буду. Но если вы попытаетесь меня обмануть, я вас растопчу.

Он вернулся на свое место, с отвращением раскрыл чековую книжку: «Двадцать тысяч не дам, с вас довольно и пяти...» Выписал чек, ногтем толкнул его по столу Семенову и потом — не больше, чем на секунду, — положил локти на стол и ладонями стиснул лицо.

16

Разумеется, не по воле случая красавица Зоя Монроз стала любовницей химического короля. Только дураки да те, кто не знает, что такое борьба и победа, видят повсюду случай. «Вот этот счастливый», — говорят они с завистью и смотрят на удачника, как на чудо. Но сорвись он — тысячи дураков с упоением растопчут его, отвергнутого божественным случаем.

Нет, ни капли случайности, — только ум и воля привели Зою Монроз к постели Роллинга. Воля ее была закалена, как сталь, приключениями девятнадцатого года. Ум ее был настолько едок, что она сознательно поддерживала среди окружающих веру в исключительное расположение к себе божественной фортуны, или Счастья...

В квартале, где она жила (левый берег Сены, улица Сены), в мелочных, колониальных, винных, угольных и гастрономических лавочках считали Зою Монроз чем-то вроде святой.

Ее дневной автомобиль — черный лимузин 24 HP, ее прогулочный автомобиль — полубожественный рольс-ройс 80 HP, ее вечерняя электрическая каретка, — внутри — стеганого шелка, — с вазочками для цветов и серебряными ручками, — и в особенности выигрыш в казино в Довиле полутора миллионов франков, — вызывали религиозное восхищение в квартале.

Половину выигрыша, осторожно, с огромным знанием дела, Зоя Монроз «вложила» в прессу.

С октября месяца (начало парижского сезона) пресса «подняла красавицу Монроз на перья». Сначала в мелкобуржуазной газете появился пасквиль о разоренных любовниках

Зои Монроз. «Красавица слишком дорого нам стоит!» — восклицала газета. Затем влиятельный радикальный орган, ни к селу ни к городу, по поводу этого пасквиля загремел о мелких буржуа, посылающих в парламент лавочников и винных торговцев с кругозором не шире их квартала. «Пусть Зоя Монроз разорила дюжину иностранцев, — восклицала газета, — их деньги вращаются в Париже, они увеличивают энергию жизни. Для нас Зоя Монроз лишь символ здоровых жизненных отношений, символ вечного движения, где один падает, другой поднимается».

Портреты и биографии Зои Монроз сообщались во всех газетах:

«Ее покойный отец служил в императорской опере в С.-Петербурге. Восьми лет очаровательная малютка Зоя была отдана в балетную школу. Перед самой войной она ее окончила и дебютировала в балете с успехом, которого не запомнит Северная столица. Но вот — война, и Зоя Монроз с юным сердцем, переполненным милосердия, бросается на фронт, одетая в серое платьице с красным крестом на груди. Ее встречают в самых опасных местах, спокойно наклоняющуюся над раненым солдатом среди урагана вражеских снарядов. Она ранена (что, однако, не нанесло ущерба ее телу юной грации), ее везут в Петербург, и там она знакомится с капитаном французской армии. Революция. Россия предает союзников. Душа Зои Монроз потрясена Брестским миром. Вместе со своим другом, французским капитаном, она бежит на юг и там верхом на коне, с винтовкой в руках, как разгневанная грация, борется с большевиками. Ее друг умирает от сыпного тифа. Французские моряки увозят ее на миноносце в Марсель. И вот она в Париже. Она бросается к ногам президента, прося дать ей возможность стать французской подданной. Она танцует в пользу несчастных жителей разрушенной Шампаньи. Она — на всех благотворительных вечерах. Она — как ослепительная звезда, упавшая на тротуары Парижа».

В общих чертах биография была правдива. В Париже Зоя быстро осмотрелась и пошла по линии: всегда вперед, всегда с боями, всегда к самому трудному и ценному. Она действительно разорила дюжину скоробогачей, тех самых коротеньких молодчиков с волосатыми пальцами в перстнях и с воспаленными щеками. Зоя была дорогая женщина, и они погибли.

Очень скоро она поняла, что скоробогатые молодчики не дадут ей большого шика в Париже. Тогда она взяла себе в любовники модного журналиста, изменила ему с парламентским деятелем от крупной промышленности и поняла, что самое шикарное в двадцатых годах двадцатого века — это химия.

Она завела секретаря, который ежедневно делал ей доклады об успехах химической промышленности и давал нужную информацию. Таким образом она узнала о предполагающейся поездке в Европу короля химии Роллинга.

Она сейчас же выехала в Нью-Йорк. Там, на месте, купила, с душой и телом, репортера большой газеты, — и в прессе появились заметки о приезде в Нью-Йорк самой умной, самой красивой в Европе женщины, которая соединяет профессию балерины с увлечением самой модной наукой — химией и даже, вместо банальных бриллиантов, носит ожерелье из хрустальных шариков, наполненных светящимся газом. Эти шарики подействовали на воображение американцев.

Когда Роллинг сел на пароход, отходящий во Францию, — на верхней палубе, на площадке для тенниса, между широколистной пальмой, шумящей от морского ветра, и деревом цветущего миндаля, сидела в плетеном кресле Зоя Монроз.

Роллинг знал, что это самая модная женщина в Европе, кроме того, она действительно ему понравилась. Он предложил ей быть его любовницей. Зоя Монроз поставила условием подписать контракт с неустойкой в миллион долларов.

О новой связи Роллинга и о необыкновенном контракте дано было радио из открытого океана. Эйфелева башня приняла эту сенсацию, и на следующий день Париж заговорил о Зое Монроз и о химическом короле.

17

Роллинг не ошибся в выборе любовницы. Еще на пароходе Зоя сказала ему:

— Милый друг, было бы глупо с моей стороны совать нос в ваши дела. Но вы скоро увидите, что как секретарь я еще более удобна, чем как любовница. Женская дребедень меня мало занимает. Я честолюбива. Вы большой человек: я верю в вас. Вы должны победить. Не забудьте, — я пережила революцию, у меня был сыпняк, я дралась, как солдат, и проделала верхом на коне тысячу километров. Это незабываемо. Моя душа выжжена ненавистью.

Роллингу показалась занимательной ее ледяная страстность. Он прикоснулся пальцем к кончику ее носа и сказал:

— Крошка, для секретаря при деловом человеке у вас слишком много темперамента, вы сумасшедшая, в политике и делах вы всегда останетесь дилетантом.

В Париже он начал вести переговоры о трестировании химических заводов. Америка вкладывала крупные капиталы в промышленность Старого Света. Агенты Роллинга осторожно скупали акции. В Париже его называли «американским буйволом». Действительно, он казался великаном среди европейских промышленников. Он шел напролом. Луч зрения его был узок. Он видел перед собой одну цель: сосредоточение в одних (своих) руках мировой химической промышленности.

Зоя Монроз быстро изучила его характер, его приемы борьбы. Она поняла его силу и его слабость. Он плохо разбирался в политике и говорил иногда глупости о революции и о большевиках. Она незаметно окружила его нужными и полезными людьми. Свела его с миром журналистов и руководила беседами.

Она покупала мелких хроникеров, на которых он не обращал внимания, но они оказали ему больше услуг, чем солидные журналисты, потому что они проникали, как москиты, во все щели жизни.

Когда она «устроила» в парламенте небольшую речь правого депутата «о необходимости тесного контакта с американской промышленностью в целях химической обороны Франции», Роллинг в первый раз по-мужски, дружески, со встряхиванием пожал ей руку:

— Очень хорошо, я беру вас в секретари с жалованием двадцать семь долларов в неделю.

Роллинг поверил в полезность Зои Монроз и стал с ней откровенен по-деловому, то есть — до конца.

18

Зоя Монроз поддерживала связи с некоторыми из русских эмигрантов. Один из них, Семенов, состоял у нее на постоянном жалованье. Он был инженером-химиком выпуска военного времени, затем прапорщиком, затем белым офицером и в эмиграции занимался мелкими комиссиями, вплоть до перепродажи ношеных платьев уличным девчонкам.

У Зои Монроз он заведовал контрразведкой. Приносил ей советские журналы и газеты, сообщал сведения, сплетни, слухи. Он был исполнителен, боек и не брезглив.

Однажды Зоя Монроз показала Роллингу вырезку из ревельской газеты, где сообщалось о строящемся в Петрограде приборе огромной разрушительной силы. Роллинг засмеялся:

— Вздор, никто не испугается... У вас слишком горячее воображение. Большевики ничего не способны построить.

Тогда Зоя пригласила к завтраку Семенова, и он рассказал по поводу этой заметки странную историю:

«...В девятнадцатом году в Петрограде, незадолго до моего бегства, я встретил на улице приятеля, поляка, вместе с ним кончил технологический институт, — Стася Тыклинского. Мешок за спиной, ноги обмотаны кусками ковра, на пальто цифры — мелом — следы очередей. Словом, все как полагается. Но лицо оживленное. Подмигивает. В чем дело? «Я, говорит, на такое золотое дело наскочил — ай люли! — миллионы! Какой там, — сотни миллионов (золотых, конечно)!» Я, разумеется, пристал — расскажи, он только смеется. На том и расстались. Недели через две после этого я проходил по Васильевскому острову, где жил Тыклинский. Вспомнил про его золотое дело, — думаю, дай попрошу у миллионера полфунтика сахару. Зашел. Тыклинский лежит чуть ли не при смерти, — рука и грудь забинтованы.

— Кто это тебя так отделал?

— Подожди, — отвечает, — святая дева поможет — поправлюсь — я его убью.

— Кого?

— Гарина.

И он рассказал, правда, сбивчиво и туманно, не желая открывать подробности, про то, как давнишний его знакомый, инженер Гарин, предложил ему приготовить угольные свечи для какого-то прибора необыкновенной разрушительной силы. Чтобы заинтересовать Тыклинского, он обещал ему процент с барышей. Он предполагал по окончании опытов удрать с готовым прибором в Швецию, взять там патент и самому заняться эксплуатацией аппарата.

Тыклинский с увлечением начал работать над пирамидками. Задача была такова, чтобы при возможно малом их объеме выделялось возможно большее количество тепла. Устройство прибора Гарин держал в тайне, — говорил, что принцип его необычайно прост и потому малейший намек раскроет тайну. Тыклинский поставлял ему пирамидки, но ни разу не мог упросить показать ему аппарат.

Такое недоверие бесило Тыклинского. Они часто ссорились. Однажды Тыклинский проследил Гарина до места, где он производил опыты, — в полуразрушенном доме на одной из глухих улиц Петербургской стороны. Тыклинский пробрался туда вслед за Гариным и долго ходил по каким-то лестницам, пустынным комнатам с выбитыми окнами, и наконец в подвале услыхал сильное, точно от бьющей струи пара, шипение и знакомый запах горящих пирамидок.

Он осторожно спустился в подвал, но споткнулся о битые кирпичи, упал, нашумел и, шагах в тридцати от себя, за аркой, увидел освещенное коптилкой, перекошенное лицо Гарина. «Кто, кто здесь?» — дико закричал Гарин, и в это же время ослепительный луч, не толще вязальной иглы, соскочил со стены и резнул Тыклинского наискосок через грудь и руку.

Тыклинский очнулся на рассвете, долго звал на помощь и на четвереньках выполз из подвала, обливаясь кровью. Его подобрали прохожие, доставили на ручной тележке домой. Когда он выздоровел, началась война с Польшей, — ему пришлось уносить ноги из Петрограда».

Рассказ этот произвел на Зою Монроз чрезвычайное впечатление. Роллинг недоверчиво усмехался: он верил только в силу удушающих газов. Броненосцы, крепости, пушки, громоздкие армии — все это, по его мнению, были пережитки варварства. Аэропланы и химия — вот единственные могучие орудия войны. А какие-то там приборы из Петрограда — вздор и вздор!

Но Зоя Монроз не успокоилась. Она послала Семенова в Финляндию, чтобы оттуда добыть точные сведения о Гарине. Белый офицер, нанятый Семеновым, перешел на лыжах русскую границу, нашел в Петрограде Гарина, говорил с ним и даже предложил ему совместно работать. Гарин держался очень осторожно. Видимо, ему было известно, что за ним следят из-за границы. О своем аппарате он говорил в том смысле, что того, кто будет владеть им, ждет сказочное могущество. Опыты с моделью аппарата дали блестящие результаты. Он ждал только окончания работ над свечами-пирамидками.

В дождливый воскресный вечер начала весиы огни из окон и бесчнслеиные огин фоиарей отражались в асфальтах парижских улиц.

Будто по чериым каиалам, иад бездиой огией мчались мокрые автомобили, бежали, сталкивались, крутились промокшие зоитики. Прелой сыростью бульваров, запахом овощиых лавок, беизииовой гарью н духами была иапитаиа дождевая мгла.

Дождь струился по графитовым крышам, по решеткам балконов, по огромиым полосатым тентам, раскииутым над кофейиямн. Мутно в тумаие зажигались, крутились, мерцали огиеииые рекламы всевозможиых увеселений.

Люди малеиькие — приказчики и приказчицы, чииовиикн н служащне — развлекалнсь, кто как мог, в этот деиь. Людн большие, деловые, солидиые сидели по домам у камниов. Воскресеиье было днем черин, отданиым ей иа растерзаиие.

Зоя Монроз сидела, подобрав ноги, иа шнроком дниаие средн миожества подушечек. Оиа курила и глядела иа огонь камниа. Роллинг, во фраке, помещался, с иогами иа скамеечке, в большом кресле и тоже курил и глядел на угли.

Его освещениое камииом лицо казалось раскалеиио-красиым, — мясистый иос, щеки, заросшие бородкой, полузакрытые веками, слегка воспалеииые глаза повелнтеля вселеиной. Ои предавался хорошей скуке, иеобходимой раз в иеделю, чтобы дать отдых мозгу и нервам.

Зоя Моироз протянула перед собой красивые обиажеииые руки н сказала:

— Роллииг, прошло уже два часа после обеда.

— Да, — ответил ои, — я так же, как и вы, полагаю, что пищевареине окоичено.

Ее прозрачиые, почти мечтательиые глаза скользиулн по его лицу. Тихо, серьезным голосом, оиа иазвала его по имеии. Он ответил, ие шевелясь в иагретом кресле:

— Да, я слушаю вас, моя крошка.

Разрешенне говорить было даио. Зоя Монроз пересела иа край днвана, обхватила колеио.

— Скажите, Роллннг, хнмическне заводы представляют большую опасность для взрыва?

— О да. Четвертое пронзводное от каменного угля — тротнл — чрезвычайно могучее взрывчатое вещество. Восьмое пронзводиое от угля—пикрнновая кислота, ею начиияют бронебойиые снаряды морских орудий. Но есть н еще более сильная штука, это — тетрил.

— А это что такое, Роллннг?

— Все тот же каменный уголь. Бензол (C_6H_6), смешанный прн восьмндесятн градусах с азотной кислотой (HNO_3), дает нитробензол. Формула нитробензола — $C_6H_5NO_2$. Еслн мы в ней две частн кислорода O_2 заменим двумя частямн водорода H_2, то есть еслн мы нитробеизол иачнем медлеино размешивать при восьмндесятн градусах с чугунными опилкамн, с небольшнм колнчеством соляной кислоты, то мы получнм аннлнн ($C_6H_5NH_2$). Анилии, смешанный с древесным спиртом при пятидесяти атмосферах давлеиия, даст диметил-аиилнн. Затем выроем огромиую яму, обиесем ее земляиым валом, виутри поставим сарай и там произведем реакцию диметнл-анилии с азотиой кислотой. За термометрами во время этой реакции мы будем иаблюдать издали, в подзориую трубу. Реакция диметиланилииа с азотиой кислотой даст иам тетрил. Этот самый тетрил — иастоящий дьявол: от иеизвестиых причии ои иногда взрывается во время реакции и разворачивает в пыль огромиые заводы. К сожалению, иам приходится иметь с иим дело: обработаниый фосгеном, он дает синюю краску — кристалл-виолет. На этой штуке я заработал хорошие деиьги. Вы задали мие забавиый вопрос... Гм... Я счнтал, что вы более осведомлеиы в химии. Гм... Чтобы приготовить из камеииоугольиой смолы, скажем, облаточку пирамидоиа, который, скажем, исцелит вашу головиую боль, необходимо пройти длииный ряд ступеией... На пути от камениого угля до пирамидоиа, или до флакоичика духов, или до обычиого фотографического препарата — лежат такие дьявольские вещи, как тротил и пикрииовая кислота, такие великолепиые штуки, как бром-беизил-цианид, хлор-пнкрии, ди-феиил-хлор-арсии и так далее и так далее, то есть боевые газы, от которых чихают, плачут, срывают с себя защитиые маски, задыхаются, рвут кровью, покрываются иарывами, сгинвают заживо....

Так как Роллиигу было скучио в этот дождливый воскресиый вечер, то он охотио предался размышленню о велнком будущем химни.

— Я думаю (ои помахал около носа до половииы выкурениой сигарой), я думаю, что бог Саваоф создал небо и землю и все живое из камеииоугольной смолы и поварениой соли. В Библии об этом прямо ие сказаио, но можно догадываться. Тот, кто владеет углем и солью, тот владеет миром. Немцы полезли в войну четырнадцатого года только потому, что девять десятых хнмических заводов всего мира прииадлежалн Германии. Немцы поинмали тайну угля н солн: оии былн единственной культурной нацней в то время. Однако оин ие рассчнталн, что мы, американцы, в девять месяцев сможем построить Эджвудскнй арсенал. Немцы открылн иам глаза, мы понялн, куда нужно вкладывать деньги, н теперь миром будем владеть мы, а ие онн, потому что деиьгн после войны — у иас и хнмия — у нас. Мы превратнм Германию прежде всего, а за ней н другне страны, умеющие работать (не умеющне вымрут естественным порядком, в этом мы нм поможем), превратим в одну могучую фабрнку... Амернканскнй флаг опояшет землю, как бонбоньерку, по экватору и от полюса до полюса...

— Роллииг, — перебнла Зоя, — вы самн накликаете беду... Ведь *они* тогда станут коммуиистами... Прндет день, когда *они* заявят, что вы нм больше не нужны, что *они* желают работать для себя... О, я уже пережнла этот ужас... Они откажутся вернуть вам ваши миллиарды...

— Тогда, моя крошка, я затоплю Европу горчичным газом.

— Роллинг, будет поздно! — Зоя стиснула руками колено, подалась вперед. — Роллинг, поверьте мне, я никогда не давала вам плохих советов... Я спросила вас: представляют ли опасность для взрыва химические заводы?.. В руках рабочих, революционеров, коммунистов, в руках ваших врагов, — я это знаю, — окажется оружие чудовищной силы... Они смогут на расстоянии взрывать химические заводы, пороховые погреба, сжигать эскадрильи аэропланов, уничтожать запасы газов — все, что может взрываться и гореть.

Роллинг снял ноги со скамеечки, красноватые веки его мигнули, некоторое время он внимательно смотрел на молодую женщину.

— Насколько я понимаю, вы намекаете опять на...

— Да, Роллинг, да, на аппарат инженера Гарина... Все, что о нем сообщалось, скользнуло мимо вашего внимания... Но я-то знаю, насколько это серьезно... Семенов принес мне странную вещь. Он получил ее из России...

Зоя позвонила. Вошел лакей. Она приказала, и он принес небольшой сосновый ящик, в нем лежал отрезок стальной полосы толщиною в полдюйма. Зоя вынула кусок стали и поднесла к свету камина. В толще стали были прорезаны насквозь каким-то тонким орудием полоски, завитки и наискосок, словно пером — скорописью, было написано: «Проба силы... проба... Гарин». Кусочки металла внутри некоторых букв вывалились. Роллинг долго рассматривал полосу.

— Это похоже на «пробу пера», — сказал он негромко, — как будто писали иглой в мягком тесте.

— Это сделано во время испытания модели аппарата Гарина на расстоянии тридцати шагов, — сказала Зоя. — Семенов утверждает, что Гарин надеется построить аппарат, который легко, как масло, может разрезать дредноут на расстоянии двадцати кабельтовых... Простите, Роллинг, но я настаиваю, — вы должны овладеть этим страшным аппаратом.

Роллинг недаром прошел в Америке школу жизни. До последней клеточки он был вытренирован для борьбы.

Тренировка, как известно, точно распределяет усилия между мускулами и вызывает в них наибольшее возможное напряжение. Так у Роллинга, когда он вступал в борьбу, сначала начинала работать фантазия, — она бросалась в девственные дебри предприятий и там открывала что-либо, стоящее внимания. Стоп. Работа фантазии кончилась. Вступал здравый смысл, — оценивал, сравнивал, взвешивал, делал доклад: полезно. Стоп. Вступал практический ум, подсчитывал, учитывал, подводил баланс: актив. Стоп. Вступала воля, крепости молибденовой стали, страшная воля Роллинга, и он, как буйвол с налитыми глазами, ломился к цели и достигал ее, чего бы это ему и другим ни стоило.

Приблизительно такой же процесс произошел и сегодня. Роллинг окинул взглядом дебри неизведанного, здравый смысл сказал: Зоя права. Практический ум подвел баланс: самое выгодное — чертежи и аппарат похитить, Гарина ликвидировать. Точка. Судьба Гарина оказалась решенной, кредит открыт, в дело вступила воля. Роллинг поднялся с кресла, стал задом к огню камина и сказал, выпячивая челюсть:

— Завтра я жду Семенова на бульваре Мальзерб.

20

После этого вечера прошло семь недель. Двойник Гарина был убит на Крестовском острове. Семенов явился на бульвар Мальзерб без чертежей и аппарата. Роллинг едва не проломил ему голову чернильницей. Гарина, или его двойника, видели вчера в Париже.

На следующий день, как обычно, к часу дня Зоя заехала на бульвар Мальзерб. Роллинг сел рядом с ней в закрытый лимузин, оперся подбородком о трость и сказал сквозь зубы:

— Гарин в Париже.

Зоя откинулась на подушки. Роллинг невесело посмотрел на нее.

— Семенову давно нужно было отрубить голову на гильотине, он неряха, дешевый убийца, наглец и дурак, — сказал Роллинг. — Я доверился ему и оказался в смешном положении. Нужно предполагать, что здесь он втянет меня в скверную историю...

Роллинг передал Зое весь разговор с Семеновым. Похитить чертежи и аппарат не удалось, потому что бездельники, нанятые Семеновым, убили не Гарина, а его двойника. Появление двойника в особенности смущало Роллинга. Он понял, что противник ловок. Гарин либо знал о готовящемся покушении, либо предвидел, что покушения все равно не избежать, и запутал следы, подсунув похожего на себя человека. Все это было очень неясно. Но самое непонятное было — за каким чертом ему понадобилось оказаться в Париже?

Лимузин двигался среди множества автомобилей по Елисейским полям. День был теплый, парной, в легкой нежно-голубой мгле вырисовывались крылатые кони и стеклянный купол Большого Салона, полукруглые крыши высоких домов, маркизы над окнами, пышные кущи каштанов.

В автомобилях сидели — кто развалился, кто задрал ногу на колено, кто сосал набалдашник—по преимуществу скоробогатые коротенькие молодчики в весенних шляпах, в веселеньких галстучках. Они везли завтракать в Булонский лес премиленьких девушек, которых для развлечения иностранцев радушно предоставлял им Париж.

На площади Этуаль лимузин Зои Монроз нагнал наемную машину, в ней сидели Семенов и человек с желтым, жирным лицом и пыльными усами. Оба они, подавшись вперед, с каким-то даже исступлением следили за маленьким зеленым автомобилем, загибавшим по площади к остановке подземной дороги.

Семенов указывал на него своему шоферу,

но пробраться было трудно сквозь поток машин. Наконец пробрались, и полным ходом они двинули наперерез зелененькому автомобильчику. Но он уже остановился у метрополитена. Из него выскочил человек среднего роста, в широком коверкотовом пальто и скрылся под землей.

Все это произошло в две-три минуты на глазах у Роллинга и Зои. Она крикнула шоферу, чтобы он свернул к метро. Они остановились почти одновременно с машиной Семенова. Жестикулируя тростью, он подбежал к лимузину, открыл хрустальную дверцу и сказал в ужасном возбуждении:

— Это был Гарин. Ушел. Все равно. Сегодня пойду к нему на Батниьоль, предложу мировую. Роллинг, нужно сговориться: сколько вы ассигнуете на приобретение аппарата? Можете быть покойны — я стану действовать в рамках закона. Кстати, позвольте вам представить Стася Тыклинского. Это вполне приличный человек.

Не дожидаясь разрешения, он кликнул Тыклинского. Тот подскочил к богатому лимузину, сорвал шляпу, кланялся и целовал ручку пани Монроз.

Роллинг, не подавая руки ни тому, ни другому, блестел глазами из глубины лимузина, как пума из клетки. Оставаться на виду у всех на площади было неразумно. Зоя предложила ехать завтракать на левый берег в мало посещаемый в это время года ресторан «Лаперуза».

21

Тыклинский поминутно раскланивался, расправлял висячие усы, влажно поглядывал на Зою Монроз и ел со сдержанной жадностью. Роллинг угрюмо сидел спиной к окну. Семенов развязно болтал. Зоя казалась спокойной, очаровательно улыбалась, глазами показывала метрдотелю, чтобы он почаще подливал гостям в рюмки. Когда подали шампанское, она попросила Тыклинского приступить к рассказу.

Он сорвал с шеи салфетку:

— Для пана Роллинга мы не щадили своих жизней. Мы перешли советскую границу под Сестрорецком.

— Кто это — мы? — спросил Роллинг.

— Я и, если угодно пану, мой подручный, один русский из Варшавы, офицер армии Балаховича... Человек весьма жестокий... Будь он проклят, как и все русские, пся крев, он больше мне навредил, чем помог. Моя задача была проследить, где Гарин производит опыты. Я побывал в разрушенном доме, — пани и пан знают, конечно, что в этом доме проклятый байстрюк чуть было не разрезал меня пополам своим аппаратом. Там, в подвале, я нашел стальную полосу,—пани Зоя получила ее от меня и могла убедиться в моем усердии. Гарин переменил место опытов. Я не спал дни и ночи, желая оправдать доверие пани Зои и пана Роллинга. Я застудил себе легкие в болотах на Крестовском острове, и я достиг цели. Я проследил Гарина. Двадцать седьмого апреля ночью мы с помощником проникли на его дачу, привязали Гарина к железной кровати и произвели самый тщательный обыск... Ничего... Надо сойти с ума, — никаких признаков аппарата... Но я-то знал, что он прячет его на даче... Тогда мой помощник немножко резко обошелся с Гариным... Пани и пан поймут наше волнение... Я не говорю, чтобы мы поступили по указанию пана Роллинга... Нет, мой помощник слишком погорячился...

Роллинг глядел в тарелку. Длинная рука Зои Монроз, лежавшая на скатерти, быстро перебирала пальцами, сверкала отполированными ногтями, бриллиантами, изумрудами, сапфирами перстней. Тыклинский вдохновился, глядя на эту бесценную руку.

— Пани и пан уже знают, как я спустя сутки встретил Гарина на почтамте. Матерь божья, кто же не испугается, столкнувшись нос к носу с живым покойником. А тут еще проклятая милиция кинулась за мною в погоню. Мы стали жертвой обмана, проклятый Гарин подсунул вместо себя кого-то другого. Я решил снова обыскать дачу: там должно было быть подземелье. В ту же ночь я пошел туда один, усыпил сторожа. Влез в окно... Пусть пан Роллинг не поймет меня как-нибудь криво... Когда Тыклинский жертвует жизнью, он жертвует ею для идеи... Мне ничего не стоило выскочить обратно в окошко, когда я услыхал на даче такой стук и треск, что у любого волосы стали бы дыбом... Да, пан Роллинг, в эту минуту я понял, что господь руководил вами, когда вы послали меня вырвать у русских страшное оружие, которое они могут обратить против всего цивилизованного мира. Это была историческая минута, пани Зоя, клянусь вам шляхетской честью. Я бросился, как зверь, на кухню, откуда раздавался шум. Я увидел Гарина, — он наваливал в одну кучу у стены столы, мешки и ящики. Увидев меня, он схватил кожаный чемодан, давно мне знакомый, где он обычно держал модель аппарата, и выскочил в соседнюю комнату. Я выхватил револьвер и кинулся за ним. Он уже открывал окно, намереваясь выпрыгнуть на улицу. Я выстрелил, он с чемоданом в одной руке, с револьвером в другой отбежал в конец комнаты, загородился кроватью и стал стрелять. Это была настоящая дуэль, пани Зоя. Пуля пробила мне фуражку. Вдруг он закрыл рот и нос какой-то тряпкой, протянул ко мне металлическую трубку, — раздался выстрел, не громче звука шампанской пробки, и в ту же секунду тысячи маленьких когтей влезли мне в нос, в горло, в грудь, стали раздирать меня, глаза залились слезами от нестерпимой боли, я начал чихать, кашлять, внутренности мои выворачивало, и, простите, пани Зоя, поднялась такая рвота, что я повалился на пол.

— Ди-фенил-хлор-арсин в смеси с фосгеном, по пятидесяти процентов каждого, — дешевая штука, мы вооружаем теперь полицию этими гранатками, — сказал Роллинг.

— Так... Пан говорит истину, это была газовая гранатка... К счастью, сквозняк быстро унес газ. Я пришел в сознание и, полуживой,

добрался до дому. Я был отравлен, разбит, агенты искали меня по городу, оставалось только бежать из Ленинграда, что мы и сделали с великими опасностями и трудами.

Тыклинский развел руками и поник, отдаваясь на милость. Зоя спросила:

— Вы уверены, что Гарин также бежал из России?

— Он должен был скрыться. После этой истории ему все равно пришлось бы давать объяснения уголовному розыску.

— Но почему он выбрал именно Париж?

— Ему нужны угольные пирамидки. Его аппарат без них все равно, что незаряженное ружье. Гарин — физик. Он ничего не смыслит в химии. По его заказу над этими пирамидками работал я, впоследствии тот, кто поплатился за это жизнью на Крестовском острове. Но у Гарина есть еще один компаньон здесь, в Париже, — ему он и послал телеграмму на бульвар Батиньоль. Гарин приехал сюда, чтобы следить за опытами над пирамидками.

— Какие сведения вы собрали о сообщнике инженера Гарина? — спросил Роллинг.

— Он живет в плохонькой гостинице, на бульваре Батиньоль, — мы были там вчера, нам кое-что рассказал привратник, — ответил Семенов. — Этот человек является домой только ночевать. Вещей у него никаких нет. Он выходит из дому в парусиновом балахоне, какой в Париже носят медики, лаборанты и студенты-химики. Видимо, он работает где-то там же, неподалеку.

— Наружность? Черт вас возьми, какое мне дело до его парусинового балахона! Описал вам привратник его наружность? — крикнул Роллинг.

Семенов и Тыклинский переглянулись. Поляк прижал руку к сердцу.

— Если пану угодно, мы сегодня же доставим сведения о наружности этого господина.

Роллинг долго молчал, брови его сдвинулись.

— Какие основания у вас утверждать, что тот, кого вы видели вчера в кафе на Батиньоль, и человек, удравший под землю на площади Этуаль, одно и то же лицо, именно инженер Гарин? Вы уже ошиблись однажды в Ленинграде. Что?

Поляк и Семенов опять переглянулись. Тыклинский с высшей деликатностью улыбнулся:

— Не будет же пан Роллинг утверждать, что у Гарина в каждом городе двойники...

Роллинг упрямо мотнул головой... Зоя Монроз сидела, закутав руки горностаевым мехом, равнодушно глядела в окно.

Семенов сказал:

— Тыклинский слишком хорошо знает Гарина, ошибки быть не может. Сейчас важно выяснить другое, Роллинг. Предоставляете вы нам одним обделать это дело, — в одно прекрасное утро притащить на бульвар Мальзерб аппарат и чертежи, — или будете работать вместе с нами?

— Ни в коем случае! — неожиданно проговорила Зоя, продолжая глядеть в окно. — Мистер Роллинг весьма интересуется опытами инженера Гарина, мистеру Роллингу весьма желательно приобрести право собственности на это изобретение, мистер Роллинг всегда работает в рамках строгой законности; если бы мистер Роллинг поверил хотя бы одному слову из того, что здесь рассказывал Тыклинский, то, разумеется, не замедлил бы позвонить комиссару полиции, чтобы отдать в руки властей подобного негодяя и преступника. Но так как мистер Роллинг отлично понимает, что Тыклинский выдумал всю эту историю в целях выманить как можно больше денег, то он добродушно позволяет и в дальнейшем оказывать ему незначительные услуги.

Первый раз за весь завтрак Роллинг улыбнулся, вынул из жилетного кармана золотую зубочистку и вонзил ее между зубами. У Тыклинского на больших залысинах побагровевшего лба выступил пот, щеки отвисли. Роллинг сказал:

— Ваша задача: дать мне точные и обстоятельные сведения по пунктам, которые будут вам сообщены сегодня в три часа на бульваре Мальзерб. От вас требуется работа приличных сыщиков—и только. Ни одного шага, ни одного слова без моих приказаний.

22

Белый, хрустальный, сияющий поезд линии Норд-Зюйд — подземной дороги — мчался с тихим грохотом по темным подземельям под Парижем. В загибающихся туннелях проносилась мимо паутина электрических проводов, ниши в толще цемента, где прижимался озаряемый летящими огнями рабочий, желтые на черном буквы: «Дюбонэ», «Дюбонэ», «Дюбонэ» — отвратительного напитка, вбиваемого рекламами в сознание парижан.

Мгновенная остановка. Вокзал, залитый подземным светом. Цветные прямоугольники реклам: «Дивное мыло», «Могучие подтяжки», «Вакса с головой льва», «Автомобильные шины», «Красный дьявол», резиновые накладки для каблуков, дешевая распродажа в универсальных домах — «Лувр», «Прекрасная цветочница», «Галерея Лафайетт».

Шумная, смеющаяся толпа хорошеньких женщин, мидинеток, рассыльных мальчиков, иностранцев, молодых людей в обтянутых пиджачках, рабочих в потных рубашках, заправленных под кумачовый кушак, — теснясь, придвигается к поезду. Мгновенно раздвигаются стеклянные двери... «О-о-о-о», — проносится вздох, и водоворот шляпок, вытаращенных глаз, разинутых ртов, красных, веселых, рассерженных лиц устремляется вовнутрь. Кондуктора в кирпичных куртках, схватившись за поручни, вдавливают животом публику в вагоны. С треском захлопываются двери; короткий свист. Поезд огненной лентой ныряет под черный свод подземелья.

Семенов и Тыклинский сидели на боковой скамеечке вагона Норд-Зюйд, спиной к двери. Поляк горячился:

— Прошу пана заметить — лишь приличие удержало меня от скандала... Сто раз я

мог вспылить... Не ел я завтраков у миллиардеров! Чихал я на эти завтраки... Могу не хуже сам заказать у «Лаперуза» и не буду выслушивать оскорблений уличной девки... Предложить Тыклинскому роль сыщика!.. Сучья дочь, шлюха!

— Э, бросьте, пан Стась, вы не знаете Зои, — она баба славная, хороший товарищ. Ну, погорячилась...

— Видимо, пани Зоя привыкла иметь дело со сволочью, вашими эмигрантами... Но я — поляк, прошу пана заметить, — Тыклинский страшно выпятил усы, — я не позволю со мной говорить в подобном роде...

— Ну, хорошо, усами потряс, облегчил душу, — после некоторого молчания сказал ему Семенов, — теперь слушай, Стась, внимательно: нам дают хорошие деньги, от нас, в конце концов, ни черта не требуют. Работа безопасная, даже приятная: шляйся по кабачкам да по кофейным... Я, например, очень удовлетворен сегодняшним разговором... Ты говоришь — сыщик... Ерунда! А я говорю — нам предложена благороднейшая роль контрразведчиков.

У дверей, позади скамьи, где разговаривали Тыклинский и Семенов, стоял, опираясь локтем о медную штангу, тот, кто однажды на бульваре Профсоюзов в разговоре с Шельгой назвал себя Пьянковым-Питкевичем. Воротник его коверкота был поднят, скрывая нижнюю часть лица, шляпа надвинута на глаза. Стоя небрежно и лениво, касаясь рта костяным набалдашником трости, он внимательно выслушал весь разговор Семенова и Тыклинского, вежливо посторонился, когда они сорвались с места, и вышел из вагона двумя станциями позже — на Монмартре. В ближайшем почтовом отделении он подал телеграмму:

«Ленинград. Угрозыск. Шельге. Четырехпалый здесь. События угрожающие».

23

Из почтамта он поднялся на бульвар Клиши и пошел по теневой стороне.

Здесь из каждой двери, из подвальных окон, из-под полосатых маркиз, покрывающих на широких тротуарах мраморные столики и соломенные стулья, тянуло кисловатым запахом ночных кабаков. Гарсоны в коротеньких смокингах и белых фартуках, одутловатые, с набриллиантиненными проборами, посыпали сырыми опилками кафельные полы и тротуары между столиками, ставили свежие охапки цветов, крутили бронзовые ручки, приподнимая маркизы.

Днем бульвар Клиши казался поблекшим, как декорация после карнавала. Высокие, некрасивые, старые дома сплошь заняты под рестораны, кабачки, кофейни, лавчонки с дребеденью для уличных девчонок, под ночные гостиницы. Каркасы и жестяные сооружения реклам, облупленные крылья знаменитой мельницы «Мулен-Руж», плакаты кино на тротуарах, два ряда чахлых деревьев посреди бульвара, писсуары, исписанные неприличными словами, каменная мостовая, по которой прошумели, прокатились столетия, ряды балаганов и каруселей, прикрытых брезентами, — все это ожидало ночи, когда зеваки и кутилы потянутся снизу, из буржуазных кварталов Парижа.

Тогда вспыхнут огни, засуетятся гарсоны, засвистят паровыми глотками, закрутятся карусели; на золотых свиньях, на быках с золотыми рогами, в лодках, кастрюлях, горшках — кругом, кругом, кругом, — отражаясь в тысяче зеркал, помчатся под звуки паровых оркестрионов девушки в юбчонках до колен, удивленные буржуа, воры с великолепными усами, японские, улыбающиеся, как маски, студенты, мальчишки, гомосексуалисты, мрачные русские эмигранты, ожидающие падения большевиков.

Закрутятся огненные крылья «Мулен-Руж». Забегают по фасадам домов изломанные горящие стрелы. Вспыхнут надписи всемирно известных кабаков, из их открытых окон на жаркий бульвар понесется дикая трескотня, барабанный бой и гудки джаз-бандов.

В толпе запищат картонные дудки, затрещат трещотки. Из-под земли начнут вываливаться новые толпы, выброшенные метрополитеном и Норд-Зюйдом. Это Монмартр. Это горы Мартра, сияющие всю ночь веселыми огнями над Парижем, — самое беззаботное место на свете. Здесь есть где оставить деньги, где провести с хохочущими девчонками беспечную ночку.

Веселый Монмартр — это бульвар Клиши между двумя круглыми, уже окончательно веселыми площадями — Пигаль и Бланш. Налево от площади Пигаль тянется широкий и тихий бульвар Батиньоль. Направо за площадью Бланш начинается Сент-Антуанское предместье. Это — места, где живут рабочие и парижская беднота. Отсюда — с Батиньоля, с высот Монмартра и Сент-Антуана — не раз спускались вооруженные рабочие, чтобы овладеть Парижем. Четыре раза их загоняли пушками обратно на высоты. И нижний город, раскинувший по берегам Сены банки, конторы, пышные магазины, отели для миллионеров и казармы для тридцати тысяч полицейских, четыре раза переходил в наступление, и в сердце рабочего города, на высотах, утвердил пылающими огнями мировых притонов сексуальную печать нижнего города — площадь Пигаль — бульвар Клиши — площадь Бланш.

24

Дойдя до середины бульвара, человек в коверкотовом пальто свернул в боковую узкую уличку, ведущую исхоженными ступенями на вершину Монмартра, внимательно огляну лся по сторонам и зашел в темный кабачок, где обычными посетителями были проститутки, шоферы, полуголодные сочинители куплетов и неудачники, еще носящие по старинному обычаю широкие штаны и широкополую шляпу.

Он спросил газету, рюмку портвейна и при-

нялся за чтение. За цинковым прилавком хозяин кабачка — усатый, багровый француз, сто десять кило весом, — засучив по локоть волосатые руки, мыл под краном посуду и разговаривал, — хочешь — слушай, хочешь — нет.

— Что вы там ни говорите, а Россия нам наделала много хлопот (он знал, что посетитель — русский, звался мосье Пьер). Русские эмигранты не приносят больше дохода. Выдохлись, о-ла-ла... Но мы еще достаточно богаты, мы можем себе позволить роскошь дать приют нескольким тысячам несчастных. (Он был уверен, что его посетитель промышлял на Монмартре по мелочам.) Но, разумеется, всему свой конец. Эмигрантам придется вернуться домой. Увы! Мы вас помирим с вашим обширным отечеством, мы признаем ваши Советы, и Париж снова станет добрым старым Парижем. Мне надоела война, должен вам сказать. Десять лет продолжается это несварение желудка. Советы выражают желание платить мелким держателям русских ценностей. Умно, очень умно с их стороны. Да здравствуют Советы! Они неплохо ведут политику. Они большевизируют Германию. Прекрасно! Аплодирую. Германия станет советской и разоружится сама собой. У нас не будет болеть желудок при мысли об их химической промышленности. Глупцы в нашем квартале считают меня большевиком. О-ла-ла!.. У меня правильный расчет. Большевизация нам не страшна. Подсчитайте — сколько в Париже добрых буржуа и сколько рабочих. Ого! Мы, буржуа, сможем защитить свои сбережения... Я спокойно смотрю, когда наши рабочие кричат: «Да здравствует Ленин!» — и махают красными флагами. Рабочий — это бочонок с забродившим вином, его нельзя держать закупоренным. Пусть его кричит: «Да здравствуют Советы!» — я сам кричал на прошлой неделе. У меня на восемь тысяч франков русских процентных бумаг. Нет, вам нужно мириться с вашим правительством. Довольно глупостей. Франк падает. Проклятые спекулянты, эти вши, которые облепляют каждую нацию, где начинает падать валюта, — это племя инфлянтов снова перекочевало из Германии в Париж.

В кабачок быстро вошел худощавый человек в парусиновом балахоне, с непокрытой светловолосой головой.

— Здравствуй, Гарин, — сказал он тому, кто читал газету, — можешь меня поздравить... Удача...

Гарин стремительно поднялся, стиснул ему руки:

— Виктор...

— Да, да. Я страшно доволен... Я буду настаивать, чтобы мы взяли патент.

— Ни в коем случае... Идем.

Они вышли из кабачка, поднялись по ступенчатой уличке, свернули направо и долго шли мимо грязных домов предместья, мимо огороженных колючей проволокой пустырей, где трепалось жалкое белье на веревках, мимо кустарных заводиков и мастерских.

День кончался. Навстречу попадались кучки усталых рабочих. Здесь, на горах, казалось, жило иное племя людей, иные были у них лица — твердые, худощавые, сильные. Казалось, французская нация, спасаясь от ожирения, сифилиса и дегенерации, поднялась на высоты над Парижем и здесь спокойно и сурово ожидает часа, когда можно будет очистить от скверны низовой город и снова повернуть кораблик Лютеции[1] в солнечный океан.

— Сюда, — сказал Виктор, отворяя американским ключом дверь низенького каменного сарая.

25

Гарин и Виктор Ленуар подошли к небольшому кирпичному горну под колпаком. Рядом на столе лежали рядками пирамидки. На горне стояло на ребре толстое бронзовое кольцо с двенадцатью фарфоровыми чашечками, расположенными по его окружности. Ленуар зажег свечу и со странной усмешкой взглянул на Гарина.

— Петр Петрович, мы знакомы с вами лет пятнадцать, — так? Съели не один пуд соли. Вы могли убедиться, что я человек честный. Когда я удрал из Советской России — вы мне помогли... Из этого я заключаю, что вы относитесь ко мне неплохо. Скажите — какого черта вы скрываете от меня аппарат? Я же знаю, что без меня, без этих пирамидок — вы беспомощны... Давайте по-товарищески...

Внимательно рассматривая бронзовое кольцо с фарфоровыми чашечками, Гарин спросил:

— Вы хотите, чтобы я открыл тайну?

— Да.

— Вы хотите стать участником в деле?

— Да.

— Если понадобится, а я предполагаю, что в дальнейшем понадобится, вы должны будете пойти на все для успеха дела...

Не сводя с него глаз, Ленуар присел на край горна, углы рта его задрожали.

— Да, — твердо сказал он, — согласен.

Он потянул из кармана халата тряпочку и вытер лоб.

— Я вас не вынуждаю, Петр Петрович. Я завел этот разговор потому, что вы самый близкий мне человек, как это ни странно... Я был на первом курсе, вы — на втором. Еще с тех пор, ну, как это сказать, я преклонялся, что ли, перед вами... Вы страшно талантливы... блестящи... Вы страшно смелы. Ваш ум — аналитический, дерзкий, страшный. Вы страшный человек. Вы жестки, Петр Петрович, как всякий крупный талант, вы недогадливы к людям. Вы спросили — готов ли я на все, чтобы работать с вами... Конечно, ну, конечно... Какой же может быть разговор? Терять мне нечего. Без вас — будничная работа, будни до конца жизни. С вами — праздник или гибель... Согласен ли я на все?.. Смешно... Что же — это «все»? Украсть, убить?

---

[1] Герб Парижа, или, по-древнему, Лютеции, — золотой кораблик. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Он остановился. Гарин глазами сказал «да». Ленуар усмехнулся.

— Я знаю французские уголовные законы... Согласен ли я подвергнуть себя опасности их применения? — согласен... Между прочим, я видел знаменитую газовую атаку германцев двадцать второго апреля пятнадцатого года. Из-под земли поднялось густое облако и поползло на нас желто-зелеными волнами, как мираж, — во сне этого не увидишь. Тысячи людей бежали по полям, в нестерпимом ужасе, бросая оружие. Облако настигало их. У тех, кто успел выскочить, были темные, багровые лица, вывалившиеся языки, выжженные глаза... Какой вздор «моральные понятия»... Ого, мы — не дети после войны.

— Одним словом, — насмешливо сказал Гарин, — вы, наконец, поняли, что буржуазная мораль — один из самых ловких арапских номеров, и дураки те, кто из-за нее глотает зеленый газ. По правде сказать, я мало задумывался над этими проблемами... Итак... Я добровольно принимаю вас товарищем в дело. Вы беспрекословно подчинитесь моим распоряжениям. Но есть одно условие...

— Хорошо, согласен на всякое условие.

— Вы знаете, Виктор, что в Париж я попал с подложным паспортом, каждую ночь я меняю гостиницу. Иногда мне приходится брать уличную девку, чтобы не возбуждать подозрения. Вчера я узнал, что за мною следят. Поручена эта слежка русским. Видимо, меня принимают за большевистского агента. Мне нужно навести сыщиков на ложный след.

— Что я должен делать?

— Загримироваться мной. Если вас схватят, вы предъявите ваши документы. Я хочу раздвоиться. Мы с вами одного роста. Вы покрасите волосы, приклеите фальшивую бородку, мы купим одинаковые платья. Затем сегодня же вечером вы переедете из вашей гостиницы в другую часть города, где вас не знают, — скажем — в Латинский квартал. По рукам?

Ленуар соскочил с горна, крепко пожал Гарину руку. Затем он принялся объяснять, как ему удалось приготовить пирамидки из смеси алюминия и окиси железа (термита) с твердым маслом и желтым фосфором.

Поставив на фарфоровые чашечки кольца двенадцать пирамидок, он зажег их при помощи шнурка. Столб ослепительного пламени поднялся над горном. Пришлось отойти в глубь сарая, — так нестерпимы были свет и жар.

— Превосходно, — сказал Гарин, — надеюсь, — никакой копоти?

— Сгорание полное, при этой страшной температуре. Материалы химически очищены.

— Хорошо. На этих днях вы увидите чудеса, — сказал Гарин, — идем обедать. За вещами в гостиницу пошлем посыльного. Переночуем на левом берегу. А завтра в Париже окажется двое Гариных... У вас имеется второй ключ от сарая?

Здесь не было ни блестящего потока автомобилей, ни праздных людей, свертывающих себе шею, глядя на окна магазинов, ни головокружительных женщин, ни индустриальных королей.

Штабели свежих досок, горы булыжника, посреди улицы отвалы синей глины и, разложенные сбоку тротуара, как разрезанный гигантский червяк, звенья канализационных труб.

Спартаковец Тарашкин шел не спеша на острова, в клуб. Он находился в самом приятном расположении духа. Внешнему наблюдателю он показался бы даже мрачным на первый взгляд, но это происходило оттого, что Тарашкин был человек основательный, уравновешенный и веселое настроение у него не выражалось каким-либо внешним признаком, если не считать легкого посвистывания да спокойной походочки.

Не доходя шагов ста до трамвая, он услышал возню и писк между штабелями торцов. Все происходящее в городе, разумеется, непосредственно касалось Тарашкина.

Он заглянул за штабели и увидел трех мальчиков, в штанах клешем и в толстых куртках: они, сердито сопя, колотили четвертого мальчика, меньше их ростом, — босого, без шапки, одетого в ватную кофту, такую рваную, что можно было удивиться. Он молча защищался. Худенькое лицо его было исцарапано, маленький рот плотно сжат, карие глаза — как у волчонка.

Тарашкин сейчас же схватил двух мальчишек за шиворот поднял на воздух, третьему дал ногой леща, — мальчишка взвыл и скрылся за торцами.

Другие двое, болтаясь в воздухе, начали грозиться ужасными словами. Но Тарашкин тряхнул их посильней, и они успокоились.

— Это я не раз вижу на улице, — сказал Тарашкин, заглядывая в их сопящие рыльца,— маленьких обижать, шкеты! Чтобы этого у меня больше не было. Поняли?

Вынужденные ответить в положительном смысле, мальчишки сказали угрюмо:

— Поняли.

Тогда он их отпустил, и они, ворча, что, мол, попадись нам теперь, удалились, — руки в карманы.

Избитый маленький мальчик тоже попытался было скрыться, но только повертелся на одном месте, слабо застонал и сел, уйдя с головой в рваную кофту.

Тарашкин наклонился над ним. Мальчик плакал.

— Эх, ты, — сказал Тарашкин, — ты где живешь-то?

— Нигде, — из-под кофты ответил мальчик.

— То есть как это — нигде? Мамка у тебя есть?

— Нету.

— И отца нет? Так. Беспризорный ребенок. Очень хорошо.

Тарашкин стоял некоторое время, распу-

стив морщины на носу. Мальчик, как муха, жужжал под кофтой.

— Есть хочешь? — спросил Тарашкин сердито.

— Хочу.

— Ну ладно, пойдем со мной в клуб.

Мальчик попытался было встать, но не держали ноги. Тарашкин взял его на руки, — в мальчишке не было и пуда весу, — и понес к трамваю. Ехали долго. Во время пересадки Тарашкин купил булку, мальчишка с судорогой вонзил в нее зубы. До гребной школы дошли пешком. Впуская мальчика за калитку, Тарашкин сказал:

— Смотри только, чтобы не воровать.

— Не, я хлеб только ворую.

Мальчик сонно глядел на воду, играющую солнечными зайчиками на лакированных лодках, на серебристо-зеленую иву, опрокинувшую в реке свою красу, на двухвесельные, четырехвесельные гички с мускулистыми и загорелыми гребцами. Худенькое личико его было равнодушное и усталое. Когда Тарашкин отвернулся, он залез под деревянный помост, соединяющий широкие ворота клуба с бонами, и, должно быть, сейчас же уснул, свернувшись.

Вечером Тарашкин вытащил его из-под мостков, велел вымыть в речке лицо и руки и повел ужинать. Мальчика посадили за стол с гребцами. Тарашкин сказал товарищам:

— Этого ребенка можно даже при клубе оставить, не объест, к воде приучим, нам расторопный мальчонка нужен.

Товарищи согласились: пускай живет. Мальчик спокойно все это слушал, степенно ел. Поужинав, молча полез с лавки. Его ничто не удивляло, — видел и не такие виды.

Тарашкин повел его на боны, велел сесть и начал разговор.

— Как тебя зовут?

— Иваном.

— Ты откуда?

— Из Сибири. С Амура, с верху.

— Давно оттуда?

— Вчера приехал.

— Как же ты приехал?

— Где пешком плелся, где под вагоном в ящиках.

— Зачем тебя в Ленинград занесло?

— Ну, это мое дело, — ответил мальчик и отвернулся, — значит, надо, если приехал.

— Расскажи, я тебе ничего не сделаю.

Мальчик не ответил и опять понемногу стал уходить головой в кофту. В этот вечер Тарашкин ничего от него не добился.

27

Двойка — двухвесельная распашная гичка из красного дерева, изящная, как скрипка, — узкой полоской едва двигалась по зеркальной реке. Обе пары весел плашмя скользили по воде. Шельга и Тарашкин в белых трусиках, по пояс голые, с шершавыми от солнца спинами и плечами, сидели неподвижно, подняв колени.

Рулевой, серьезный парень в морском картузе и в шарфе, обмотанном вокруг шеи, глядел на секундомер.

— Гроза будет, — сказал Шельга.

На реке было жарко, ни один лист не шевелился на пышно-лесистом берегу. Деревья казались преувеличенно вытянутыми. Небо до того насыщено солнцем, что голубовато-хрустальный свет его словно валился грудами кристаллов. Ломило глаза, сжимало виски.

— Весла на воду! — скомандовал рулевой.

Гребцы разом пригнулись к раздвинутым коленям и, закинув, погрузив весла, откинулись, почти легли, вытянув ноги, откатываясь на сиденьях.

— Ать-два!..

Весла выгнулись, гичка, как лезвие, скользнула по реке.

— Ать-два, ать-два, ать-два! — командовал рулевой.

Мерно и быстро, в такт ударам сердца — вдыханию и выдыханию — сжимались, нависая над коленями, тела гребцов, распрямлялись, как пружины. Мерно, в ритм потоку крови, в горячем напряжении работали мускулы.

Гичка летела мимо прогулочных лодок, где люди в подтяжках беспомощно барахтали веслами. Гребя, Шельга и Тарашкин прямо глядели перед собой, — на переносицу рулевого, держа глазами линию равновесия. С прогулочных лодок успевали только крикнуть вслед:

— Ишь, черти!.. Вот дунули!..

Вышли на взморье. Опять на одну минуту неподвижно легли на воде. Вытерли пот с лица. «Ать-два!» Повернули обратно мимо яхт-клуба, где мертвыми полотнищами в хрустальном зное висели огромные паруса гоночных яхт ленинградских профсоюзов. Играла музыка на веранде яхт-клуба. Не колыхались протянутые вдоль берега легкие пестрые значки и флаги. Со шлюпок в середину реки бросались коричневые люди, вздымая брызги.

Проскользнув между купальщиками, гичка пошла по Невке, пролетела под мостом, несколько секунд висела на руле у четырехвесельного аутригера из клуба «Стрела», обогнала его (рулевой через плечо спросил: «Может, на буксир хотите?»), вошла в узкую, с пышными берегами, Крестовку, где в зеленой тени серебристых ив скользили красные платочки и голые колени женской учебной команды, и стала у бонов гребной школы.

Шельга и Тарашкин выскочили на боны, осторожно положили на покатый помост длинные весла, нагнулись над гичкой и по команде рулевого выдернули ее из воды, подняли на руках и внесли в широкие ворота, в сарай. Затем пошли под душ. Растерлись докрасна и, как полагается, выпили по стакану чаю с лимоном. После этого они почувствовали себя только что рожденными в этом прекрасном мире, который стоит того, чтобы принялись, наконец, за его благоустройство.

28

На открытой веранде, на высоте этажа (где пили чай), Тарашкин рассказал про вчерашнего мальчика.

— Расторопный, умница, ну, прелесть. — Он перегнулся через перила и крикнул: — Иван, поди-ка сюда.

Сейчас же по лестнице затопали босые ноги. Иван появился на веранде. Рваную кофту он снял. (По санитарным соображениям ее сожгли на кухне.) На нем были гребные трусики и на голом теле суконный жилет, невероятно ветхий, весь перевязанный веревочками.

— Вот, — сказал Тарашкин, указывая пальцем на мальчика, — сколько его ни уговариваю снять жилетку — нипочем не хочет. Как ты купаться будешь, я тебя спрашиваю? И была бы жилетка хорошая, а то — грязь.

— Я купаться не могу, — сказал Иван.

— Тебя в бане надо мыть, ты весь черный, чумазый.

— Не могу я в бане мыться. Во, по сих пор — могу, — Иван показал на пупок, помялся и придвинулся поближе к двери.

Тарашкин, деря ногтями икры, на которых по загару оставались белые следы, крякнул с досады:

— Что хочешь с ним, то и делай.

— Ты что же, — спросил Шельга, — воды боишься?

Мальчик посмотрел на него без улыбки:

— Нет, не боюсь.

— Чего же не хочешь купаться?

Мальчик опустил голову, упрямо поджал губы.

— Боишься жилетку снимать, боишься — украдут? — спросил Шельга.

Мальчик дернул плечиком, усмехнулся.

— Ну, вот что, Иван, не хочешь купаться— дело твое. Но жилетку мы допустить не можем. Бери мою жилетку, раздевайся.

Шельга начал расстегивать на себе жилет. Иван попятился. Зрачки его беспокойно забегали. Один раз, умоляя, он взглянул на Тарашкина и все придвигался бочком к стеклянной двери, раскрытой на внутреннюю темную лестницу.

— Э, так мы играть не уговаривались. — Шельга встал, запер дверь, вынул ключ и сел прямо против двери. — Ну, снимай.

Мальчик оглядывался, как зверек. Стоял он теперь у самой двери — спиной к стеклам. Брови у него сдвинулись. Вдруг решительно он сбросил с себя лохмотья и протянул Шельге:

— На, давай свою.

Но Шельга с величайшим удивлением глядел уже не на мальчика, а мимо его плеча — на дверные стекла.

— Давайте, — сердито повторил Иван, — чего смеетесь? — не маленькие.

— Ну и чудак! — Шельга громко рассмеялся. — Повернись-ка спиной. (Мальчик, точно от толчка, ударился затылком в стекло.) Повернись, все равно вижу, что у тебя на спине написано.

Тарашкин вскочил. Мальчик легким комочком перелетел через веранду, перекатился через перила. Тарашкин на лету едва успел схватить его. Острыми зубами Иван впился ему в руку.

— Вот дурной. Брось кусаться!

Тарашкин крепко прижал его к себе. Гладил по сизой обритой голове.

— Дикий совсем мальчишка. Как мышь, дрожит. Будет тебе, не обидим.

Мальчик затих в руках у него, только сердце билось. Вдруг он прошептал ему в ухо:

— Не велите ему, нельзя у меня на спине читать. Никому не велено. Убьют меня за это.

— Да не будем читать, нам не интересно, — повторял Тарашкин, плача от смеха. Шельга все это время стоял в другом конце террасы, — кусал ногти, щурился, как человек, отгадывающий загадку. Вдруг он подскочил и, несмотря на сопротивление Тарашкина, повернул мальчика к себе спиной. Изумление, почти ужас изобразилось на его лице. Чернильным карандашом ниже лопаток на худой спине у мальчишки было написано расплывшимися от пота полустертыми буквами:

«...Петру Гар... Резуль...ы самые утешит... глубину оливина предполагаю на пяти киломе...ах, продолж... изыскания, необх... помощь... Голод... торопись экспедиц...»

— Гарин, это — Гарин! — закричал Шельга.

В это время на двор клуба, треща и стреляя, влетел мотоциклет уголовного розыска, и голос агента крикнул снизу:

— Товарищ Шельга, вам — срочная...

Это была телеграмма Гарина из Парижа.

29

Золотой карандашик коснулся блокнота:

— Ваша фамилия, сударь?

— Пьянков-Питкевич.

— Цель вашего посещения?..

— Передайте мистеру Роллингу, — сказал Гарин, — что мне поручено вести переговоры об известном ему аппарате инженера Гарина.

Секретарь мгновенно исчез. Через минуту Гарин входил через ореховую дверь в кабинет химического короля. Роллинг писал. Не поднимая глаз, предложил сесть. Затем — не поднимая глаз:

— Мелкие денежные операции проходят через моего секретаря, — слабой рукой он схватил пресс-папье и стукнул по написанному, — тем не менее я готов слушать вас. Даю две минуты. Что нового об инженере Гарине?

Положив ногу на ногу, сильно вытянутые руки — на колено, Гарин сказал:

— Инженер Гарин хочет знать, известно ли вам в точности назначение его аппарата?

— Да, — ответил Роллинг, — для промышленных целей, насколько мне известно, аппарат представляет некоторый интерес. Я говорил кое с кем из членов правления нашего концерна, — они согласны приобрести патент.

— Аппарат не предназначен для промышленных целей, — резко ответил Гарин, — это аппарат для разрушения. Он с успехом, правда, может служить для металлургической и горной промышленности. Но в настоящее время у инженера Гарина замыслы иного порядка.

— Политические?

— Э... Политика мало интересует инженера Гарина. Он надеется установить именно тот социальный строй, какой ему более всего придется по вкусу. Политика — мелочь, функция.

— Где установить?

— Повсюду, разумеется, на всех пяти материках.

— Ого! — сказал Роллинг.

— Инженер Гарин не коммунист, успокойтесь. Но он и не совсем ваш. Повторяю — у него обширные замыслы. Аппарат инженера Гарина дает ему возможность осуществить на деле самую горячечную фантазию. Аппарат уже построен, его можно демонстрировать хоть бы сегодня.

— Гм! — сказал Роллинг.

— Гарин следил за вашей деятельностью, мистер Роллинг, и находит, что у вас неплохой размах, но вам не хватает большой идеи. Ну — химический концерн. Ну — воздушнохимическая война. Ну — превращение Европы в американский рынок... Все это мелко, нет центральной идеи. Инженер Гарин предлагает вам сотрудничество.

— Вы или он — сумасшедший? — спросил Роллинг.

Гарин рассмеялся, сильно потер пальцем сбоку носа.

— Видите — хорошо уж и то, что вы слушаете меня не две, а девять с половиной минут.

— Я готов предложить инженеру Гарину пятьдесят тысяч франков за патент его изобретения, — сказал Роллинг, снова принимаясь писать.

— Предложение нужно понимать так: силой или хитростью вы намерены овладеть аппаратом, а с Гариным расправиться так же, как с его помощником на Крестовском острове?

Роллинг быстро положил перо, только два красных пятна на его скулах выдали волнение. Он взял с пепельницы курившуюся сигару, откинулся в кресло и посмотрел на Гарина ничего не выражающими, мутными глазами.

— Если предположить, что именно так я и намерен поступить с инженером Гариным, что из этого вытекает?

— Вытекает то, что Гарин, видимо, ошибся.

— В чем?

— Предполагая, что вы негодяй более крупного масштаба, — Гарин проговорил это раздельно, по слогам, глядя весело и дерзко на Роллинга. Тот только выпустил синий дымок и осторожно помахал сигарой у носа.

— Глупо делить с инженером Гариным барыши, когда я могу взять все сто процентов,— сказал он. — Итак, чтобы кончить, я предлагаю сто тысяч франков, и ни сантима больше.

— Право, мистер Роллинг, вы как-то все сбиваетесь. Вы же ничем не рискуете. Ваши агенты Семенов и Тыклинский проследили, где живет Гарин. Донесите полиции, и его арестуют как большевистского шпиона. Аппарат и чертежи украдут те же Тыклинский и Семенов. Все это будет стоить вам не свыше пяти тысяч. А Гарина, чтобы он не пытался в дальнейшем восстановить чертежи, — всегда можно отправить по этапу в Россию через Польшу, где его прихлопнут на границе. Просто и дешево. Зачем же сто тысяч франков?

Роллинг поднялся, покосился на Гарина и стал ходить, утопая лакированными туфлями в серебристом ковре. Вдруг он вытащил руку из кармана и щелкнул пальцами.

— Дешевая игра, — сказал он, — вы врете. Я продумал вперед на пять ходов всевозможные комбинации. Опасности никакой. Вы просто дешевый шарлатан. Игра Гарина — мат. Он это знает и прислал вас торговаться. Я не дам и двух луидоров за его патент. Гарин выслежен и попался. (Он живо взглянул на часы, живо сунул их в жилетный карман.) Убирайтесь к черту!

Гарин в это время тоже поднялся и стоял у стола, опустив голову. Когда Роллинг послал его к черту, он провел рукой по волосам и проговорил упавшим голосом, будто человек, неожиданно попавший в ловушку:

— Хорошо, мистер Роллинг, я согласен на все ваши условия. Вы говорите о ста тысячах...

— Ни сантима! — крикнул Роллинг. — Убирайтесь, или вас вышвырнут!

Гарин запустил пальцы за воротник, глаза его начали закатываться. Он пошатнулся. Роллинг заревел:

— Без фокусов! Вон!

Гарин захрипел и повалился боком на стол. Правая рука его ударилась в исписанные листы бумаги и судорожно стиснула их. Роллинг подскочил к электрическому звонку. Мгновенно появился секретарь...

— Вышвырните этого субъекта...

Секретарь присел, как барс, изящные усики ощетинились, под тонким пиджаком налились стальные мускулы... Но Гарин уже отходил от стола — бочком, бочком, кланяясь Роллингу. Бегом спустился по мраморной лестнице на бульвар Мальзерб, вскочил в наемную машину с поднятым верхом, крикнул адрес, поднял оба окошка, спустил зеленые шторы и коротко, резко рассмеялся.

Из кармана пиджака он вынул скомканную бумагу и осторожно расправил ее на коленях. На хрустящем листе (вырванном из большого блокнота) крупным почерком Роллинга были набросаны деловые заметки на сегодняшний день. Видимо, в ту минуту, когда в кабинет вошел Гарин, рука насторожившегося Роллинга стала писать машинально, выдавая тайные мысли. Три раза, одно под другим было написано: «Улица Гобеленов, шестьдесят три, инженер Гарин». (Это был новый

адрес Виктора Ленуара, только что сообщенный по телефону Семеновым.) Затем: «Пять тысяч франков — Семенову...»

— Удача! Черт! Вот удача! — шептал Гарин, осторожно разглаживая листочки на коленях.

30

Через десять минут Гарин выскочил из автомобиля на бульваре Сен-Мишель. Зеркальные окна в кафе «Пантеон» были подняты. В глубине за столиком сидел Виктор Ленуар. Увидев Гарина, поднял руку и щелкнул пальцами.

Гарин поспешно сел за его столик — спиной к свету. Казалось, он сел против зеркала: такая же была у Виктора Ленуара продолговатая бородка, мягкая шляпа, галстук бабочкой, пиджак в полоску.

— Поздравь — удача! Необычайно! — сказал Гарин, смеясь глазами. — Роллинг пошел на все. Предварительные расходы несет единолично. Когда начнется эксплуатация, пятьдесят процентов вала — ему, пятьдесят— нам.

— Ты подписал контракт?

— Подписываем через два-три дня. Демонстрацию аппарата придется отложить. Роллинг поставил условие — подписать только после того, как своими глазами увидит работу аппарата.

— Ставишь бутылку шампанского?

— Две, три, дюжину.

— А все-таки — жаль, что эта акула проглотит у нас половину доходов, — сказал Ленуар, подзывая лакея. — Бутылку Ирруа, самого сухого...

— Без капитала все равно мы не развернемся. Вот, Виктор, если бы удалось мое камчатское предприятие, — десять Роллингов послали бы к чертям.

— Какое камчатское предприятие?

Лакей принес вино и бокалы, Гарин закурил сигару, откинулся на соломенном стуле и, покачиваясь, жмурясь, стал рассказывать:

— Ты помнишь Манцева Николая Христофоровича, геолога? В пятнадцатом году он разыскал меня в Петрограде. Он только что вернулся с Дальнего Востока, испугавшись мобилизации, и попросил моей помощи, чтобы не попасть на фронт.

— Манцев служил в английской золотой компании?

— Производил разведки на Лене, на Алдане, затем в Колыме. Рассказывал чудеса. Они находили прямо под ногами самородки в пятнадцать килограммов... Вот тогда именно у меня зародилась идея, генеральная идея моей жизни... Это очень дерзко, даже безумно, но я верю в это. А раз верю — сам сатана меня не остановит. Видишь ли, мой дорогой, единственная вещь на свете, которую я хочу всеми печенками, — это власть... Не какая-нибудь королевская, императорская, — мелко, пошло, скучно. Нет, власть абсолютная... Когда-нибудь подробно расскажу тебе о моих планах. Чтобы властвовать — нужно золото. Чтобы властвовать, как я хочу, нужно золота больше, чем у всех индустриальных, биржевых и прочих королей вместе взятых...

— Действительно, у тебя планы смелые, — весело засмеявшись, сказал Ленуар.

— Но я на верном пути. Весь мир будет у меня — вот! — Гарин сжал в кулак маленькую руку. — Вехи на моем пути — это гениальный Манцев Николай Христофорович, затем Роллинг, вернее — его миллиарды, и в третьих, — мой гиперболоид...

— Так что же Манцев?

— Тогда же, в пятнадцатом году, я мобилизовал все свои деньжонки, больше нахальством, чем подкупом, освободил Манцева от воинской повинности и послал его с небольшой экспедицией на Камчатку, в чертову глушь... До семнадцатого года он мне еще писал: работа его была тяжелая, труднейшая, условия собачьи... С восемнадцатого года — сам понимаешь — след его потерялся... От его изысканий зависит все...

— Что он там ищет?..

— Он ничего не ищет... Манцев должен только подтвердить мои теоретические предположения. Побережье Тихого океана — азиатское и американское — представляет края древнего материка, опустившегося на дно океана. Такая гигантская тяжесть должна была сказаться на распределении глубоких горных пород, находящихся в расплавленном состоянии... Цепи действующих вулканов Южной Америки — в Андах и Кордильерах, вулканы Японии и, наконец, Камчатки подтверждают то, что расплавленные породы Оливинового пояса — золото, ртуть, оливин и прочее — по краям Тихого океана гораздо ближе к поверхности земли, чем в других местах земного шара...[1] Понятно тебе?

— Не понимаю, тебе-то зачем этот Оливиновый пояс?

— Чтобы владеть миром, дорогой мой... Ну, выпьем. За успех...

31

В черной шелковой кофточке, какие носят мидинетки, в короткой юбке, напудренная, с подведенными ресницами, Зоя Монроз соскочила с автобуса у ворот Сен-Дени, перебежала шумную улицу и вошла в огромное, выходящее на две улицы кафе «Глобус» — приют всевозможных певцов и певичек с Монмартра, актеров и актрисок средней руки, воров, проституток и анархически настроенных молодых людей из тех, что с десятью су бегают по бульварам, облизывая пересохшие от лихорадки губы, вожделея женщин, ботинки, шелковое белье и все на свете...

Зоя Монроз отыскала свободный столик. Закурила папироску, положила ногу на ногу. Сейчас же близко прошел человек с вене-

[1] Существует предположение, что между земной корой и твердым центральным ядром земли есть слой расплавленных металлов — так называемый Оливиновый пояс. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

рическими коленками, — пробормотал сипловато: «Почему такая сердитая, крошка?» Она отвернулась. Другой, за столиком, прищурясь, показал язык. Еще один разлетелся, будто по ошибке: «Ки-ки, наконец-то...» Зоя коротко послала его к черту.

Видимо, на нее здесь сильно клевали, хотя она и постаралась принять вид уличной девчонки. В кафе «Глобус» был нюх на женщин. Она приказала гарсону подать литр красного и села перед налитым стаканом, подперев щеки. «Нехорошо, малютка, ты начинаешь спиваться», — сказал старичок актер, проходя мимо, потрепав ее по спине.

Она выкурила уже три папиросы. Наконец, не спеша, подошел тот, кого она ждала, — угрюмый, плотный человек, с узким, заросшим лбом и холодными глазами. Усы его были приподняты, цветной воротник врезывался в сильную шею. Он был отлично одет — без лишнего шика. Сел. Коротко поздоровался с Зоей. Поглядел вокруг, и кое-кто опустил глаза. Это был Гастон Утиный Нос, в прошлом— вор, затем бандит из шайки знаменитого Боно. На войне он выслужился до унтер-офицера и после демобилизации перешел на спокойную работу кота крупного масштаба.

Сейчас он состоял при небезызвестной Сюзанне Бурж. Но она отцветала. Она опускалась на ту ступень, которую Зоя Монроз давно уже перешагнула. Гастон Утиный Нос говорил:

— У Сюзанны хороший материал, но никогда использовать его она не сможет. Сюзанна не чувствует современности. Экое диво — кружевные панталоны и утренняя ванна из молока. Старо, — для провинциальных пожарных. Нет, клянусь горчичным газом, который выжег мне спину у дома паромщика на Изере, — современная проститутка, если хочет быть шикарной, должна поставить в спальне радиоаппарат, учиться боксу, стать колючей, как военная проволока, тренированной, как восемнадцатилетний мальчишка, уметь ходить на руках и прыгать с двадцати метров в воду. Она должна посещать собрания фашистов, разговаривать об отравляющих газах и менять любовников каждую неделю, чтобы не приучить их к свинству. А моя, изволите ли видеть, лежит в молочной ванне, как норвежская семга, и мечтает о сельскохозяйственной ферме в четыре гектара. Пошлая дура, — у нее за плечами публичный дом.

К Зое Монроз он относился с величайшим уважением. Встречаясь в ночных ресторанах, почтительно предлагал ей протанцевать и целовал руку, что делал единственной женщине в Париже. Зоя едва кланялась небезызвестной Сюзанне Бурж, но с Гастоном поддерживала дружбу, и он время от времени выполнял наиболее щекотливые из ее поручений.

Сегодня она спешно вызвала Гастона в кафе «Глобус» и появилась в обольстительном виде уличной мидинетки. Гастон только стиснул челюсти, но вел себя так, как было нужно.

Потягивая кислое вино, жмурясь от дыма трубки, он хмуро слушал, что ему говорила Зоя. Окончив, она хрустнула пальцами. Он сказал:

— Но это — опасно.

— Гастон, если это удастся, вы навсегда обеспеченный человек.

— Ни за какие деньги, сударыня, ни за мокрое, ни за сухое дело я теперь не возьмусь: не те времена. Сегодня апаши предпочитают служить в полиции, а профессиональные воры — издавать газеты и заниматься политикой. Убивают и грабят только новички, провинциалы да мальчишки, получившие венерическую болезнь. И немедленно записываются в полицию. Что поделаешь — зрелым людям приходится оставаться в спокойных гаванях. Если вы хотите меня нанять за деньги — я откажусь. Другое — сделать это для вас. Тут я бы мог рискнуть свернуть себе шею.

Зоя выпустила дымок из уголка пунцовых губ, улыбнулась нежно и положила красивую руку на рукав Утиного Носа.

— Мне кажется, — мы с вами договоримся.

У Гастона дрогнули ноздри, зашевелились усы. Он прикрыл синеватыми веками нестерпимый блеск выпуклых глаз.

— Вы хотите сказать, что я теперь же мог бы освободить Сюзанну от моих услуг?

— Да, Гастон.

Он перегнулся через стол, стиснул бокал в кулаке.

— Мои усы будут пахнуть вашей кожей?

— Я думаю, что этого не избежать, Гастон.

— Ладно. — Он откинулся. — Ладно. Будет все, как вы хотите.

32

Обед окончен. Кофе со столетним коньяком выпито. Двухдолларовая сигара — «Корона Коронас» — выкурена до половины, и пепел ее не отвалился. Наступил мучительный час: куда ехать «дальше», каким сатанинским смычком сыграть на усталых нервах что-нибудь веселенькое?

Роллинг потребовал афишу всех парижских развлечений.

— Хотите танцевать?

— Нет, — ответила Зоя, закрывая мехом половину лица.

— Театр, театр, театр, — читал Роллинг. Все это было скучно: трехактная разговорная комедия, где актеры от скуки и отвращения даже не гримируются, актрисы в туалетах от знаменитых портных глядят в зрительный зал пустыми глазами.

— Обозрение. Обозрение. Вот: «Олимпия» — сто пятьдесят голых женщин в одних туфельках и чудо техники: деревянный занавес, разбитый на шахматные клетки, в которых при поднятии и опускании стоят совершенно голые женщины. Хотите — поедем?

— Милый друг, они все кривоногие — девчонки с бульваров.

— «Аполло». Здесь мы не были. Двести голых женщин в одних только... Это мы пропустим. «Скáла». Опять женщины. Так, так.

Кроме того, «Всемирно известные музыкальные клоуны Пим и Джек».

— О них говорят, — сказала Зоя, — поедемте.

Они заняли литерную ложу у сцены. Шло обозрение.

Непрерывно двигающийся молодой человек в отличном фраке и зрелая женщина в красном, в широкополой шляпе и с посохом говорили добродушные колкости правительству, невинные колкости шефу полиции, очаровательно подсмеивались над высоковалютными иностранцами, впрочем, так, чтобы они не уехали сейчас же после этого обозрения совсем из Парижа и не отсоветовали бы своим друзьям и родственникам посетить веселый Париж.

Поболтав о политике, непрерывно двигающий ногами молодой человек и дама с посохом воскликнули: «Гоп, ля-ля». И на сцену выбежали голые, как в бане, очень белые, напудренные девушки. Они выстроились в живую картину, изображающую наступающую армию. В оркестре мужественно грянули фанфары и сигнальные рожки.

— На молодых людей это должно действовать, — сказал Роллинг.

Зоя ответила:

— Когда женщин так много, то не действует.

Затем занавес опустился и вновь поднялся. Занимая половину сцены, у рампы стоял бутафорский рояль. Застучали деревянные палочки джаз-банда, и появились Пим и Джек. Пим, как полагается, — в невероятном фраке, в жилете по колено, сваливающиеся штаны, аршинные башмаки, которые сейчас же от него убежали (аплодисменты), морда — доброго идиота. Джек — обсыпан мукой, в войлочном колпаке, на заду — летучая мышь.

Сначала они проделывали все, что нужно, чтобы смеяться до упаду, Джек бил Пима по морде, и тот выпускал сзади облако пыли, потом Джек бил Пима по черепу, и у того выскакивал гуттаперчевый волдырь.

Джек сказал: «Послушай, хочешь — я тебе сыграю на этом рояле?» Пим страшно засмеялся, сказал: «Ну, сыграй на этом рояле», — и сел поодаль. Джек изо всей силы ударил по клавишам — у рояля отвалился хвост. Пим опять страшно много смеялся. Джек второй раз ударил по клавишам—у рояля отвалился бок. «Это ничего», — сказал Джек и дал Пиму по морде. Тот покатился через всю сцену, упал (барабан—бумм). Встал: «Это ничего»; выплюнул пригоршню зубов, вынул из кармана метелку и совок, каким собирают навоз на улицах, почистился. Тогда Джек в третий раз ударил по клавишам, рояль рассыпался весь, под ним оказался обыкновенный концертный рояль. Сдвинув на нос войлочный колпачок, Джек с непостижимым искусством, вдохновенно стал играть «Кампанеллу» Листа.

У Зои Монроз похолодели руки. Обернувшись к Роллингу, она прошептала:

— Это великий артист.

— Это ничего, — сказал Пим, когда Джек кончил играть, — теперь ты послушай, как я сыграю.

Он стал вытаскивать из различных карманов дамские панталоны, старый башмак, клистирную трубку, живого котенка (аплодисменты), вынул скрипку и, повернувшись к зрительному залу скорбным лицом доброго идиота, заиграл бессмертный этюд Паганини.

Зоя поднялась, перекинула через шею соболий мех, сверкнула бриллиантами.

— Идемте, мне противно. К сожалению, я когда-то была артисткой.

— Крошка, куда же мы денемся! Половина одиннадцатого.

— Едемте пить.

33

Через несколько минут их лимузин остановился на Монмартре, на узкой улице, освещенной десятью окнами притона «Ужин Короля». В низкой, пунцового шелка, с зеркальным потолком и зеркальными стенами, жаркой и накуренной зале, в тесноте, среди летящих лент серпантина, целлулоидных шариков и конфетти, покачивались в танце женщины, перепутанные бумажными лентами, обнаженные по пояс, к их гримированным щекам прижимались багровые и бледные, пьяные, испитые, возбужденные мужские лица. Трещал рояль. Выли, визжали скрипки, и три негра, обливаясь потом, били в тазы, ревели в автомобильные рожки, трещали дощечками, звонили, громыхали тарелками, лупили в турецкий барабан. Чье-то мокрое лицо придвинулось вплотную к Зое. Чьи-то женские руки обвились вокруг шеи Роллинга.

— Дорогу, дети мои, дорогу химическому королю, — надрываясь, кричал метрдотель, с трудом отыскал место за узким столом, протянутым вдоль пунцовой стены, и усадил Зою и Роллинга. В них полетели шарики, конфетти, серпантин.

— На вас обращают внимание, — сказал Роллинг.

Зоя, полуопустив веки, пила шампанское. Ей было душно и влажно под легким шелком, едва прикрывающим ее груди. Целлулоидный шарик ударился ей в щеку.

Она медленно повернула голову, — чьи-то темные, словно обведенные угольной чертой, мужские глаза глядели на нее с мрачным восторгом. Она подалась вперед, положила на стол голые руки и впитывала этот взгляд, как вино: не все ли равно — чем опьяняться?

У человека, глядевшего на нее, словно осунулось лицо за эти несколько секунд. Зоя опустила подбородок в пальцы, вдвинутые в пальцы, исподлобья встретила в упор этот взгляд... Где-то она видела этого человека. Кто он такой? — ни француз, ни англичанин. В темной бородке запутались конфетти. Красивый рот. «Любопытно, Роллинг ревнив?» — подумала она.

Лакей, протолкнувшись сквозь танцующих, подал ей записочку. Она изумилась, откинулась на спинку дивана. Покосилась на Роллинга, сосавшего сигару, прочла:

«Зоя, тот, на кого вы смотрите с такой нежностью, — Гарин... Целую ручку. Семенов».

Она, должно быть, так страшно побледнела, что неподалеку чей-то голос проговорил сквозь шум: «Смотрите, даме дурно». Тогда она протянула пустой бокал, и лакей налил шампанского.

Роллинг сказал:

— Что вам написал Семенов?

— Я скажу после.

— Он написал что-нибудь о господине, который нагло разглядывает вас? Это тот, кто был у меня вчера. Я его выгнал.

— Роллинг, разве вы не узнаете его?.. Помните, на площади Этуаль?.. Это — Гарин.

Роллинг только сопнул. Вынул сигару — «Ага». Вдруг лицо его приняло то самое выражение, когда он бегал по серебристому ковру кабинета, продумывая на пять ходов вперед все возможные комбинации борьбы. Тогда он бойко щелкнул пальцами. Сейчас он повернулся к Зое искаженным ртом.

— Поедем, нам нужно серьезно поговорить.

В дверях Зоя обернулась. Сквозь дым и путаницу серпантина она снова увидела горящие глаза Гарина. Затем — непонятно, до головокружения — лицо его раздвоилось: кто-то, сидевший перед ним, спиной к танцующим, придвинулся к нему, и оба они глядели на Зою. Или это был обман зеркал?..

На секунду Зоя зажмурилась и побежала вниз по истертому кабацкому ковру к автомобилю. Роллинг поджидал ее. Захлопнув дверцу, он коснулся ее руки:

— Я не все рассказал вам про свидание с этим мнимым Пьянковым-Питкевичем... Кое-что осталось мне непонятным: для чего ему понадобилось разыгрывать истерику? Не мог же он предполагать, что у меня найдется капля жалости... Все его поведение — подозрительно. Но зачем он ко мне приходил?.. Для чего повалился на стол?

— Роллинг, этого вы не рассказывали...

— Да, да... Опрокинул часы... Измял мои бумаги...

— Он пытался похитить ваши бумаги?

— Что? Похитить? — Роллинг помолчал. — Нет, это было не так. Он потерял равновесие и ударился рукой в бювар... Там лежало несколько листков...

— Вы уверены, что ничего не пропало?

— Это были ничего не значащие заметки. Они оказались смятыми, я бросил их потом в корзину.

— Умоляю, припомните до мелочей весь разговор...

Лимузин остановился на улице Сены. Роллинг и Зоя прошли в спальню. Зоя быстро сбросила платье и легла в широкую лепную, на орлиных ногах, кровать под парчовым балдахином — одну из подлинных кроватей императора Наполеона Первого. Роллинг, медленно раздеваясь, расхаживал по ковру и, оставляя части одежды на золоченых стульях, на столиках, на каминной полке, рассказывал с мельчайшими подробностями о вчерашнем посещении Гарина.

Зоя слушала, опираясь на локоть. Роллинг начал стаскивать штаны и запрыгал на одной ноге. В эту минуту он не был похож на короля. Затем он лег, сказал: «Вот решительно все, что было», — и натянул атласное одеяло до носа. Голубоватый ночник освещал пышную спальню, разбросанные одежды, золотых амуров на столбиках кровати и уткнувшийся в одеяло мясистый нос Роллинга. Голова его ушла в подушку, рот полураскрылся, химический король заснул.

Этот посапывающий нос в особенности мешал Зое думать. Он отвлекал ее совсем на другие, ненужные воспоминания. Она встряхивала головой, отгоняла их, а вместо Роллинга чудилась другая голова на подушке. Ей надоело бороться, она закрыла глаза, усмехнулась. Выплыло побледневшее от волнения лицо Гарина... «Быть может, позвонить Гастону Утиный Нос, чтобы обождал?» Вдруг точно игла прошла сквозь нее: «С ним сидел двойник... Так же, как в Ленинграде...»

Она выскользнула из-под одеяла, торопливо натянула чулки. Роллинг замычал было во сне, но только повернулся на бок.

Зоя пробежала в гардеробную. Надела юбки, дождевое пальто, туго подпоясалась. Вернулась в спальню за сумочкой, где были деньги...

— Роллинг, — тихо позвала она, — Роллинг... Мы погибли...

Но он опять только замычал. Она спустилась в вестибюль и с трудом открыла высокие выходные двери. Улица Сены была пуста. В узком просвете над крышами мансард стояла тусклая желтоватая луна. Зою охватила тоска. Она глядела на этот лунный шар над спящим городом... «Боже, боже, как страшно, как мрачно...» Обеими руками она глубоко надвинула шапочку и побежала к набережной.

34

Старый трехэтажный дом, номер шестьдесят три по улице Гобеленов, одною стеной выходил на пустырь. С этой стороны окна были только на третьем этаже — мансарде. Другая, глухая стена примыкала к парку. По фасаду на улицу, в первом этаже, на уровне земли, помещалось кафе для извозчиков и шоферов. Второй этаж занимала гостиница для ночных свиданий. В третьем этаже — мансарде — сдавались комнаты постоянным жильцам. Ход туда вел через ворота и длинный туннель.

Был второй час ночи. На улице Гобеленов — ни одного освещенного окна. Кафе уже закрыто, — все стулья поставлены на столы. Зоя остановилась у ворот, с минуту глядела на номер шестьдесят три. Было холодно спине. Решилась. Позвонила. Зашуршала веревка, ворота приоткрылись. Она проскользнула в темную подворотню. Издалека голос привратницы проворчал: «Ночью надо спать, возвращаться надо вовремя». Но не спросил, кто вошел.

Здесь были порядки притона. Зою охватила страшная тревога. Перед ней тянулся низ-

кий мрачный туннель. В корявой стене, цвета бычьей кровн, тускло светил газовый рожок. Указання Семенова были таковы: в коице туннеля — налево — по винтовой лестнице — третий этаж — налево — комната одиниадцать.

Посреди туинеля Зоя остаиовилась. Ей показалось, что вдалеке, налево, кто-то быстро выгляиул и скрылся. Не вериуться лн? Она прислушалась — ин звука. Она добежала до поворота на вонючую площадку. Здесь начииалась узкая, едва освещенная откуда-то сверху, вннтовая лестннца. Зоя пошла на цыпочках, боясь притронуться к лнпкнм перилам.

Весь дом спал. На площадке второго этажа облупленная арка вела в темный коридор. Поднимаясь выше, Зоя обернулась, и снова показалось ей, что из-за аркн кто-то выгляиул и скрылся... Только это был не Гастон Утиный Нос... «Нет, иет, Гастон еще не был, ие мог здесь быть, не успел...»

На площадке третьего этажа горел газовый рожок, освещая коричневую стену с надписями н рисуночкамн, говорнвшими о неутоленных желаиннях. Если Гарина иет дома, она будет ждать его здесь до утра. Если он дома, спит, — она не уйдет, не получив того, что он взял со стола на бульваре Мальзерб.

Зоя сняла перчаткн, слегка поправила волосы под шапочкой и пошла налево по коридору, загнбавшему колеиом. На пятой двери крупно, белой краской, стояло — 11. Зоя нажала ручку, дверь легко отворилась.

В небольшую комиату, в открытое окно падал лунный свет. На полу валялся раскрытый чемодаи. Жестко белели разбросанные бумаги. У стены, между умывальннком и комодом, сидел на полу человек в одной сорочке, голые коленки его были подияты, огромными казалнсь босые ступнн... Луиой освещена была половина лица, блестел широко открытый глаз н белели зубы, — человек улыбался. Приоткрыв рот, без дыхания, Зоя глядела на неподвижно смеющееся лицо, - это был Гарин.

Сегодня утром в кафе «Глобус» она сказала Гастону Утиный Нос: «Укради у Гарииа чертежи и аппарат и, если можно, убей». Сегодня вечером она вндела сквозь дымку иад бокалом шампанского глаза Гарина н почувствовала: поманит такой человек — оиа все бросит, забудет, пойдет за ним. Ночью, поняв опасность и бросившись разыскивать Гастоиа, чтобы предупредить его, оиа сама еще не сознавала, что погнало ее в такой тревоге по ночному Парижу, из кабака в кабак, в игорные дома, всюду, где мог быть Гастон, н привело, наконец, на улицу Гобеленов. Какие чувства заставили эту умную, холодную, жестокую женщину отворить дверь в комнату человека, обреченного ею на смерть?

Она глядела на зубы и выкаченный глаз Гарина. Хрипло, негромко вскрикнула, подошла и наклонилась иад ним. Он был мертв. Лицо посиневшее. На шее вздутые царапины. Это было то лицо — осунувшееся, притягивающее, с взволнованными глазами, с конфетти в шелковистой бородке... Зоя схватилась за ледяной мрамор умывальника, с трудом поднялась. Она забыла, зачем пришла. Горькая слюна наполнила рот. «Не хватает еще — грохнуться без чувств». Последним усилием она оторвала пуговицу на душившем ее воротнике. Пошла к двери. В дверях стоял Гарин.

Так же, как н у того — на полу, у него блестели зубы, открытые застывшей улыбкой. Он поднял палец н погрозил. Зоя поняла, сжала рот рукой, чтобы не закричать. Сердце билось, будто вынырнуло из-под воды... «Жив, жив...»

— Убит не я, — шепотом сказал Гарин, продолжая грозить, — вы убили Виктора Ленуара, моего помощника... Роллинг пойдет на гильотину...

— Жив, жив, — хриповато проговорила она.

Он взял ее за локти. Она сейчас же закинула голову, вся подалась, не сопротивляясь. Он притянул ее к себе и, чувствуя, что женщину не держат ноги, обхватил ее за плечи.

— Зачем вы здесь?..

— Я искала Гастона...

— Кого, кого?

— Того, кому приказала вас убить...

— Я это предвидел, — сказал он, глядя ей в глаза. Она ответила как во сне:

— Если бы Гастон вас убил, я бы покончила с собой...

— Не понимаю...

Она повторила за ним, точно в забытьи, нежным, угасающим голосом:

— Не понимаю сама...

Странный разговор этот происходил в дверях. В окне луна садилась за графитовую крышу. У стены скалил зубы Ленуар. Гарин проговорил тихо:

— Вы пришли за автографом Роллинга?

— Да. Пощадите.

— Кого? Роллинга?

— Нет. Меня. Пощадите, — повторила она.

— Я пожертвовал другом, чтобы погубить вашего Роллинга... Я такой же убийца, как вы... Щадить?.. Нет, нет.

Внезапно он вытянулся, прислушиваясь. Резким движением увлек Зою за дверь. Продолжая сжимать ее руку выше локтя, выглянул за арку на лестницу...

— Идемте. Я выведу вас отсюда через парк. Слушайте, вы изумительная женщина, — глаза его блеснули сумасшедшим юмором, — наши дорожки сошлись... Вы чувствуете это?..

Он побежал вместе с Зоей по винтовой лестнице. Она не сопротивлялась, оглушенная странным чувством, поднявшимся в ней, как в первый раз забродившее мутное вино.

На нижней площадке Гарин свернул куда-то в темноту, остановился, зажег восковую спичку и с усилием открыл ржавый замок, видимо, много лет не отпиравшейся двери.

— Как видите, — все предусмотрено. — Они вышли под темные, сыроватые деревья парка. В то же время с улицы в ворота входил отряд полиции, вызванный четверть часа тому назад Гариным по телефону.

Шельга хорошо помннл «пронграиную пешку» на даче на Крестовском. Тогда (на бульваре Профсоюзов) он понял, что Пьянков-Питкевнч непременно придет еще раз на дачу за тем, что было спрятаио у него в подвале. В сумеркн (того же дня) Шельга пробрался на дачу, не потревожив сторожа, н с потайным фонарем спустнлся в подвал. «Пешка» сразу была проиграна: в двух шагах от люка в кухне стоял Гарин. За секунду до появлення Шельгн ои выскочил с чемоданом нз подвала и стоял, распластавшнсь по стене за дверью. Он с грохотом захлопнул за Шельгою люк н прннялся заваливать его мешкамн с углем. Шельга, подняв фоиарнк, глядел с усмешкой, как сквозь щелн люка сыплется мусор. Он иамеревался войти в мнрные переговоры. Но виезапно наверху настала тишнна. Послышалнсь убегающне шагн, затем — грянули выстрелы, затем — дикнй крнк. Это была схватка с четырехпалым. Через час появнлась мнлицня.

Пронграв «пешку», Шельга сделал хорошнй ход. Прямо нз дачн он кинулся на мнлнцейском автомобнле в яхт-клуб, разбудил дежурного по клубу, всклокоченного морского человека с хрнплым голосом, н спросил в упор:

— Какой ветер?

Моряк, разумеется, не задумываясь, отвечал:

— Зюйд-вест.

— Сколько баллов?

— Пять.

— Вы ручаетесь, что все яхты стоят на местах?

— Ручаюсь.

— Какая у вас охрана прн яхтах?

— Петька, сторож.

— Разрешнте осмотреть боны.

— Есть осмотреть боиы, — ответнл моряк, едва попадая спросоиок в рукава морской куртки.

— Петька, — крнкнул он спиртовым голосом, выходя с Шельгой на веранду клуба. (Ннкто не ответил.) — Непремеино спнт гденнбудь, тянн его за иогу, — сказал моряк, подннмая воротннк от ветра.

Сторожа нашлн неподалеку в кустах, — он здорово храпел, закрыв голову бараньнм воротннком тулупа. Моряк выразнлся. Сторож крякнул, встал. Пошлн на боны, где над стальной, уже засчневшей водой покачнвался целый лес мачт. Бнла волна. Дул крепкий, со шкваламн, ветер.

— Вы уверены, что все яхты на месте? — опять спроснл Шельга.

— Не хватает «Ориона», он в Петергофе... Да в Стрельну загнали два судна.

Шельга дошел по брызжущнм доскам до края бонов и здесь подиял кусок прнчала, — однн конец его был привязан к кольцу, другой явно отрезан. Дежурный ие спеша осмотрел прнчал. Сдвннул зюйдвестку на нос. Ничего не сказал. Пошел вдоль бонов, считая пальцем яхты. Рубанул рукой по ветру. А так как клубной дисциплнной запрещалось употребление военно-империалистических слов, то ограинчнлся однимн боковымн выраженнями:

— Не так н ие мать! — закрнчал ои с невероятной энергией. — Шкот ему в глотку! Увелн «Бнбнгонду», лучшее гоиочное судно, разорвн его в душу, сукнного сына, смоляной фал ему куда не иадо... Петька, чтобы тебе трндцать раз утонуть в тухлой воде, что же ты смотрел, паразнт, деревенщнна паршнвая? «Бнбнгонду» увелн, так и не так н не мать...

Сторож Петька ахал, дивнлся, бнл себя по бокам бараньнмн рукавамн. Моряк неудержнмо мчался фордевнндом по нензведаиным безднам велнкорусского языка. Здесь делать больше было нечего. Шельга поехал в гавань.

Прошло часа трн, по крайней мере, покуда он на быстроходном сторожевом катере не вылетел в открытое море. Бнла сильная волна. Катер зарывался. Водяная пыль туманила стекла бнноклям. Когда поднялось солнце — в фнискнх водах, далеко за маяком, — вблизн берега был замечен парус. Это бнлась среди подводных камней несчастная «Бнбнгонда». Палуба ее была покннута. С катера дали несколько выстрелов для порядка, — прншлось вернуться нн с чем.

Так бежал через граннцу Гарнн, вынграв в ту ночь еще одну пешку. Об участнн в этой нгре четырехпалого было известно только ему н Шельге. По этому случаю у Шельги, на обратном путн в гавань, ход мыслей был таков:

«За граннцей Гарии лнбо продаст, либо сам будет на свободе эксплуатнровать таинственный аппарат. Изобретенне это для Союза пока потеряно, н, кто знает, не должно лн оно сыграть в будущем роковой ролн. Но за граиицей у Гарнна есть острастка — четырехпалый. Покуда борьба с ннм не кончена, Гарнн не посмеет вылезть на свет с аппаратом. А если в этой борьбе стать на сторону Гарнна, можно н вынграть в результате. Во всяком случае, самое дурацкое, что можно было бы прндумать (н самое выгодное для Гарнна), — это немедлеино арестовать четырехпалого в Лениинграде». Вывод был прост: Шельга прямо нз гаваин прнехал к себе иа квартнру, надел сухое белье, позвонил в угрозыск о том, что «дело само собой лнквндировано», выключил телефои и лег спать, посменваясь над тем, как четырехпалый, — отравленный газамн н, может быть, раиеный, — уднрает сейчас со всех ног из Ленннграда. Таков был контрудар Шельгн в ответ на «потерянную пешку».

И вот — телеграмма (из Парижа): «Четырехпалый здесь. Событня угрожающне». Это был крнк о помощн.

Чем дальше думал Шельга, тем ясней становнлось — надо лететь в Парнж. Он взял по телефону справку об отлете пассажнрских аэропланов н вернулся на веранду, где сиделн в иетемнеющнх сумерках Тарашкин н Иваи. Беспрнзорный мальчншка, после того как прочлн у него на спнне надпись черниль-

ным карандашом, притих и не отходил от Тарашкина.

В просветы между ветвями с оранжевых вод долетали голоса, плеск весел, женский смех. Старые, как мир, дела творились под темными кущами леса на островах, где бессонно перекликались тревожными голосами какие-то птички, пощелкивали соловьи. Все живое, вынырнув из дождей и вьюг долгой зимы, торопилось жить, с веселой жадностью глотало хмельную прелесть этой ночи. Тарашкин обнял одной рукой Ивана за плечи, облокотился о перила и не шевелился, — глядел сквозь просветы на воду, где неслышно скользили лодки.

— Ну, как же, Иван, — сказал Шельга, придвинув стул и нагибаясь к лицу мальчика, — где тебе лучше нравится: там ли, здесь ли? На Дальнем Востоке ты, чай, плохо жил, впроголодь?

Иван глядел на Шельгу, не мигая. Глаза его в сумерках казались печальными, как у старика. Шельга вытащил из жилетного кармана леденец и постучал им Ивану в зубы, покуда те не разжались, — леденец проскользнул в рот.

— Мы, Иван, с мальчишками хорошо обращаемся. Работать не заставляем, писем на спине не пишем, за семь тысяч верст под вагонами не посылаем никуда. Видишь, как у нас хорошо на островах, и это все, знаешь, чье? Это все мы детям отдали на вечные времена. И река, и острова, и лодки, и хлеба с колбасой, — ешь досыта — все твое...

— Так вы мальчишку собьете, — сказал Тарашкин.

— Ничего, не собью, он умный. Ты, Иван, откуда?

— Мы с Амура, — ответил Иван неохотно. — Мать померла, отца убили на войне.

— Как же ты жил?

— Ходил по людям, работал.

— Такой маленький?

— А чего же... Коней пас...

— Ну, а потом?

— Потом взяли меня...

— Кто взял?

— Одни люди. Им мальчишка был нужен, — на деревья лазать, грибы, орехи собирать, белок ловить для пищи, бегать, за чем пошлют...

— Значит, взяли тебя в экспедицию? (Иван моргнул, промолчал.) Далеко? Отвечай, не бойся. Мы тебя не выдадим. Теперь ты — наш брат...

— Восемь суток на пароходе плыли... Думали, живые не останемся. И еще восемь дней шли пешком. Покуда пришли на огнедышащую гору...

— Так, так, — сказал Шельга, — значит, экспедиция была на Камчатку.

— Ну да, на Камчатку... Жили мы там в лачуге... Про революцию долго ничего не знали. А когда узнали, трое ушли, потом еще двое ушли, жрать стало нечего. Остались он да я...

— Так, так, а кто «он»-то? Как его звали?

Иван опять насупился. Шельга долго его успокаивал, гладил по низко опущенной, остриженной голове...

— Да ведь убьют меня за это, если скажу. Он обещался убить...

— Кто?

— Да Манцев же, Николай Христофорович... Он сказал: «Вот, я тебе на спине написал письмо, ты не мойся, рубашки, жилетки не снимай, хоть через год, хоть через два — доберись до Петрограда, найди Петра Петровича Гарина и ему покажи, что написано, он тебя наградит...»

— Почему же Манцев сам не поехал в Петроград, если ему нужно видеть Гарина?

— Большевиков боялся... Он говорил: «Они хуже чертей. Они меня убьют. Они, говорит, всю страну до ручки довели, — поезда не ходят, почты нет, жрать нечего, из города все разбежались...» Где ему знать, — он на горе сидит шестой год...

— Что он там делает, что ищет?

— Ну, разве он скажет? Только я знаю... (У Ивана весело, хитро заблестели глаза.) Золото под землей ищет...

— И нашел?

— Он-то? Конечно, нашел...

— Дорогу туда, на гору, где сидит Манцев, указать можешь, если понадобится?

— Конечно, могу... Только вы меня, смотрите, не выдавайте, а то он, знаешь, сердитый...

Шельга и Тарашкин с величайшим вниманием слушали рассказы мальчика. Шельга еще раз внимательно осмотрел надпись у него на спине. Затем сфотографировал ее.

— Теперь иди вниз, Тарашкин вымоет тебя мылом, ложись, — сказал Шельга. — Не было у тебя ничего: ни отца, ни матери, одно голодное пузо. Теперь все есть, всего по горло, — живи, учись, расти на здоровье. Тарашкин тебя научит уму-разуму, ты его слушайся. Прощай. Дня через три увижу Гарина, поручение твое передам.

Шельга засмеялся, и скоро фонарик его велосипеда, подпрыгивая, пронесся за темными зарослями.

36

Сверкнули алюминиевые крылья высоко над зеленым аэродромом, и шестиместный пассажирский самолет скрылся за снежными облаками. Кучка провожающих постояла, задрав головы к лучезарной синеве, где лениво кружил стервятник да стригли воздух ласточки, но дюралюминиевая птица уже летела черт знает где.

Шесть пассажиров, сидя в поскрипывающих плетеных креслах, глядели на медленно падающую вниз лиловато-зеленую землю. Ниточками вились по ней дороги. Игрушечными — слегка наклонными — казались гнезда построек, колокольни. Справа, вдалеке, расстилалась синева воды.

Скользила тень от облака, скрывая подробности земной карты. А вот и само облако появилось близко внизу.

Прильиув к окиам, все шесть пассажиров улыбалнсь иесколько приуждеииыми улыбками людей, умеющих владеть собой. Воздушиое передвижеине было еще виове. Несмотря на комфортабельиую кабииу, журналы и каталоги, разбросаииые иа откидиых столиках, иа видимость безопасиого уюта, — пассажирам все же приходилось уверять себя, что, в коице коицов, воздушиое сообщеиие гораздо безопасиее, чем, иапример, пешком переходить улицу. То ли дело в воздухе. Встретишься с облаком — проиыриешь, лишь запотеют окиа в кабиие, пробарабаиит град по дюралюмиипю или встряхнет аппарат, как иа ухабе, — ухватишься за плетеиые ручки кресла, выкатив глаза, ио сосед уже подмигивает, смеется: вот это так ухабик!.. Налетит шквал из тех, что в секуиду валит мачты на морском паруснике, ломает руль, сиосит лодки, людей в бушующие волны, — металлическая птица прочна и увертлива, — качнется из крыло, взвоет моторами, и уже выскочила, взмыла иа тысячу метров выше гиездовииы урагаиа.

Словом, не прошло н часа, как пассажиры в кабиие освонлись и с пустотой под иогами, н с качкой. Гул мотора мешал говорить. Ктото иадел иа голову иаушиики с микрофоииымн мембраиами, и завязалась беседа. Напротив Шельги сидел худощавый человек лет тридцати пятн в поиошеином пальто и клетчатой кепке, видимо приобретеиной для заграиичиого путешествия.

У иего было бледиоватое, с тоикой кожей, лицо, умиый иахмуренный изящиый профиль, русая бородка, рот сложеи спокойно и твердо. Сидел ои сутулясь, сложив на колеиях руки. Шельга с улыбкой сделал ему знак. Человек иадел иаушнники. Шельга спросил:

— Вы ие учнлись в Ярославле, в реальиом? (Человек наклоиил голову.) Земляк — я вас помию. Вы Хлыиов Алексей Семеиович. (Наклои головы.) Вы теперь где работаете?

— В физнческой лаборатории политехиикума, — проговорил в трубку заглушеииый гулом мотора, слабый голос Хлыиова.

— В командировку?

— В Берлин, к Рейхеру.

— Секрет?

— Нет. В марте этого года иам стало известио, что в лаборатории Рейхера произведеио атомиое распадеиие ртути.

Хлыиов повериулся всем лицом к Шельге, — глаза со строгим волиеиием уперлись в собеседиика. Шельга сказал:

— Не поиимаю, — ие специалист.

— Работы ведутся пока еще в лабораториях. До применения в промышлениости еще далеко... Хотя, — Хлыиов глядел на клубистые, как сиег, поля облаков, глубоко виизу застнлающне землю, — от кабииета физика до мастерской завода шаг ие велик. Прннцип насильствеиного разложения атома должеи быть прост, чрезвычайно прост. Вы знаете, конечио, что такое атом?

— Маленькое что-то такое, — Шельга показал пальцами.

— Атом в сравиеиии с песчинкой — как песчинка в сравнеиии с земиым шаром. И все же мы измеряем атом, исчисляем скорость вращеиия его электроиов, его вес, массу, величину электрического заряда. Мы подбираемся к самому сердцу атома, к его ядру. В ием весь секрет власти иад материей. Будущее человечества зависит от того, сможем ли мы овладеть ядром атома, частичкой материальиой энергии, величииой в одиу стобиллиоиную саитиметра.

На высоте двух тысяч метров иад землей Шельга слушал удивительиые вещи, почудесиее сказок Шехеразады, ио оии ие были сказкой. В то время, когда диалектика истории привела одии класс к истребительиой войие, а другой — к восстанию; когда горели города, и прах, и пепел, и газовые облака клубились иад пашнями и садами; когда сама земля содрогалась от гиевных криков удушаемых революций н, как в старнину, заработали в тюремиых подвалах дыба и клещи палача; когда по иочам в парках стали вырастать иа деревьях чудовищные плоды с высуиутыми языками; когда упали с человека так любовио разукрашеииые идеалистические ризы, — в это чудовищиое и титаиическое десятилетие одииокими светочами горели удивительиые умы ученых.

37

Аэроплаи сиизился иад Ковной. Зелеиое поле, смочеииое дождем, быстро полетело иавстречу. Аппарат прокатился и стал. Соскочил иа траву пилот. Пассажиры вышлн размять иоги. Закурили папиросы. Шельга в стороие лег на траву, закииул руки, и чудно было ему глядеть на далекие облака с синеватыми диищами. Он только что был там, летел среди сиежиых легких гор, над лазоревымн провалами.

Его иебесный собеседник, Хлыиов, стоял, слегка сутулясь, в потертом пальтишке, около крыла серой рубчатой птицы. Человек как человек, — даже кепка из Лениинградодежды.

Шельга рассмеялся:

— Здорово все-таки, забавио жить. Черт зиает как здорово!

Когда взлетели с ковеиского аэродрома, Шельга подсел к Хлыиову и рассказал ему, ие называя иичьих имеи, все, что зиал о иеобычайиых опытах Гарнна и о том, что ими сильио, видимо, заиитересоваиы за граиицей.

Хлыиов спросил, видел ли Шельга аппарат Гариuа.

— Нет. Аппарата иикто еще ие видал.

— Стало быть, все это — в области догадок и предположеиий, да еще приукрашеииых фаитазией?

Тогда Шельга рассказал о подвале иа разрушеииой даче, о разрезаииых кусках стали, об ящнках с угольиыми пнрамидками. Хлыиов кнвал, поддакнвал:

— Так, так. Пирамидки. Очеиь хорошо. Понимаю. Скажите, если это не слишком секретио, — вы не про инжеиера Гарина рассказываете?

Шельга мнnуту молчал, глядя в глаза Хлынову.

— Да, — ответил он, — про Гарина. Вы знаете его?

— Очень, очень способный человек. — Хлынов сморщился, будто взял в рот кислого. — Необыкновенный человек. Но — вне науки. Честолюбец. Совершенно изолированная личность. Авантюрист. Циник. Задатки гения. Непомерный темперамент. Человек с чудовищной фантазией. Но его удивительный ум всегда возбужден низкими желаниями. Он достигнет многого и кончит чем-нибудь вроде беспробудного пьянства либо попытается «ужаснуть человечество»... Гениальному человеку больше, чем кому бы то ни было, нужна строжайшая дисциплина. Слишком ответственно.

Красноватые пятна снова вспыхнули на щеках Хлынова.

— Просветленный, дисциплинированный разум — величайшая святыня, чудо из чудес. На земле, — песчинка во вселенной, — человек — порядка одной биллионной самой малой величины... И у этой умозрительной частицы, живущей в среднем шестьдесят оборотов земли вокруг солнца, — разум, охватывающий всю вселенную... Чтобы постигнуть это, мы должны перейти на язык высшей математики... Так вот, что вы скажете, если у вас из лаборатории возьмут какой-нибудь драгоценнейший микроскоп и станут им забивать гвозди?.. Так именно Гарин обращается со своим гением... Я знаю, — он сделал крупное открытие в области передачи на расстояние инфракрасных лучей. Вы слыхали, конечно, о лучах смерти Риндель-Мэтьюза? Лучи смерти оказались чистейшим вздором. Но принцип верен. Тепловые лучи температуры тысячи градусов, посланные параллельно,—чудовищное орудие для разрушения и военной обороны. Весь секрет в том, чтобы послать нерассеивающийся луч. Этого до сих пор не было достигнуто. По вашим рассказам, видимо, Гарину удалось построить такой аппарат. Если это так, — открытие очень значительное.

— Мне давно уж кажется,—сказал Шельга, — что вокруг этого изобретения пахнет крупной политикой.

Некоторое время Хлынов молчал, затем даже уши у него вспыхнули.

— Отыщите Гарина, возьмите его за шиворот и вместе с аппаратом верните в Советский Союз. Аппарат не должен попасть к нашим врагам. Спросите Гарина, — сознает он свои обязанности? Или он действительно пошляк... Тогда дайте ему, черт его возьми, денег — сколько он захочет... Пусть заводит роскошных женщин, яхты, гоночные машины... Или убейте его...

Шельга поднял брови. Хлынов положил трубку на столик, откинулся, закрыл глаза. Аэроплан плыл над деленными ровными квадратами полей, над прямыми линеечками дорог. Вдали, с высоты, виднелся между синеватыми пятнами озер коричневый чертеж Берлина.

В половине восьмого поутру, как обычно, Роллинг проснулся на улице Сены в кровати императора Наполеона. Не открывая глаз, достал из-под подушки носовой платок и решительно высморкался, выгоняя из себя вместе с остатками сна вчерашнюю труху ночных развлечений.

Не совсем, правда, свежий, но вполне владеющий мыслями и волей, он бросил платок на ковер, сел посреди шелковых подушек и оглянулся. Кровать была пуста, в комнате — пусто. Зоина подушка холодна.

Роллинг нажал кнопку звонка, появилась горничная Зои. Роллинг спросил, глядя мимо нее: «Мадам?» Горничная подняла плечи, стала поворачивать голову, как сова. На цыпочках прошла в уборную, оттуда, уже поспешно, — в гардеробную, хлопнула дверью в ванную и снова появилась в спальне, — пальцы у нее дрожали с боков кружевного фартучка: «Мадам нигде нет».

— Кофе, — сказал Роллинг. Он сам налил ванну, сам оделся, сам налил себе кофе. В доме в это время шла тихая паника, — на цыпочках, шепотом. Выходя из отеля, Роллинг толкнул локтем швейцара, испуганно кинувшегося отворять дверь. Он опоздал в контору на двадцать минут.

На бульваре Мальзерб в это утро пахло порохом. На лице секретаря было написано полное непротивление злу. Посетители выходили перекошенные из ореховой двери. «У мистера Роллинга неважное настроение сегодня», — сообщали они шепотом. Ровно в час мистер Роллинг посмотрел на стенные часы и сломал карандаш. Ясно, что Зоя Монроз не заедет за ним завтракать. Он медлил до четверти второго. За эти ужасные четверть часа у секретаря в блестящем проборе появились два седых волоса. Роллинг поехал завтракать один к «Грифону», как обычно.

Хозяин ресторанчика, мосье Грифон, рослый и полный мужчина, бывший повар и содержатель пивнушки, теперь — высший консультант по Большому Искусству Вкусовых Восприятий и Пищеварения, встретил Роллинга героическим взмахом руки. В темно-серой визитке, с холеной ассирийской бородой и благородным лбом, мосье Грифон стоял посреди небольшой залы своего ресторана, опираясь одной рукой на серебряный цоколь особого сооружения, вроде жертвенника, где под выпуклой крышкой томилось знаменитое жаркое — седло барана с бобами.

На красных кожаных диванах вдоль четырех стен за узкими сплошными столами сидели постоянные посетители — из делового мира Больших бульваров, женщин — немного. Середина залы была пуста, не считая жертвенника. Хозяин, вращая головой, мог видеть процесс вкусового восприятия каждого из своих клиентов. Малейшая гримаска неудовольствия не ускользала от его взора. Мало того, — он предвидел многое: таинственные процессы выделения соков, винтообразная работа желудка и вся психология еды, основанная на воспоминаниях когда-то съеденного, на пред-

чувствиях и на приливах крови к различным частям тела, — все это было для него открытой книгой.

Подходя со строгим и вместе отеческим лицом, он говорил с восхитительной грубоватой лаской: «Ваш темперамент, мосье, сегодня требует рюмки мадеры и очень сухого Пуи, — можете послать меня на гильотину — я не даю вам ни капли красного. Устрицы, немного вареного тюрбо, крылышко цыпленка и несколько стебельков спаржи. Эта гамма вернет вам силы». Возражать в этом случае мог бы только патагонец, питающийся водяными крысами.

Мосье Грифон не подбежал, как можно было предполагать, с униженной торопливостью к прибору химического короля. Нет. Здесь, в академии пищеварения, миллиардер, и мелкий бухгалтер, и тот, кто сунул мокрый зонтик швейцару, и тот, кто, сопя, вылез из рольс-ройса, пропахшего гаванами, — платили один и тот же счет. Мосье Грифон был республиканец и философ. Он с великодушной улыбкой подал Роллингу карточку и посоветовал взять дыню на первое, запеченного с трюфелями омара на второе и седло барана. Вина мистер Роллинг днем не пьет, это известно.

— Стакан виски-сода и бутылку шампанского заморозить, — сквозь зубы сказал Роллинг.

Мосье Грифон отступил, на секунду в глазах его мелькнули изумление, страх, отвращение: клиент начинает с водки, оглушающей вкусовые пупырышки в полости рта, и продолжает шампанским, от которого пучит желудок. Глаза мосье Грифона потухли, он почтительно наклонил голову: клиент на сегодня потерян, — примиряюсь.

После третьего стакана виски Роллинг начал мять салфетку. С подобным темпераментом человек, стоящий на другом конце социальной лестницы, скажем, Гастон Утиный Нос, сегодня бы еще до заката отыскал Зою Монроз, тварь, грязную гадину, подобранную в луже, — и всадил бы ей в бок лезвие складного ножа. Роллингу подобали иные приемы. Глядя в тарелку, где стыл омар с трюфелями, он думал не о том, чтобы раскровенить нос распутной девке, сбежавшей ночью из его постели... В мозгу Роллинга, в желтых парах виски, рождались, скрещивались, извивались чрезвычайно изысканные болезненные идеи мщения. Только в эти минуты он понял, что значила для него красавица Зоя... Он мучился, впиваясь ногтями в салфетку.

Лакей убрал нетронутую тарелку. Налил шампанского. Роллинг схватил стакан и жадно выпил его, — золотые зубы стукнули о стекло. В это время с улицы в ресторан вскочил Семенов. Сразу увидел Роллинга. Сорвал шляпу, перегнулся через стол и зашептал:

— Читали газеты?.. Я был только что в морге... Это он... Мы тут ни при чем... Клянусь под присягой... У нас алиби... Мы всю ночь оставались на Монмартре, у девочек... Установлено — убийство произошло между тремя и четырьмя утра, — это из газет, из газет...

Перед глазами Роллинга прыгало землистое, перекошенное лицо. Соседи оборачивались. Приближался лакей со стулом для Семенова.

— К черту, — проговорил Роллинг сквозь завесу виски, — вы мешаете мне завтракать...

— Хорошо, извините... Я буду ждать вас на углу в автомобиле...

39

В парижской прессе все эти дни было тихо, как на лесном озере. Буржуа зевали, читая передовицы о литературе, фельетоны о театральных постановках, хронику из жизни артистов.

Этим безмятежным спокойствием пресса подготовляла ураганное наступление на среднебуржуазные кошельки. Химический концерн Роллинга, закончив организацию и истребив мелких противников, готовился к большой кампании на повышение. Пресса была куплена, журналисты вооружены нужными сведениями по химической промышленности. Для политических передовиков заготовлены ошеломляющие документы. Две-три пощечины, две-три дуэли устранили глупцов, пытавшихся лепетать не согласно общим планам концерна.

В Париже настала тишь да гладь. Тиражи газет несколько понизились. Поэтому чистой находкой оказалось убийство в доме шестьдесят три по улице Гобеленов.

На следующее утро все семьдесят пять газет вышли с жирными заголовками о «таинственном и кошмарном преступлении». Личность убитого не была установлена, — документы его похищены, — в гостинице он записался под явно вымышленным именем. Убийство, казалось, было не с целью ограбления, — деньги и золотые вещи остались при убитом. Трудно было также предположить месть,—комната номер одиннадцатый носила следы тщательного обыска. Тайна, все — тайна.

Двухчасовые газеты сообщили потрясающую деталь: в роковой комнате найдена женская черепаховая шпилька с пятью крупными бриллиантами. Кроме того, на пыльном полу обнаружены следы женских туфель. От этой шпильки Париж действительно дрогнул. Убийцей оказалась шикарная женщина. Аристократка? Буржуазка? Или кокотка из первого десятка? Тайна... Тайна...

Четырехчасовые газеты отдали свои страницы интервью со знаменитейшими женщинами Парижа. Все они в один голос восклицали: нет, нет и нет, — убийцей не могла быть француженка, это дело рук немки, бошки. Несколько голосов бросило намек в сторону Москвы, — намек успеха не имел. Известная Ми-Ми — из театра «Олимпия» — произнесла историческую фразу: «Я готова отдаться тому, кто мне раскроет тайну». Это имело успех.

Словом, во всем Париже один Роллинг,

сидя у Грифона, ничего не знал о происшествии на улице Гобеленов. Он был очень зол и нарочно заставил Семенова подождать в таксомоторе. Наконец он появился иа углу, молча влез в машину и велел везти себя в морг. Семенов, неистово юля, по дороге рассказал ему содержание газет.

При упоминании о шпильке с пятью бриллиантами пальцы Роллинга затрепетали на набалдашнике трости. Близ морга он внезапно рванулся к шоферу с жестом, приказывающим повернуть, — но сдержался и только свирепо засопел.

В дверях морга была давка. Женщины в дорогих мехах, курносенькие мидинетки, подозрительные личности из предместий, любопытные консьержки в вязаных пелеринках, хроникеры с потными носами и смятыми воротничками, актриски, цепляющиеся за мясистых актеров, — все стремились взглянуть на убитого, лежавшего в разодранной рубашке и босиком на покатой мраморной доске, головой к полуподвальному окну.

Особенно страшными казались босые ноги его — большие, синеватые, с отросшими ногтями. Желто-мертвое лицо «изуродовано судорогой ужаса». Бородка торчком. Женщины жадно стремились к этой оскаленной маске, впивались расширенными зрачками, тихо вскрикивали, ворковали. Вот он, вот он — любовник дамы с бриллиантовой шпилькой!

Семенов ужом, впереди Роллинга, пролез сквозь толпу к телу. Роллинг твердо взглянул в лицо убитого. Рассматривал с секунду. Глаза его сощурились, мясистый нос собрался складками, блеснули золотые зубы.

— Ну что, ну что, он ведь, он? — зашептал Семенов.

И Роллинг ответил ему на этот раз:

— Опять двойник.

Едва была произнесена эта фраза, из-за плеча Роллинга появилась светловолосая голова, взглянула ему в лицо, точно сфотографировала, и скрылась в толпе.

Это был Шельга.

40

Бросив Семенова в морге, Роллинг проехал на улицу Сены. Там все оставалось попрежнему — тихая паника. Зоя не появлялась и не звонила.

Роллинг заперся в спальне и ходил по ковру, рассматривая кончики башмаков. Он остановился с той стороны постели, где обычно спал. Поскреб подбородок. Закрыл глаза. И тогда вспомнил то, что его мучило весь день...

«...Роллинг, Роллинг... Мы погибли...»

Это было сказано тихим, безнадежным голосом Зои. Это было сегодня ночью, — он внезапно посреди разговора заснул. Голос Зои не разбудил его, — не дошел до сознания. Сейчас ее отчаянные слова отчетливо зазвучали в ушах.

Роллинга подбросило, точно пружиной... Итак, — страшный припадок Гарина на бульваре Мальзерб; волнение Зои в кабаке «Ужин Короля»; ее настойчивые вопросы: какие именно бумаги мог похитить Гарин из кабинета? Затем — «Роллинг, Роллинг, мы погибли...» Ее исчезновение. Труп двойника в морге. Шпилька с бриллиантами. Именно вчера, — он помнил, — в пышных волосах Зои сняло пять камней.

В цепи событий ясно одно: Гарин прибегает к испытанному приему с двойником, чтобы отвести от себя удар. Он похищает автограф Роллинга, чтобы подбросить его на место убийства и привести полицию на бульвар Мальзерб.

При всем хладнокровии Роллинг почувствовал, что спинному хребту холодно. «Роллинг, Роллинг, мы погибли...» Значит, она предполагала, она знала про убийство. Оно произошло между тремя и четырьмя утра. (В половине пятого явилась полиция.) Вчера, засыпая, Роллинг слышал, как часы на камине пробили три четверти второго. Это было его последним восприятием внешних звуков. Затем Зоя исчезла. Очевидно, она кинулась на улицу Гобеленов, чтобы уничтожить следы автографа.

Каким образом Зоя могла знать так точно про готовящееся убийство? — только в том случае, если она его сама подготовила. — Роллинг подошел к камину, положил локти на мраморную доску и закрыл лицо руками. — Но почему же тогда она прошептала ему с таким ужасом: «Роллинг, Роллинг, мы погибли!..» Что-то вчера произошло, — перевернуло ее планы. Но что? И в какую минуту?.. В театре, в кабаке, дома?..

Предположим, ей нужно было исправить какую-то ошибку. Удалось ей или нет? Гарин жив, автограф покуда не обнаружен, убит двойник. Спасает это или губит? Кто убийца — сообщник Зои или сам Гарин?

И почему, почему, почему Зоя исчезла? Отыскивая в памяти эту минуту — перелом в Зоином настроении, Роллинг напрягал воображение, привыкшее к совсем другой работе. У него трещал мозг. Он припоминал — жест за жестом, слово за словом — все вчерашнее поведение Зои.

Он чувствовал, если теперь же, у камина, не поймет до мелочей всего происшедшего, то это — проигрыш, поражение, гибель. За три дня до большого наступления на биржу достаточно намека на его имя в связи с убийством, и — непомерный биржевой скандал, крах... Удар по Роллингу будет ударом по миллиардам, двигающим в Америке, Китае, Индии, Европе, в африканских колониях тысячами предприятий. Нарушится точная работа механизма... Железные дороги, океанские линии, рудники, заводы, банки, сотни тысяч служащих, миллионы рабочих, десятки миллионов держателей ценностей — все это заскрипит, застопорится, забьется в панике...

Роллинг попал в положение человека, не знающего, с какой стороны его ткнут ножом. Опасность была смертельной. Воображение

его работало так, будто за каждый протекающий в секунду отрезок мысли платилн по миллиону долларов. Эти четверть часа у камина могли быть занесены в историю наравне с известным присутствием духа у Наполеона на Аркольском мосту.

Но Роллинг, этот собиратель миллиардов, фигура почти уже символическая, в самую решительную для себя минуту (и опять-таки первый раз в жизни) внезапно предался пустому занятию, стоя с раздутыми ноздрями перед зеркалом и не видя в нем своего изображения. Вместо анализа поступков Зои он стал воображать ее самое — ее тонкое, бледное лицо, мрачно-ледяные глаза, страстный рот. Он ощущал теплый запах ее каштановых волос, прикосновение ее руки. Ему начало казаться, будто он, Роллинг, весь целиком, — со всеми желаниями, вкусами, честолюбием, жадностью к власти, с дурными настроениями (атония кишок) и едкими думами о смерти, — переселился в новое помещение, в умную, молодую, привлекательную женщину. Ее нет. И он будто вышвырнут в ночную слякоть. Он сам себе перестал быть нужен. Ее нет. Он без дома. Какие уж там мировые концерны, — тоска, тоска голого, маленького, жалкого человека.

Это поистине удивительное состояние химического короля было прервано стуком двух подошв о ковер. (Окно спальни, — в первом этаже, — выходившее в парк, было раскрыто.) Роллинг вздрогнул всем телом. В каминном зеркале появилось изображение коренастого человека с большими усами и сморщенным лбом. Он нагнул голову и глядел на Роллинга не мигая.

41

— Что вам нужно? — завизжал Роллинг, не попадая рукой в задний карман штанов, где лежал браунинг. Коренастый человек, видимо, ожидал этого и прыгнул за портьеру. Оттуда он снова выставил голову.

— Спокойно. Не кричите. Я не собираюсь убивать или грабить, — он поднял ладони, — я пришел по делу.

— Какое здесь может быть дело? — отправляйтесь по делу на бульвар Мальзерб, сорок восемь бис, от одиннадцати до часу... Вы влезли в окно, как вор и негодяй.

— Виноват, — вежливо ответил человек, — моя фамилия Леклер, меня зовут Гастон. У меня военный орден и чин сержанта. Я никогда не работаю по мелочам и вором не был. Советую вам немедленно принести мне извинения, мистер Роллинг, без которых наш дальнейший разговор не может состояться...

— Убирайтесь к дьяволу! — уже спокойнее сказал Роллинг.

— Если я уберусь по этому адресу, то небезызвестная вам мадемуазель Монроз погибла.

У Роллинга прыгнули щеки. Он сейчас же подошел к Гастону. Тот сказал почтительно, как подобает говорить с обладателем миллиардов, и вместе с оттенком грубоватой дружественности, как говорят с мужем своей любовницы:

— Итак, сударь, вы извиняетесь?

— Вы знаете, где скрывается мадемуазель Монроз?

— Итак, сударь, чтобы продолжить наш разговор, я должен понять, что вы извиняетесь передо мной?

— Извиняюсь, — заорал Роллинг.

— Принимаю! — Гастон отошел от окна, привычным движением расправил усы, откашлялся и сказал: — Зоя Монроз в руках убийцы, о котором кричит весь Париж.

— Где она? (У Роллинга затряслись губы.)

— В Вилль Давре, близ парка Сен-Клу, в гостинице для случайных посетителей, в двух шагах от музея Гамбетты. Вчера ночью я проследил их в автомобиле до Вилль Давре, сегодня я точно установил адрес.

— Она добровольно бежала с ним?

— Вот это именно я больше всего хотел бы знать, — ответил Гастон так зловеще, что Роллинг изумленно оглянул его.

— Позвольте, господин Гастон, я не совсем понимаю, какое ваше участие во всей этой истории? Какое вам дело до мадемуазель Монроз? Каким образом вы по ночам следите за ней, устанавливаете место ее нахождения?

— Довольно! — Гастон благородным жестом протянул перед собой руку. — Я вас понимаю. Вы должны были поставить мне этот вопрос. Отвечаю вам: я влюблен, и я ревнив...

— Ага! — сказал Роллинг.

— Вам нужны подробности? — вот они: сегодня ночью, выходя из кафе, где я пил стакан грога, я увидел мадемуазель Монроз. Она мчалась в наемном автомобиле. Лицо ее было ужасно. Вскочить в такси, броситься за нею вслед было делом секунды. Она остановила машину на улице Гобеленов и вошла в подъезд дома шестьдесят три. (Роллинг моргнул, будто его кольнули.) Вне себя от ревнивых предчувствий, я ходил по тротуару мимо дома шестьдесят три. Ровно в четверть пятого мадемуазель Монроз вышла не из подъезда, как я ожидал, а из ворот в стене парка, примыкающего к дому шестьдесят три. Ее за плечи придерживал человек с черной бородкой, одетый в коверкот и серую шляпу. Остальное вы знаете.

Роллинг опустился на стул (эпохи крестовых походов) и долго молчал, впившись пальцами в резные ручки... Так вот они — недостающие данные... Убийца — Гарин. Зоя — сообщница... Преступный план очевиден. Они убили двойника на улице Гобеленов, чтобы впутать в грязную историю его, Роллинга, и, шантажируя, выманить деньги на постройку аппарата. Честный сержант и классический дурак, Гастон, случайно обнаруживает преступление. Все ясно. Нужно действовать решительно и беспощадно.

Глаза Роллинга зло вспыхнули. Он встал, ногой отпихнул стул.

— Я звоню в полицию. Вы поедете со мной в Вилль Давре.

Гастон усмехнулся, большие усы его поползли вкось.

— Мне кажется, мистер Роллинг, будет благоразумнее не вмешивать полицию в эту историю. Мы обойдемся своими силами.

— Я желаю арестовать убийцу и его сообщницу и предать негодяев в руки правосудия. — Роллинг выпрямился, голос его звучал как сталь.

Гастон сделал неопределенный жест.

— Так-то оно так... Но у меня есть шесть надежных молодцов, видавших виды... Через час в двух автомобилях я мог бы доставить их в Вилль Даврэ... А с полицией, уверяю вас, не стоит связываться...

Роллинг только фыркнул на это и взял с каминной полки телефонную трубку. Гастон с еще большей быстротой схватил его за руку.

— Не звоните в полицию!

— Почему?

— Потому, что глупее этого ничего нельзя придумать... (Роллинг опять потянулся за трубкой.) Вы редкого ума человек, мосье Роллинг, неужели вы не понимаете, — есть вещи, которые не говорятся прямо... умоляю вас — не звонить... Фу, черт!.. Да потому, что после этого звонка мы с вами оба попадем на гильотину... (Роллинг в бешенстве толкнул его в грудь и вырвал трубку. Гастон живо оглянулся и в самое ухо Роллинга прошептал.) По вашему указанию мадемуазель Зоя поручила мне отправить облегченной скоростью к Аврааму одного русского инженера на улице Гобеленов, шестьдесят три. Этой ночью поручение исполнено. Сейчас нужно десять тысяч франков — в виде аванса моим малюткам. Деньги у вас с собой?..

. . . .

Через четверть часа на улицу Сены подъехала дорожная машина с поднятым верхом. Роллинг стремительно вскочил в нее. Покуда машина делала на узкой улице поворот, из-за выступа дома вышел Шельга и прицепился к автомобилю, к задней части кузова.

Машина пошла по набережной. На Марсовом поле, в том месте, где некогда Робеспьер, с колосьями в руке, клялся перед жертвенником Верховного Существа заставить человечество подписать великий колдоговор на вечный мир и вечную справедливость, — теперь возвышалась Эйфелева башня; два с половиной миллиона электрических свечей мигали и подмигивали на ее стальных переплетах, разбегались стрелами, очерчивали рисунки и писали над Парижем всю ночь: «Покупайте практичные и дешевые автомобили господина Ситроена...»

42

Ночь была сыроватая и теплая. За открытым окном, от низкого потолка до самого пола, невидимые листья принимались шелестеть и затихали. В комнате — во втором этаже гостиницы «Черный Дрозд» — было темно и тихо. Влажный аромат парка смешивался с запахом духов. Ими был пропитан ветхий штоф на стенах, истертые ковры и огромная деревянная кровать, приютившая за долгие годы вереницы любовников. Это было доброе старое место для любовного уединения. Деревья шелестели за окном, ветерок доносил из парка запах земли и грусти, теплая кровать убаюкивала короткое счастье любовников. Рассказывают даже, что в этой комнате Беранже сочинял свои песенки. Времена изменились, конечно. Торопливым любовникам, выскочившим на часок из кипящего Парижа, ослепленным огненными воплями Эйфелевой башни, было не до шелеста листьев, не до любви. Нельзя же, в самом деле, в наши дни мечтательно гулять по бульвару, засунув в жилетный карман томик Мюссе. Нынче — все на скорости, все на бензине. «Алло, малютка, в нашем распоряжении час двадцать минут! Нужно успеть в кино, скушать обед и полежать в кровати. Ничего не поделаешь, Ми-Ми, это — цивилизация».

Все же ночь за окном в гостинице «Черный Дрозд», темные кущи лип и нежные трещотки древесных лягушек не принимали участия в общем ходе европейской цивилизации. Было очень тихо и очень покойно. В комнате скрипнула дверь, послышались шаги по ковру. Неясное очертание человека остановилось посреди комнаты. Он сказал негромко (по-русски):

— Нужно решаться. Через тридцать — сорок минут подадут машину. Что же — да или нет?

На кровати пошевелились, но не ответили. Он подошел ближе:

— Зоя, будьте же благоразумны.

В ответ невесело засмеялись.

Гарин нагнулся к лицу Зои, всмотрелся, сел в ногах на постель.

— Вчерашнее приключение мы зачеркнем. Началось оно несколько необычно, кончилось в этой постели, — вы находите, что банально? Согласен. Зачеркнуто. Слушайте, я не хочу никакой другой женщины, кроме вас, — что поделаешь?

— Пошло и глупо, — сказала Зоя.

— Совершенно с вами согласен. Я пошляк, законченный, первобытный. Сегодня я думал: ба, вот для чего нужны деньги, власть, слава, — обладать вами. Дальше, когда вы проснулись, я вам доложил мою точку зрения: расставаться с вами я не хочу и не расстанусь.

— Ого! — сказала Зоя.

— «Ого» — ровно ничего не говорит. Я понимаю, — вы, как женщина умная и самолюбивая, ужасно возмущены, что вас принуждают. Что ж поделаешь! Мы связаны кровью. Если вы уйдете к Роллингу, я буду бороться. А так как я пошляк, то отправлю на гильотину и Роллинга, и вас, и себя.

— Вы это уже говорили, — повторяетесь.

— Разве вас это не убеждает?

— Что вы предлагаете мне взамен Роллинга? Я женщина дорогая.

— Оливиновый пояс.

— Что?

— Оливиновый пояс. Гм! Объяснять это очень сложно. Нужен свободный вечер и книги под руками. Через двадцать минут мы должны ехать. Оливиновый пояс — это власть над миром. Я найму вашего Роллинга в швейцары, — вот что такое Оливиновый пояс. Он будет в моих руках через два года. Вы станете не просто богатой женщиной, вернее — самой богатой на свете. Это скучно. Но — власть! Упоение небывалой на земле властью. Средства для этого у нас совершеннее, чем у Чингисхана. Вы хотите божеских почестей? Мы прикажем построить вам храмы на всех пяти материках и ваше изображение увенчивать виноградом.

— Какое мещанство!..

— Я не шучу сейчас. Захотите, и будете наместницей бога или черта, — что вам больше по вкусу. Вам придет желание уничтожать людей, — иногда в этом бывает потребность, — ваша власть надо всем человечеством. Такая женщина, как вы, Зоя, найдет применение сказочным сокровищам Оливинового пояса. Я предлагаю выгодную партию. Два года борьбы — и я проникну сквозь Оливиновый пояс. Вы не верите?..

Помолчав, Зоя проговорила тихо:

— Почему я одна должна рисковать? Будьте смелы и вы.

Гарин, казалось, силился в темноте увидеть ее глаза, затем — почти печально, почти нежно — сказал:

— Если нет, тогда уйдите. Я не буду вас преследовать. Решайте добровольно.

Зоя коротко вздохнула. Села на постели, подняла руки, оправляя волосы (это было хорошим знаком).

— В будущем — Оливиновый пояс. А сейчас что у вас? — спросила она, держа в зубах шпильки.

— Сейчас — мой аппарат и угольные пирамидки. Вставайте. Идемте в мою комнату, я покажу аппарат.

— Не много. Хорошо, я посмотрю. Идемте.

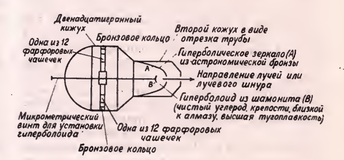
43

В комнате Гарина окно с балконной решеткой было закрыто и занавешено. У стены стояли два чемодана. (Он жил в «Черном Дрозде» уже больше недели.) Гарин запер дверь на ключ. Зоя села, облокотилась, заслонила лицо от света потолочной лампы. Ее дождевое шелковое пальто травяного цвета было помято, волосы небрежно прибраны, лицо утомленное, — такой она была еще привлекательнее. Гарин, раскрывая чемодан, посматривал на нее обведенными синевой блестящими глазами.

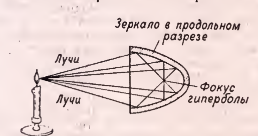
— Вот мой аппарат, — сказал он, ставя на стол два металлических ящика: один — узкий, в виде отрезка трубы, другой — плоский, двенадцатигранный — втрое большего диаметра.

Он составил оба ящика, скрепил их анкерными болтами. Трубку направил отверстием к каменной решетке, у двенадцатигранного кожуха откинул сферическую крышку. Внутри кожуха стояло на ребре бронзовое кольцо с двенадцатью фарфоровыми чашечками.

— Это — модель, — сказал он, вынимая из второго чемодана ящик с пирамидками, — она не выдержит и часа работы. Аппарат нужно строить из чрезвычайно стойких материалов, в десять раз солиднее. Но он вышел бы слишком тяжелым, а мне приходится все время передвигаться. (Он вложил в чашечки кольца двенадцать пирамидок.) Снаружи вы ничего не увидите и не поймете. Вот чертеж, продольный разрез аппарата. — Он наклонился над Зоиным креслом (вдохнул запах ее волос), развернул чертежик размером в половину листа писчей бумаги. — Вы хотели, Зоя, чтобы я также рискнул всем в нашей игре. Смотрите сюда... Это основная схема...



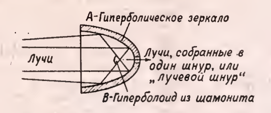
Это просто, как дважды два. Чистая случайность, что это до сих пор не было построено. Весь секрет в гиперболическом зеркале (*А*), напоминающем формой зеркало обыкновенного прожектора, и в кусочке шамонита (*В*), сделанном также в виде гиперболической сферы. Закон гиперболических зеркал таков:



Лучи света, падая на внутреннюю поверхность гиперболического зеркала, сходятся все в одной точке, в фокусе гиперболы. Это известно. Теперь вот что неизвестно: я помещаю в фокусе гиперболического зеркала вторую гиперболу (очерченную, так сказать, навыворот) — гиперболоид вращения, выточенный из тугоплавкого, идеально полирующегося минерала — шамонита (*В*), — залежи его на севере России неисчерпаемы. Что же получается с лучами?

Лучи, собираясь в фокусе зеркала (*А*), падают на поверхность гиперболоида (*В*) и отражаются от него математически параллельно, — иными словами, гиперболоид (*В*) концентрирует все лучи в один луч, или в «лучевой шнур» любой толщины. Переставляя микрометрическим винтом гиперболоид (*В*), я

по желанию увеличиваю или уменьшаю толщину «лучевого шнура». Потеря его энергии при прохождеини через воздух иичтожиа. При этом я могу довести его (практически) до толщины иглы.



При этнх словах Зоя поднялась, хрустнула пальцами н сиова села, обхватила колено.

— Во время первых опытов я брал источником света иесколько обычиых стеариновых свечей. Путем установкн гиперболоида (B) я доводил «лучевой шнур» до толщнны вязальной спицы и легко разрезывал нм дюймовую доску. Тогда же я понял, что вся задача — в нахождении компактиых н чрезвычайно могучих источннков лучевой энергии. За три года работы, стоившей жизин двонм моим помощиикам, была создана вот эта угольная пирамидка. Эиергия пирамидок иастолько уже велнка, что, помещениые в аппарат, — как вы видите, — и зажженные (горят около пяти минут), оии дают «лучевой шиур», способиый в несколько секуид разрезать железнодорожный мост... Вы представляете, какие открываются возможностн? В природе не существует иичего, что бы могло сопротнвляться силе «лучевого шнура»... Здаиия, крепости, дредноуты, воздушиые кораблн, скалы, горы, кора земли — все проиижет, разрушит, разрежет мой луч...

Гарии виезапно оборвал н подиял голову, прислушиваясь. За окиом шуршал и скрипел гравнй, замирая работали моторы. Ои прыгиул к окиу и проскользнул за портьеру. Зоя глядела, как за пыльиым малииовым бархатом неподвижно стояло очертание Гарнна, затем оно содрогнулось. Он выскользнул нз-за портьеры.

— Три машииы и восемь человек, — сказал ои шепотом, — это за намн. Кажется — автомобиль Роллиига. В гостиннце только мы и привратиица. (Ои живо вынул из иочного столика револьвер и сунул в карман пнджака.) Меия-то уж, во всяком случае, ие выпустят живым... — Ои весело вдруг почесал сбоку иоса. — Ну, Зоя, решайте: да нли иет? Другой такой мииуты ие выберешь.

— Вы с ума сошли, — лицо Зои вспыхиуло, помолодело, — спасайтесь!..

Гарин только вскинул бородкой.

— Восемь человек, вздор, вздор! — Он приподнял аппарат и повернул его дулом к двери. Хлопнул себя по кармаиу. Лицо его внезапно осунулось.

— Спички, — прошептал ои, — иет спичек...

Быть может, он сказал это иарочно, чтобы испытать Зою. Быть может, и вправду в кармаие не оказалось спичек, — от инх зависела жизнь. Ои глядел на Зою, как животное, ожидая смерти. Она, будто во сие, взяла с кресла сумочку, вынула коробку восковых спичек. Протяиула медлеиио, с трудом. Беря, он ощутнл пальцами ее ледяную узкую руку.

Виизу по вннтовой лестиице поднимались шаги, поскрнпывая осторожио.

44

Несколько человек остановилось за дверью. Было слышио их дыхаиие. Гарин громко спросил по-французски:

— Кто там?

— Телеграмма, — ответнл грубый голос, — отворнте!..

Зоя молча схватила Гариа за плечи, затрясла головой. Он увлек ее в угол комнаты, снлой посаднл на ковер. Сейчас же вериулся к аппарату, крнкнул:

— Подсуньте телеграмму под дверь.

— Когда говорят — отворите, иужно отворять, — зарычал тот же голос.

Другой, осторожиый, спросил:

— Жеищина у вас?

— Да, у меня.

— Выдайте ее, вас оставнм в покое.

— Предупреждаю, — свнрепо проговорил Гарнн, — еслн вы не уберетесь к черту, через мннуту ни однн нз вас не останется в живых...

— О-ля-ля!.. О-хо-хо!.. Гы-гы!.. — завыли, заржали голоса, и иа дверь иавалились, завертелась фарфоровая ручка, посыпались с косяков куски штукатурки. Зоя ие сводила глаз с лица Гариа. Ои был бледеи, движения быстры и увереииы. Присев иа корточки, ои прикручивал в аппарате микрометрический внит. Вынул несколько спнчек и положил иа стол рядом с коробкой. Взял револьвер и выпрямился, ожндая. Дверь затрещала. Вдруг от удара посыпалось окоиное стекло, колыхиулась портьера. Гарнн сейчас же выстрелил в окно. Присел, чнркиул спичкой, суиул ее в аппарат н захлопнул сферическую крышку.

Прошла всего секуида тишины после его выстрела. И сейчас же иачалась атака одиовремеино иа дверь и на окио. В дверь стали бить чем-то тяжелым, от филеиок полетели щепы. Портьера на окне завилась н упала вместе с карнизом.

— Гастои! — вскрикиула Зоя. Через железиую решетку окиа лез Утиный Нос, держа во рту нож-наваху. Дверь еще держалась. Гарии, белый как бумага, прикручивал микрометрический виит, в левой руке его плясал револьвер. В аппарате бнлось, гудело пламя. Кружочек света на стеие (протнв дула аппарата) уменьшался, — задымились обои. Гастон, косясь иа револьвер, двигался вдоль стены, весь подбирался перед прыжком. Нож он держал уже в руке, по-нспански — лезвием к себе. Кружочек света стал ослепительиой точкой. В разбитые филенки двери лезли усатые морды... Гарин схватил обеими руками

аппарат и дулом направил его на Утиного Носа...

Зоя увидела: Гастон разинул рот, не то чтобы крикнуть, не то чтобы заглотнуть воздух... Дымная полоса прошла поперек его груди, руки поднялись было и упали. Он опрокинулся на ковер. Голова его вместе с плечами, точно кусок хлеба, отвалилась от нижней части туловища.

Гарин повернул аппарат к двери. По пути «лучевой шнур» разрезал провод, — лампочка под потолком погасла. Ослепительный, тонкий, прямой, как игла, луч из дула аппарата чиркнул поверх двери, — посыпались осколки дерева. Скользнул ниже. Раздался короткий вопль, будто раздавили кошку. В темноте кто-то шарахнулся. Мягко упало тело. Луч танцевал на высоте двух футов от пола. Послышался запах горящего мяса. И вдруг стало тихо, только гудело пламя в аппарате.

Гарин покашлял, сказал плохо повинующимся, хрипловатым голосом:

— Кончено со всеми.

. . . .

За разбитым окном ветерок налетел на невидимые липы, они зашелестели по-ночному — сонно. Из темноты, снизу, где неподвижно стояли машины, крикнули по-русски:

— Петр Петрович, вы живы? — Гарин появился в окне. — Осторожнее, это я, Шельга. Помните наш уговор? У меня автомобиль Роллинга. Надо бежать. Спасайте аппарат. Я жду...

45

Вечером, как обычно по воскресеньям, профессор Рейхер играл в шахматы у себя, на четвертом этаже, на открытом небольшом балконе. Партнером был Генрих Вольф, его любимый ученик. Они курили, уставясь в шахматную доску. Вечерняя заря давно погасла в конце длинной улицы. Черный воздух был душен. Не шевелился плющ, обвивавший выступы веранды. Внизу, под звездами, лежала пустынная асфальтовая площадь.

Покряхтывая, посапывая, профессор разрешал ход. Поднял плотную руку с желтоватыми ногтями, но не дотронулся до фигуры. Вынул изо рта окурок сигары.

— Да. Нужно подумать.

— Пожалуйста, — ответил Генрих. Его красивое лицо с широким лбом, резко очерченным подбородком, коротким прямым носом выражало покой могучей машины. У профессора было больше темперамента (старое поколение), — стального цвета борода растрепалась, на морщинистом лбу лежали красные пятна.

Высокая лампа под широким цветным абажуром освещала их лица. Несколько чахлых зелененьких существ кружились у лампочки, сидели на свежепроглаженной скатерти, топорща усики, глядя точечками глаз и, должно быть, не понимая, что имеют честь присутствовать при том, как два бога тешатся игрою небожителей. В комнате часы пробили десять.

Фрау Рейхер, мать профессора, чистенькая старушка, сидела неподвижно. Читать и вязать она уже не могла при искусственном свете. Вдали, где в черной ночи горели окна высокого дома, угадывались огромные пространства каменного Берлина. Если бы не сын за шахматной доской, не тихий свет абажура, не зелененькие существа на скатерти, ужас, давно прилегший в душе, поднялся бы опять, как много раз в эти годы, и высушил бескровное личико фрау Рейхер. Это был ужас перед надвигающимися на город, на этот балкон миллионами. Их звали не Фрицы, Иоганны, Генрихи, Отто, а масса. Один как один, — плохо выбритые, в бумажных манишках, покрытые железной, свинцовой пылью, — они по временам заполняли улицы. Они многого хотели, выпячивая тяжелые челюсти.

Фрау Рейхер вспоминла блаженное время, когда ее жених, Отто Рейхер, вернулся из-под Седана победителем французского императора. Он весь пропах солдатской кожей, был бородат и громогласен. Она встретила его за городом. На ней было голубое платьице, и ленты, и цветы. Германия летела к победам, к счастью вместе с веселой бородой Отто, вместе с гордостью и надеждами. Скоро весь мир будет завоеван...

Прошла жизнь фрау Рейхер. И настала и прошла вторая война. Кое-как вытащили ноги из болота, где гнили миллионы человеческих трупов. И вот — появились массы. Взгляни любому под каскетку в глаза. Это не немецкие глаза. Их выражение упрямо, невесело, непостижимо. К их глазам нет доступа. Фрау Рейхер охватывал ужас.

. . . .

На веранде появился Алексей Семенович Хлынов. Он был по-воскресному одет в чистенький серый костюм.

Хлынов поклонился фрау Рейхер, пожелал ей доброго вечера и сел рядом с профессором, который добродушно сморщился и с юмором подмигнул шахматной доске. На столе лежали журналы и иностранные газеты. Профессор, как и всякий интеллигентный человек в Германии, был беден. Его гостеприимство ограничивалось мягким светом лампы на свежевыглаженной скатерти, предложенной сигарой в двадцать пфеннигов и беседой, стоившей, пожалуй, дороже ужина с шампанским и прочими излишествами.

В будни от семи утра до семи вечера профессор бывал молчалив, деловит и суров. По воскресеньям он «охотно отправлялся с друзьями на прогулку в страну фантазии». Он любил поговорить «от одного до другого конца сигары».

— Да, надо подумать, — опять сказал профессор, закутываясь дымом.

— Пожалуйста, — холодно-вежливо ответил Вольф.

Хлынов развернул парижскую «Л'Энтрансижан» и на первой странице под заголовком «Таинственное преступление в Вилль Давре» увидел снимок, изображающий семерых лю-

дей, разрезанных на кускн. «На куски так на кускн», — подумал Хлынов. Но то, что он прочел, заставнло его задуматься:

«...Нужно предполагать, что преступление совершено какнм-то нензвестным до сих пор оруднем, лнбо раскаленной проволокой, лнбо тепловым лучом огромного напряжения. Нам удалось установнть нацнональность н внешнні внд преступннка: это, как и надо было ожндать, — русскні (следовало описаине наружности, данное хозяйкой гостнннцы). В ночь преступлення с ннм была женщнна. Но дальше все загадочно. Быть может, несколько прнподнимет завесу кровавая находка в лесу Фонтенебло. Там, в тридцати метрах от догн, найден в бесчувственном состояннн неизвестный. На теле его оказалнсь четыре огнестрельных раны. Документы н все, устанавлнвающее его лнчность, похнщено. По-внднмому, жертва была сброшена с автомобиля. Прнвести в сознание его до снх пор еще не удалось...»

46

— Шах! — восклнкнул профессор, взмахнвая взятым конем. — Шах н мат! Вольф, вы разбиты, вы оккупированы, вы на коленях, шестьдесят шесть лет вы платнте репарацин. Таков закон высокой нмперналнстнческой политики.

— Реванш? — спроснл Вольф.

— О нет, мы будем наслаждаться всеми преимуществамн победнтеля.

Профессор потрепал Хлынова по колену.

— Что вы такое вычнталн в газетке, мой юный и непрнмирнмый большевик? Семь разрезанных французов? Что поделаешь, — победителн всегда склонны к нзлишествам. История стремнтся к равновесню. Пессимизм — вот что прнтаскивают победнтелн к себе в дом вместе с награбленным. Онн начнiают слншком жирно есть. Желудок их не справляется с жнрамн н отравляет кровь отвратительными ядамн. Онн режут людей на куски, вешаются на подтяжках, кндаются с мостов. У ннх пропадает любовь к жизнн. Оптнмизм — вот что остается у побежденных взамен награбленного. Велнколепное свойство человеческой волн — верить, что все к лучшему в этом лучшем нз мнров. Пессимнзм должен быть выдернут с корешками. Угрюмая н кровавая мнстнка Востока, безнадежная печаль эллинской цивилнзации, разнузданные страсти Рима среди дымящнхся развалин городов, изуверство средних веков, каждый год ожидающих конца мира и Страшного суда, и наш век, строящий картоные домикн благополучня и глотающий нестерпимую чушь кинематографа, — на каком основанин, я спрашиваю, построена эта чахлая психика царя природы? Основание — пессимизм... Проклятый пессимизм... Я читал вашего Ленина, мой дорогой... Это великий оптимнст. Я его уважаю...

— Вы сегодня в превосходном настроении, профессор, — мрачно сказал Вольф.

— Вы знаете почему? — Профессор откннулся на плетеном кресле, подбородок его собрался морщннами, глаза весело, молодо посматрнвалн нз-под бровей. — Я сделал прелюбопытнейшее открытне... Я получнл некоторые сводки, н сопоставнл некоторые данные, и неожнданно прншел к удивнтельному заключенню... Еслн бы германское правительство не было шайкой авантюристов, еслн бы я был уверен, что мое открытне не попадет в рукн жулнкам н грабнтелям, — я бы, пожалуй, опублнковал его... Но нет, лучше молчать...

— С намн-то, надеюсь, вы можете поделнться, — сказал Вольф.

Профессор лукаво подмигнул ему:

— Что бы вы, напрнмер, сказалн, мой друг, еслн бы я предложнл честному германскому правительству... вы слышите, — я подчеркиваю: «честному», в это я вкладываю особенный смысл... — предложнл бы любые запасы золота?

— Откуда? — спроснл Вольф.

— Из земли, конечно...

— Где эта земля?

— Безразлнчно. Любая точка земного шара... Хотя бы в центре Берлнна. Но я не предложу. Я не верю, чтобы золото обогатнло вас, меня, всех Фрнцев, Мнхелей... Пожалуй, мы станем еще беднеи... Один только человек, — он обернул к Хлынову седовласую львиную голову, — ваш соотечественннк, предложнл сделать настоящее употребленне из золота... Вы понимаете?

Хлынов усмехнулся, кивнул.

— Профессор, я прнвык слушать вас серьезно, — сказал Вольф.

— Я постараюсь быть серьезным. Вот у ннх в Москве знмние морозы доходят до трнднатн градусов ннже нуля, вода, выплеснутая с третьего этажа, падает на тротуар шарнкамн льда. Земля носнтся в межпланетном пространстве десять — пятнадцать мнллиардов лет. Должна была она остыть за этот срок, черт возьмн? Я утверждаю — земля давнымдавно остыла, отдала лучеиспусканием все свое тепло межпланетному пространству. Вы спросите: а вулканы, расплавленная лава, горячие гейзеры? Между твердой, слабо нагреваемой солнцем земной корой и всей массой землн находнтся пояс расплавленных металлов, так называемый Олнвнновый пояс. Он происходнт от непрерывного *атомного распада* основной массы земли. Эта основная масса представляет шар температуры межпланетного пространства, то есть в нем двести семьдесят три градуса ниже нуля. Продукты распада — Оливиновый пояс — не что иное, как находящиеся в жидком состояннн металлы: оливин, ртуть и золото. И нахождение нх, по многим данным, не так глубоко: от пятнадцати до трех тысяч метров глубнны. Можно в центре Берлина пробить шахту, и расплавленное золото само хлынет, как нефть, из глубины Оливинового пояса...

— Логнчно, заманчиво, но невероятно, — после молчания проговорил Вольф. — Пробить современными орудиямн шахту такой глубнны — невозможно...

47

Хлынов положил руку на развернутый лист «Л'Энтраисижаи».

— Профессор, этот снимок напомиил мие разговор иа аэроплане, когда я летел в Берлин. Задача пробраться к распадающимся элемеитам земного цеитра ие так уже иевероятиа.

— Какое это имеет отиошение к разрезанным фраицузам? — спросил профессор, опять раскуривая сигару.

— Убийство в Вилль Давре совершено тепловым лучом.

При этих словах Вольф придвииулся к столу, холодное лицо его насторожилось.

— Ах, опять эти лучи, — профессор сморщился, как от кислого, — вздор, блеф, утка, запускаемая аиглийским военным министерством.

— Аппарат построеи русским, я знаю этого человека, — сказал Хлынов, — это талантливый изобретатель и крупиый преступинк.

Хлынов рассказал все, что зиал об иижеиере Гариие: об его работах в политехиическом иититуте, о преступлеиии иа Крестовском острове, о странных находках в подвале дачи, о вызове Шельги в Париж и о том, что, видимо, сейчас идет бешеная охота за аппаратом Гарииа.

— Свидетельство налицо, — Хлынов указал иа фотографию, — это работа Гарииа.

Вольф хмуро рассматривал сиимок. Профессор проговорил рассеянио:

— Вы полагаете, что при помощи тепловых лучей можио бурить землю? Хотя... при трехтысячиой температуре расплавятся и глииы и гранит. Очеиь, очеиь любопытно... А иельзя ли куда-нибудь телеграфировать этому Гарниу? Гм... Если соедииить буреиие с искусствеиным охлажденнем и поставить электрические элеваторы для отчерпываиия породы, можио пробраться глубоко... Друг мой, вы меия чертовскн заиитересовали...

До второго часа иочи, сверх обыкновеиия, профессор ходил по вераиде, дымил сигарой и развивал планы, один удивительиее другого.

48

Обычно Вольф, уходя от профессора, прощался с Хлыиовым на площади. На этот раз он пошел рядом с иим, постукивая тростью, опустнв иахмуреиное лицо.

— Ваше миение таково, что инженер Гарии скрылся вместе с аппаратом после истории в Вилль Давре? — спросил ои.

— Да.

— А эта «кровавая иаходка в лесу Фонтенебло» не может оказаться Гарииым?

— Вы хотнте сказать, что Шельга захватил аппарат?..

— Вот именно...

— Мие это ие приходило в голову... Да, это было бы очень иеплохо.

— Я думаю, — подияв голову, иасмешливо сказал Вольф.

Хлыиов быстро взглянул иа собеседика. Оба остаиовились. Издалека фоиарь освещал лнцо Вольфа, — злую усмешку, холодиые глаза, упрямый подбородок. Хлынов сказал:

— Во всяком случае, все это только догадки, иам пока еще незачем ссориться.

— Я поиимаю, поннмаю.

— Вольф, я с вами не хитрю, ио говорю твердо, — иеобходнмо, чтобы аппарат Гарина оказался в СССР. Однним этим желаиием создаю в вас врага. Честное слово, дорогой Вольф, у вас очень смутные поиятия, что вредио и что полезно для вашей родины.

— Вы стараетесь меня оскорбить?

— Фу-ты, черт! Хотя — правда. — Хлынов чисто по-российски, что сразу отметил Вольф, двииул шляпу иа стороиу, почесал за ухом. — Да разве после того, как мы перебили друг у друга миллионов семь человек, можио еще обижаться иа слова?.. Вы — иемец с головы до иог, бронироваииая пехота, пронзводитель машии, у вас и иервы, я думаю, другого состава. Слушайте, Вольф, попади в руки таким, как вы, аппарат Гариа, чего вы только ие иатворите...

— Германия никогда ие примирится с униижеиием.

Оии подошли к дому, где в первом этаже Хлыиов сиимал комиату. Молча простились. Хлыиов ушел в ворота. Вольф стоял, медлеино катая между зубами погасшую сигару. Вдруг окио в первом этаже распахиулось, и Хлынов взволнованно высунулся:

— А... Вы еще здесь?.. Слава богу. Вольф, телеграмма из Парижа, от Шельги... Слушайте: «Преступник ушел. Я ранен, встаиу не скоро. Опасиость величайшая, иеизмернмая грознт мнру, Необходим ваш приезд».

— Я еду с вами, — сказал Вольф.

49

На белой колеблющейся шторе бегалн теии от листвы. Неумолкаемое журчанне слышалось за шторой. Это иа газоне больинчного сада нз переиосиых труб распылялась вода среди радуг, стекала каплямн с листьев платаиа перед окиом.

Шельга дремал в белой высокой комнате, освещениой сквозь штору.

Издалека доиоснлся шум Парижа. Близкими были звуки — шорох деревьев, голоса птиц и одиообразиый плеск воды.

Неподалеку крякал автомобиль или раздавались шаги по коридору. Шельга быстро открывал глаза, остро, тревожно глядел иа дверь. Пошевелиться ои ие мог. Обе рукн его былн оковаиы гипсом, грудь и голова забиитоваиы. Для защиты — один глаза. И сиова сладкие звуки из сада навевалн сои.

Разбудила сестра-кармелитка[1], вся в белом, осторожно полнымн руками поднесла к губам Шельги фарфоровый соусничек с чаем. Когда ушла, остался запах лаванды.

Между сном н тревогой проходил день. Это были седьмые суткн после того, как Шельгу, без чувств, окровавленного, поднялн в лесу Фонтенебло.

Его уже два раза допрашнвал следователь. Шельга дал следующне показания:

— В двенадцатом часу ночн на меня напали двое. Я защищался тростью н кулаками. Получил четыре пулн, больше ннчего не помню.

— Вы хорошо рассмотрели лица нападавших?

— Их лица — вся нижняя часть — былн закрыты платками.

— Вы защнщалнсь также н тростью?

— Просто это был сучок, — я его подобрал в лесу.

— Зачем в такой поздний час вы попали в лес Фонтенебло?

— Гулял, осматривал дворец, пошел обратно лесом, заблудился.

— Чем вы объяснните то обстоятельство, что вблизн места покушення на вас обнаружены свежие следы автомобнля?

— Значнт, преступннкн приехали на автомобиле.

— Чтобы ограбить вас? Или чтобы убить?

— Ни то, ни другое, я думаю. Меня ннкто не знает в Париже. В посольстве я не служу. Политической миссии не выполняю. Денег с собой немного.

— Стало быть, преступники ожндалн не вас, когда стоялн у двойного дуба, на поляне, где один курнл, другой потерял запонку с ценной жемчужиной?

— По всей вероятностн, это были светские молодые людн, пронгравшнеся на скачках или в казнно. Онн нскалн случая поправить дела. В лесу Фонтенебло мог попасться человек, набитый тысячефранковыми бнлетамн.

На втором допросе, когда следователь предъявил копию телеграммы в Берлин Хлынову (переданную следователю сестрой-кармелиткой), Шельга ответнл:

— Это шифр. Дело касается поимки серьезного преступннка, ускользнувшего из России.

— Вы моглн бы говорить со мною более откровенно?

— Нет. Это не моя тайна.

На вопросы Шельга отвечал точно и ясно, глядел в глаза честно и даже глуповато. Следователю оставалось только поверить в его искренность.

Но опасность не мнновала. Опасностью былн пропнтаны столбцы газет, полные подробностямн «кошмарного дела в Внлль Давре», опасность была за дверью, за белой шторой, колеблемой ветром, в фарфоровом соусничке, подноснмом к губам полными рукамн сестры-кармелнтки.

[1] Кармелиты — монашеский орден. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Спасение в одном: как можно скорее снять гипс и повязки. И Шельга весь застыл, без движения, в полудремоте.

50

...В полудремоте ему вспомнилось:

Фонарн потушены. Автомобнль замедлнл ход... В окошко машнны высунулся Гарин и — громким шепотом:

— Шельга, сворачнвайте. Сейчас будет поляна. Там...

Грузно тряхнувшись на шоссейиой канаве, автомобнль прошел между деревьями, повернулся н стал.

Под звездамн лежала нзвилнстая полянка. Смутно в тенн деревьев громоздилнсь скалы.

Мотор выключен. Остро запахло травой. Сонно плескался ручей, над инм вился туманчнк, уходя неясным полотнищем в глубь поляны.

Гарин выпрыгнул на мокрую траву. Протянул руку. Из автомобнля вышла Зоя Монроз в глубоко надвинутой шапочке, подняла голову к звездам. Передернула плечамн.

— Ну, вылезайте же, — резко сказал Гарин.

Тогда из автомобиля, головой вперед, вылез Роллинг. Из-под тени котелка его блестели золотые зубы.

Плескалась, бормотала вода в камнях. Роллинг вытащнл из кармана руку, стиснутую, вндnмо, уже давно в кулак, и заговорил глуховатым голосом:

— Если здесь готовится смертный прнговор, я протестую. Во имя права. Во нмя человечностн... Я протестую как амернканец... Как христианнн... Я предлагаю любой выкуп за жнзнь.

Зоя стояла спиной к нему. Гарин проговорил брезглнво:

— Убнть вас я мог бы и там...

— Выкуп? — быстро спроснл Роллинг.

— Нет.

— Участие в вашнх... — Роллинг мотнул щекамн, — в ваших странных предприятнях?

— Да. Вы должны это помнить... На бульваре Мальзерб... Я говорил вам...

— Хорошо, — ответил Роллинг, — завтра я вас приму... Я должен продумать заново вашн предложення.

Зоя сказала негромко:

— Роллинг, не говорите глупостей.

— Мадемуазель! — Роллинг подскочнл, котелок съехал ему на нос, — мадемуазель... Ваше поведение неслыханно... Предательство... Разврат...

Так же тнхо Зоя ответила:

— Ну вас к черту! Говорнте с Гарнным.

Тогда Роллинг н Гарин отошли к двойному дубу. Там вспыхнул электрнческий фонарнк. Нагнулись две головы. Несколько секунд было слышио только, как плескался ручей в камнях.

— ...Но нас не трое, нас четверо..., здесь есть свидетель, — долетел до Шельги резкий голос Роллинга.

. . . .

— Кто здесь, кто здесь? — сотрясаясь, сквозь дремоту пробормотал Шельга. Зрачки его расширились во весь глаз.

Перед ним на белом стульчике, — со шляпой на коленях, — сидел Хлынов.

51

. . . .

— Не предугадал хода... Думать времени не было, — рассказывал ему Шельга, — сыграл такого дурака, что — ну.

— Ваша ошибка в том, что вы взяли в автомобиль Роллинга, — сказал Хлынов.

— Какой черт я взял... Когда в гостинице началась пальба и резня, Роллинг сидел, как крыса, в автомобиле, — ощетинился двумя кольтами. Со мною оружия не было. Я влез на балкон и видел, как Гарин расправился с бандитами... Сообщил об этом Роллингу... Он струсил, зашипел, наотрез отказался выходить из машины... Потом он пытался стрелять в Зою Монроз. Но мы с Гариным свернули ему руки... Долго возиться было некогда, я вскочил за руль — и ходу...

— Когда вы были уже на полянке и они совещались около дуба, неужели вы не поняли?..

— Понял, что мое дело — ящик. А что было делать? Бежать? Ну, знаете, я все-таки спортсмен... К тому же у меня и план был весь разработан... В кармане фальшивый паспорт для Гарина, с десятью визами... Аппарат его, — рукой взять, — в автомобиле... При таких обстоятельствах мог я о шкуре своей очень-то думать?..

— Ну, хорошо... Они сговорились...

— Роллинг подписал какую-то бумажку там, под деревом, — я хорошо видел. После этого — слышу — он сказал насчет четвертого свидетеля, то есть меня. Я вполголоса говорю Зое: «Слушайте-ка, давеча мы проехали мимо полисмена, он заметил номер машины. Если меня сейчас убьют, к утру вы все трое будете в стальных наручниках». Знаете, что она мне ответила? Вот женщина!.. Через плечо, не глядя: «Хорошо, я приму это к сведению». А до чего красива!.. Бесовка! Ну, ладно. Гарин и Роллинг вернулись к машине. Я — как ни в чем не бывало... Первая села Зоя. Высунулась и что-то проговорила по-английски. Гарин — мне: «Товарищ Шельга, теперь — валяйте: полный ход по шоссе на запад». Я присел перед радиатором... Вот где моя ошибка. У них только и была эта одна минута... Когда машина на ходу, они бы со мной ничего не сделали, побоялись... Хорошо, — завожу машину... Вдруг, в темя, в мозг — будто дом на голову рухнул, хряснули кости, ударило, обожгло светом, опрокинуло навзничь... Видел только — мелькнула перекошенная морда Роллинга. Сукин сын! Четыре пули в меня запустил... Потом, я открываю глаза, вот эта комната.

Шельга утомился, рассказывая. Долго молчали. Хлынов спросил:

— Где может быть сейчас Роллинг?

— Как где? Конечно, в Париже. Ворочает прессой. У него сейчас большое наступление на химическом фронте. Деньги лопатой загребает. В том-то все и дело, что я с минуты на минуту жду пулю в окно или яд в соуснике. Он меня все-таки пришьет, конечно...

— Что же вы молчите?.. Немедленно нужно дать знать шефу полиции.

— Товарищ дорогой, вы с ума сошли! Я и жив-то до сих пор только потому, что молчу.

52

— Итак, Шельга, вы своими глазами видели действие аппарата?

— Видел и теперь знаю: пушки, газы, аэропланы — все это детская забава. Вы не забывайте, тут не один Гарин... Гарин и Роллинг. Смертоносная машина и миллиарды. Всего можно ждать.

Хлынов поднял штору и долго стоял у окна, глядя на изумрудную зелень, на старого садовника, с трудом перетаскивающего металлические суставчатые трубы в теневую сторону сада, на черных дроздов, — они деловито и озабоченно бегали под кустами вербены, вытаскивали из чернозема дождевых червяков. Небо, синее и прелестное, вечным покоем расстилалось над садом.

— А то предоставить их самим себе, пусть развернутся во всем великолепии — Роллинг и Гарин, и конец будет ближе, — проговорил Хлынов. — Этот мир погибнет неминуемо... Здесь одни дрозды живут разумно. — Хлынов отвернулся от окна. — Человек каменного века был значительнее, несомненно... Бесплатно, только из внутренней потребности, разрисовывал пещеры, думал, сидя у огня, о мамонтах, о грозах, о странном вращении жизни и смерти и о самом себе. Черт знает, как это было почтенно!.. Мозг еще маленький, череп толстый, но духовная энергия молниями лучилась из его головы... А эти, нынешние, на кой черт им летательные машины? Посадить бы какого-нибудь франта с бульвара в пещеру напротив палеолитического человека. Тот бы, волосатый дядя, его спросил: «Рассказывай, сын больной суки, до чего ты додумался за эти сто тысяч лет?..» — «Ах, ах, — завертелся бы франт, — я, знаете ли, не столько думаю, сколько наслаждаюсь плодами цивилизации, господин пращур... Если бы не опасность революций со стороны черни, то наш мир был бы поистине прекрасен. Женщины, рестораны, немножко волнения за картами в казино, немножко спорта... Но, вот беда, — эти постоянные кризисы и революции — это становится утомительным...» — «Ух ты, — сказал бы на это пращур, впиваясь в франта горящими глазами, — а мне вот нравится ду-у-у-умать, я вот сижу и уважаю мой гениальный мозг... Мне бы хотелось проткнуть им вселенную...»

Хлыиов замолчал. Усмехаясь, всматрнвался в сумрак палеолнтической пещеры. Тряхнул головой:

— Чего добнваются Гарии н Роллииг? Щекотки. Пусть оии ее называют властью над миром. Все же это ие больше, чем щекотка. В прошлую войну погибло тридцать миллиоиов. Оии постараются убить триста. Духовная эиергия в глубочайшем обмороке. Профессор Рейхер обедает только по воскресеиьям. В остальиые дии он кушает два бутерброда с повидлой и с маргарином — иа завтрак н отварной картофель с солью — к обеду. Такова плата за мозговой труд... И так будет, покуда мы ие взорвем всю эту ихнюю «цивилизацию», Гарииа посадим в сумасшедшнй дом, а Роллиига отправнм завхозом куда-инбудь иа остров Враигеля... Вы правы, иужио бороться... Что же, — я готов. Аппаратом Гарниа должеи владеть СССР...

— Аппарат будет у нас, — закрыв глаза, проговорнл Шельга.

— С какого конца прнступить к делу?

— С разведки, как полагается.

— В каком иаправлении?

— Гарии сейчас, по всей вероятиости, бешеиым ходом строит аппараты. В Вилль Давре у иего была только модель. Если он успеет построить боевой аппарат, — тогда его взять будет очень трудио. Первое, — иужно узнать, где ои строит аппараты.

— Поиадобятся деиьги.

— Поезжайте сегодня же на улицу Гренелль, переговорите с нашим послом, я его кое о чем уже осведомил. Деиьги будут. Теперь второе, — нужио разыскать Зою Монроз. Это очеиь важио. Это баба умная, жестокая, с большой фаитазией. Оиа Гариина и Роллиига связала иасмерть. В ией вся пружина их махииацнн.

— Простите, бороться с жеищинами отказываюсь.

— Алексей Семеиович, она посильнее нас с вамн... Она еще много крови прольет.

53

Зоя вышла нз круглой и низкой ваииы, подставила спину, — горинчная иакниула иа иее мохиатый халат. Зоя, вся еще покрытая пузырьками морской воды, села иа мрамориую скамью.

Сквозь иллюминаторы скользили текучие отблески солица, зелеиоватый свет играл иа мраморных стеиах, ваниая комиата слегка покачивалась. Гориичная осторожио вытирала, как драгоцеиность, иоги Зои, иатяиула чулки и белые туфли.

— Белье, мадам.

Зоя леннво подиялась, иа иее иадели почти не существующее белье. Оиа глядела мимо зеркала, заломив бровн. Ее одели в белую юбку н белый, морского покроя, пиджачок с золотыми пуговицами, — как это и полагалось для владелицы трехсоттоииой яхты в Средиземиом море.

— Грнм, мадам?

— Вы с ума сошлн, — ответила Зоя, медлеино взгляиула на горнйчную н пошла иаверх, иа палубу, где с теиевой стороиы на низком камышовом столике был иакрыт завтрак.

Зоя села у стола. Разломнла кусочек хлеба н загляделась. Белый узкнй корпус моториой яхты скользил по зеркальной воде, — море было ясио-голубое, немного темиее безоблачиого иеба. Пахло свежестью чисто вымытой палубы. Подувал теплый ветерок, лаская иогн под платьем.

На слегка выгиутой, нз узких досок, точио замшевой палубе стоялн у бортов плетеиые кресла, посредине лежал серебристый анатолнйский ковер с разбросанными парчовыми подушкамн. От капитанского мостнка до кормы натянут теит из синего шелка с бахромой и кистями.

Зоя вздохнула и иачала завтракать.

Мягко ступая, улыбаясь, подошел капитаи Янсеи, норвежец, — выбрнтый, румяиый, похожий на взрослого ребеика. Нетороплнво прнложнл два пальца к фуражке, надвннутой глубоко иа одно ухо.

— С добрым утром, мадам Ламоль. (Зоя плавала под этнм именем н под фраицузскнм флагом.)

Капнтан был весь белоснежиый, выглаженный, — косолапо, по-морски, изящиый. Зоя огляиула его от золотых дубовых листьев на козырьке фуражки до белых туфель с веревочиымн подошвами. Осталась удовлетвореиа.

— Доброе утро, Яисеи.

— Имею честь доложнть, курс — иорд-вест-вест, широта и долгота (такие-то), иа горизоите курится Везувнй. Неаполь покажется меиьше чем через час.

— Садитесь, Яисеи.

Движеиием руки оиа пригласила его прниять участие в завтраке. Янсен сел иа заскрипевшую под сильным его телом камышовую баикетку. От завтрака отказался, — ои уже ел в девять утра. Из вежливостн взял чашечку кофе.

Зоя рассматривала его загорелое лицо со светлыми ресиицами, — оио поиемиогу залилось краской. Не отхлебиув, он поставил чашечку иа скатерть.

— Нужио переменнть пресную воду и взять беизин для моторов, — сказал он, ие подиимая глаз.

— Как, заходить в Неаполь? Какая тоска! Мы встанем иа внешием рейде, если вам так уже иужны вода и беизии.

— Есть встать иа виешнем рейде, — тихо проговорил капитаи.

— Яисеи, ваши предки былн морскнми пнратамн?

— Да, мадам.

— Как это было иитересно! Приключеиия, опасиости, отчаяииые кутежи, похищение красивых жеищин... Вам жалко, что вы не морской пират?

Янсен молчал. Рыжие ресиицы его моргали. По лбу пошли складки.

— Ну?

— Я получил хорошее воспитаиие, мадам.

— Верю.

— Разве что-ннбудь во мие дает повод думать, что я способен иа противозаконные н нелояльные поступкн?

— Фу, — сказала Зоя, — такой снльный, смелый, отличный человек, потомок пиратов — н все это, чтобы возить вздориую бабу по теплой скучной луже. Фу!

— Но мадам...

— Устройте какую-инбудь глупость, Янсеи. Мне скучно...

— Есть устронть глупость.

— Когда будет страшиая буря, посадите яхту на камень.

— Есть посадить яхту иа камни...

— Вы серьезно это намереиы сделать?

— Если вы прнказываете...

Он взглянул на Зою. В глазах его былн обида и сдержнваемое восхищенне. Зоя потяиулась н положила руку ему иа белый рукав:

— Я не шучу с вамн, Яисен. Я знаю вас всего три недели, но мне кажется, что вы из тех, кто может быть предаи (у него сжались челюстн). Мие кажется, вы способиы на поступкн, выходящие из пределов лояльиостн, еслн, если...

В это время иа лакированной, сверкающей броизою лестинце с капитаиского мостнка показались сбегающне ногн. Яисен сказал поспешио:

— Время, мадам...

Винз сошел помощннк капитана. Отдал честь:

— Мадам Ламоль, без трех мннут двенадцать, сейчас будут вызывать по радио...

54

Ветер паруснл белую юбку. Зоя поднялась иа верхнюю палубу к рубке раднотелеграфа. Прнщурясь, вдохнула солеиый воздух. Сверху, с капнтаиского мостика, необъятным казался солнечный свет, падающнй на стекляиио-рябое море.

Зоя глядела н загляделась, взявшнсь за перила. Узкий корпус яхты с приподнятым бушпрнтом летел средн ветерков в этом водянистом свете.

Сердце билось от счастья. Казалось, оторвн руки от перил, н полетишь. Чудесиое созданне — человек. Какими числамн нзмернть иеожнданности его превращеннй? Злые излучеиия воли, текучий яд вожделеннй, душа, казалось, разбитая в осколкн, — все мучнтельиое темиое прошлое Зон отодвинулось, растворилось в этом солиечном свете...

«Я молода, молода, — так казалось ей иа палубе корабля, с поднятым к солнцу бушпрнтом, — я краснва, я добра».

Ветер ласкал шею, лицо. Зоя восторженио желала счастья себе. Все еще не в снлах оторваться от света, неба, моря, оиа повериула холодную ручку дверцы, вошла в хрустальную будку, где с солнечной стороны былн задернуты шторкн. Взяла слуховые трубки. Положнла локти на стол, прнкрыла глаза пальцами, — сердцу все еще было горячо. Зоя сказала помощннку капитана:

— Идите.

Он вышел, покосившись на мадам Ламоль. Мало того, что она была чертовски красива, стройна, тоика, «шнкарна», — от нее неизъясннмое волненне.

55

Двойные удары хронометра, как склянки, прозвоиилн двеиадцать. Зоя улыбиулась, — прошло всего три минуты с тех пор, как она поднялась с кресла под тентом.

«Нужио научнться чувствовать, раздвигать каждую минуту в вечность, — подумалось ей, — знать: впередн миллиоиы мниут, мнллноны вечностей».

Оиа положила пальцы иа рычажок н, пододвинув его влево, настронла аппарат иа волиу сто трндцать семь с половиной метров. Тогда из черной пустоты трубкн раздался медлеииый и жесткнй голос Роллннга:

— ...Мадам Ламоль, мадам Ламоль, мадам Ламоль... Слушайте, слушайте, слушайте...

— Да слушаю я, успокойся, — прошептала Зоя.

— ...Все ли у вас благополучно? Не терпите лн бедствия? В чем-либо недостатка? Сегодня в тот же час, как обычно, буду счастлив слышать ваш голос... Волну посылайте той же длнны, как обычно... Мадам Ламоль, не удаляйтесь слншком далеко от десяти градусов восточной долготы, сорока градусов северной шнроты. Не исключеиа возможность скорой встречи. У иас все в порядке. Дела блестящи. Тот, кому иужно молчать, молчнт. Будьте спокойны, счастливы, — безоблачный путь...

Зоя сияла иаушиые трубки. Морщина прорезала ее лоб. Глядя иа стрелку хроиометра, оиа проговорнла сквозь зубы: «Надоело!» Этн ежедневные раднопризиаиня в любви ужасно сердили ее. Роллинг ие может, не хочет оставить ее в покое... Пойдет на какое угодио преступлеиие в конце коицов, только бы позволила ему каждый день хрнпеть в микрофои: «...Будьте спокойны, счастлнвы, — безоблачиый путь».

56

После убнйств в Вилль Давре и Фоитеиебло и затем бешеной езды с Гариным по залнтым луииым светом пустынным шоссейным дорогам в Гавр Зоя и Роллинг больше ие встречались. Он стрелял в нее в ту иочь, пытался оскорбить н затих. Кажется, он даже молча плакал тогда, согиувшись в автомобнле.

В Гавре оиа села на его яхту «Аризоиа» и иа рассвете вышла в Бискайскнй залнв. В Лнссабоне Зоя получнла документы н бумаги на имя мадам Ламоль — она становнлась владелицей одной нз самых роскошных на Западе яхт. Из Лнссабоиа пошлн в Среднземное море, и там «Аризона» крейсировала у берегов Италин, держась десятн градусов восточной долготы, сорока градусов севериой широты.

Немедленно была установлена связь между яхтой и частной радиостанцией Роллинга в Медоне под Парижем. Капитан Янсен докладывал Роллингу обо всех подробностях путешествия. Роллинг ежедневно вызывал Зою. Она каждый вечер докладывала ему о своих «настроениях». В этом однообразии прошло дней десять, и вот аппараты «Аризоны», щупавшие пространство, приняли короткие волны на непонятном языке. Дали знать Зое, и она услыхала голос, от которого остановилось сердце.

— ...Зоя, Зоя, Зоя, Зоя...

Точно огромная муха о стекло, звенел в наушниках голос Гарина. Он повторял ее имя и затем через некоторые промежутки:

— ...Отвечай от часа до трех ночи...

И опять:

— ...Зоя, Зоя, Зоя... Будь осторожна, будь осторожна...

В ту же ночь над темным морем, над спящей Европой, над древними пепелищами Малой Азии, над равнинами Африки, покрытыми иглами и пылью высохших растений, полетели волны женского голоса:

— ...Тому, кто велел отвечать от часа до трех...

Этот вызов Зоя повторяла много раз. Затем говорила:

— ...Хочу тебя видеть. Пусть это неразумно. Назначь любой из итальянских портов... По имени меня не вызывай, узнаю тебя по голосу...

В ту же ночь, в ту самую минуту, когда Зоя упрямо повторяла вызов, надеясь, что Гарин где-то, — в Европе, Азии, Африке, — нащупает волны электромагнитов «Аризоны», за две тысячи километров, в Париже, на ночном столике у двухспальной кровати, где одиноко, уткнув нос в одеяло, спал Роллинг, затрещал телефонный звонок.

Роллинг, подскочив, схватил трубку. Голос Семенова поспешно проговорил:

— Роллинг. Она разговаривает.

— С кем?

— Плохо слышно, по имени не называет.

— Хорошо, продолжайте слушать. Отчет завтра.

Роллинг положил трубку, снова лег, но сон уже отошел от него.

Задача была нелегка: среди несущихся ураганом над Европой фокстротов, рекламных воплей, церковных хоралов, отчетов о международной политике, опер, симфоний, биржевых бюллетеней, шуточек знаменитых юмористов— уловить слабый голос Зои.

День и ночь для этого в Медоне сидел Семенов. Ему удалось перехватить несколько фраз, сказанных голосом Зои. Но и этого было достаточно, чтобы разжечь ревнивое воображение Роллинга.

Роллинг чувствовал себя отвратительно после ночи в Фонтенебло. Шельга остался жив — висел над головой страшной угрозой. С Гариным, которого Роллинг с наслаждением повесил бы на сучке, как негра, был подписан договор. Быть может, Роллинг и заупрямился бы тогда, — лучше смерть, эшафот, чем союз, — но волю его сокрушала Зоя. Договариваясь с Гариным, он выигрывал время, и, быть может, сумасшедшая женщина опомнится, раскается, вернется... Роллинг действительно плакал в автомобиле, зажмурясь, молча... Это было черт знает что... Из-за распутной, продажной бабы... Но слезы были солоны и мучительны... Одним из условий договора он поставил длительное путешествие Зои на яхте. (Это было необходимо, чтобы замести следы.) Он надеялся убедить, усовестить, увлечь ее ежедневными беседами по радио. Эта надежда была, пожалуй, глупее слез в автомобиле.

По условию с Гариным Роллинг немедленно начинал «всеобщее наступление на химическом фронте». В тот день, когда Зоя села в Гавре на «Аризону», Роллинг поездом вернулся в Париж. Он известил полицию о том, что был в Гавре и на обратном пути, ночью, подвергся нападению бандитов (трое, с лицами, обвязанными платками). Они отобрали у него деньги и автомобиль. (Гарин в это время, — как было условлено, — пересек с запада на восток Францию, проскочил границу в Люксембурге и в первом попавшемся канале утопил автомобиль Роллинга.)

«Наступление на химическом фронте» началось. Парижские газеты начали грандиозный переполох. «Загадочная трагедия в Вилль Даврe», «Таинственное нападение на русского в парке Фонтенебло», «Наглое ограбление химического короля», «Американские миллиарды в Европе», «Гибель национальной германской индустрии», «Роллинг или Москва» — все это умно и ловко было запутано в один клубок, который, разумеется, застрял в горле у обывателя — держателя ценностей. Биржа тряслась до основания. Между серых колонн ее, у черных досок, где истерические руки писали, стирали, писали меловые цифры падающих бумаг, метались, орали обезумевшие люди с глазами, готовыми лопнуть, с губами в коричневой пене.

Но это гибла плотва, — все это были шуточки. Крупные промышленники и банки, стиснув зубы, держались за пакеты акций. Их нелегко было повалить даже рогами Роллинга. Для этой наиболее серьезной операции и подготовлялся удар со стороны Гарина.

Гарин «бешеным ходом», как верно угадал Шельга, строил в Германии аппарат по своей модели. Он разъезжал из города в город, заказывая заводам различные части. Для сношения с Парижем пользовался отделом частных объявлений в кельнской газете. Роллинг, в свою очередь, помещал в одной из бульварных парижских газет две-три строчки: «Все внимание сосредоточьте на анилине...», «Дорог каждый день, не жалейте денег...» и так далее.

Гарин отвечал: «Окончу скорее, чем предполагал...», «Место найдено...», «Приступаю...». «Непредвиденная задержка...»

Роллинг: «Тревожусь, назначьте день...»

Гарин ответил: «Отсчитайте тридцать пять со дня подписания договора...»

Приблизительно с этим его сообщением

совпала ночная телефонограмма Роллнигу от Семенова. Роллинг пришел в ярость, — его водили за нос. Тайные сношения с «Аризоной», помимо всего, были опасны. Но Роллинг не выдал себя ни словом, когда на следующий день говорил с мадам Ламоль.

Теперь, в часы бессонниц, Роллинг стал «продумывать» заново свою «партию» со смертельным врагом. Он нашел ошибки. Гарин оказывался не так уж хорошо защищен. Ошибкой его было согласие на путешествие Зои, — конец партии для него предрешен. Мат будет сказан на борту «Аризоны».

57

Но на борту «Аризоны» происходило не совсем то, о чем думал Роллинг. Он помнил Зою умной, спокойно-расчетливой, холодной, преданной. Он знал, с какой брезгливостью она относилась к женским слабостям. Он не мог допустить, чтобы долго могло длиться ее увлечение этим нищим бродягой, бандитом Гариным. Хорошая прогулка по Средиземному морю должна прояснить ее ум.

Зоя действительно была как в бреду, когда в Гавре села на яхту. Несколько дней одиночества среди океана успокоили ее. Она пробуждалась, жила и засыпала среди синего света, блеска воды, под спокойный, как вечность, шум волн. Содрогаясь от омерзения, она вспоминала грязную комнату и оскалившийся, стекляннoглазый труп Ленуара, закипевшую дымную полосу поперек груди Утиного Носа, сырую поляну в Фонтенебло и неожиданные выстрелы Роллинга, точно он убивал бешеную собаку...

Но все же ум ее не прояснялся, как надеялся Роллинг. Наяву и во сне чудились какие-то дивные острова, мраморные дворцы, уходящие лестницами в океан... Толпы красивых людей, музыка, вьющиеся флаги... И она — повелительница этого фантастического мира...

Сны и видения в кресле под синим тентом были продолжением разговора с Гариным в Вилль Давре (за час до убийства). Один на свете человек, Гарин, понял бы ее сейчас. Но с ним были связаны и стеклянные глаза Ленуара, и разинутый страшный рот Гастона Утиный Нос.

Вот почему у Зои остановилось сердце, когда неожиданно в трубку радио забормотал голос Гарина... С тех пор она ежедневно звала его, умоляла, грозила. Она хотела видеть его и боялась. Он чудился ей черным пятном в лазурной чистоте моря и неба... Ей нужно было рассказать ему о снах наяву. Спросить, где же его Оливиновый пояс? Зоя металась по яхте, лишая капитана Янсена и его помощника присутствия духа.

Гарин отвечал:

«...Жди. Будет все, что ты захочешь. Только умей хотеть. Желай, сходи с ума — это хорошо. Ты мне нужна такой. Без тебя мое дело мертвое».

Таково было его последнее радио, точно так же перехваченное Роллингом. Сегодня Зоя ждала ответа на запрос, — в какой точно день его нужно ждать на яхте? Она вышла на палубу и облокотилась о перила. Яхта едва двигалась. Ветер затих. На востоке поднимались испарения еще невидимой земли, и стоял пепельный столб дыма над Везувием.

На мостике капитан Янсен опустил руку с биноклем, и Зоя чувствовала, что он, как зачарованный, смотрит на нее. Да и как было ему не смотреть, когда все чудеса неба и воды были сотворены только затем, чтобы ими любовалась мадам Ламоль, — у перил над молочно-лазурной бездной.

Невероятным, смешным казалось время, когда за дюжину шелковых чулок, за платье от большого дома, просто за тысячу франков Зоя позволяла слюнявить себя молодчикам с коротенькими пальцами и сизыми щеками... Фу!.. Париж, кабаки, глупые девки, гнусные мужчины, уличная вонь, деньги, деньги, деньги, — какое убожество... Возня в зловонной яме!..

Гарин сказал в ту ночь: «Захотите — и будете наместницей бога или черта, что вам больше по вкусу. Вам захочется уничтожать людей, — иногда в этом бывает потребность, — ваша власть надо всем человечеством... Такая женщина, как вы, найдет применение сокровищам Оливинового пояса...»

Зоя думала:

«Римские императоры обожествляли себя. Наверно, им это доставляло удовольствие. В наше время это тоже не плохое развлечение. На что-нибудь должны пригодиться людишки. Воплощение бога, живая богиня среди фантастического великолепия... Отчего же, — пресса могла бы подготовить мое обожествление легко и быстро. Миром правит сказочно прекрасная женщина. Это имело бы несомненный успех. Построить где-нибудь на островах великолепный город для избранных юношей, предполагаемых любовников богини. Появляться, как богиня, среди этих голодных мальчишек, — недурные эмоции».

Зоя пожала плечиком и снова посмотрела на капитана:

— Подите сюда, Янсен.

Он подошел, мягко и широко ступая по горячей палубе.

— Янсен, вы не думаете, что я сумасшедшая?

— Я не думаю этого, мадам Ламоль, и не подумаю, что бы вы мне ни приказали.

— Благодарю. Я вас назначаю командором ордена божественной Зои.

Янсен моргнул светлыми ресницами. Затем взял под козырек. Опустил руку и еще раз моргнул. Зоя засмеялась, и его губы поползли в улыбку.

— Янсен, есть возможность осуществить самые несбыточные желания... Все, что может придумать женщина в такой знойный полдень... Но нужно будет бороться...

— Есть бороться, — коротко ответил Янсен.

— Сколько узлов делает «Аризона»?

— До сорока.

— Какие суда могут иагиать ее в открытом море?

— Очеиь иемиогие...

— Быть может, иам придется выдержать длительиую погоию.

— Прикажете взять полиый запас жидкого топлива?

— Да. Консервов, пресиой воды, шампаиского... Капитаи Яисеи, мы идем иа очеиь опасиое предприятие.

— Есть идти иа опасиое предприятие.

— Но, слышите, я увереиа в победе...

Скляики пробили половиич первого... Зоя вошла в радиотелефоииую рубку. Села к аппарату. Оиа потрогала рычажок радиоприемиика. Откуда-то поймались иесколько тактов фокстрота.

Сдвииув брови, оиа глядела иа хроиометр. Гарии молчал. Оиа сиова стала двигать рычажок, сдерживая дрожь пальцев.

...Незиакомый, медлеииый голос по-русски проговорил в самое ухо:

«...Если вам дорога жизнь... в пятиицу высадитесь в Неаполе... в гостииице «Сплеидид» ждите известий до полудия субботы».

Это был коиец какой-то фразы, отправлеииой иа длиие волиы четыреста двадцать одии, то есть стаиции, которой все это время пользовался Гарии.

58

Третью иочь подряд в комиате, где лежал Шельга, забывали закрывать ставии. Каждый раз ои иапомииал об этом сестре-кармелитке. Ои виимательио смотрел за тем, чтобы задвижка, соедиияющая половиики створчатых ставеи, была защелкиута как следует.

За эти три иедели Шельга иастолько поправился, что вставал с койки и пересаживался к окиу, поближе к пышиолистым ветвям платаиа, к чериым дроздам и радугам над водяиой пылью среди газоиа.

Отсюда был видеи весь больиичный садик, обиесеииый камеииой глухой стеной. В восемиадцатом веке это место прииадлежало моиастырю, уиичтожеииому революцией. Моиахи не любят любопытных глаз. Стена была высока, и по всему гребию ее поблескивали осколки битого стекла.

Перелезть через стеиу можио было, лишь подставив с той стороиы лестницу. Улички, граиичившие с больиицей, были тихие и пустыииые, все же фоиари там горели иастолько ярко и так часто слышались в тишиие за стеиой шаги полицейских, что вопрос о лестиице отпадал.

Разумеется, ие будь битого стекла иа стеие, ловкий человек перемахнул бы и без лестиицы. Каждое утро Шельга из-за шторы осматривал всю стеиу до последиего камешка. Опасиость грозила только с этой стороиы. Человек, послаииый Роллиигом, вряд ли рискнул бы появиться изиутри гостииицы. Но что убийца так или ииаче появится, Шельга ие сомневался.

Ои ждал теперь осмотра врача, чтобы выписаться. Об этом было известио. Врач приезжал обычио пять раз в иеделю. На этот раз оказалось, что врач заболел. Шельге заявили, что без осмотра старшего врача его ие выпишут. Протестовать ои даже и не пытался. Ои дал зиать в советское посольство, чтобы оттуда ему доставляли еду. Больиичный суп ои выливал в раковиич, хлеб бросал дроздам.

Шельга зиал, что Роллииг должеи избавиться от едииствеииого свидетеля. Шельга теперь почти ие спал, — так велико было возбуждеиие. Сестра-кармелитка прииосила ему газеты, — весь день ои работал иожиицами и изучал вырезки. Хлыиову ои запретил приходить в больиицу. (Вольф был в Германии, иа Рейие, где собирал сведения о борьбе Роллиига с Гермаиской аиилииовой компаиией.)

Утром, подойдя, как обычио, к окиу, Шельга оглядел сад и сейчас же отступил за заиавес. Ему стало даже весело. Накоиец-то! В саду, с севериой стороиы, полускрытая липой, к стеие была прислоиеиа лестиица садовиика, верхиий коиец ее торчал иа пол-аршииа иад осколками стекла.

Шельга сказал:

— Ловко, сволочи!

Оставалось только ждать. Все было уже обдумаио. Правая рука его, хотя и свободиая от биитов, была еще слаба. Левая — в лубках и в гипсе, — сестра крепко прибиитовала ее к груди. Рука с гипсом весила ие меиьше пятиадцати фуитов. Это было едииствеииое оружие, которым ои мог защищаться.

На четвертую иочь сестра опять забыла закрыть ставии. Шельга иа этот раз ие протестовал и с девяти часов притворился спящим. Ои слышал, как хлопали в обоих этажах ставии. Его окио опять осталось открытым иастежь. Когда погас свет, ои соскочил с койки и правой слабой рукой и зубами стал распутывать повязку, державшую левую руку.

Ои остаиавливался, ие дыша вслушивался. Накоиец рука повисла свободио. Ои мог разогиуть ее до половииы. Выгляиул в сад, освещеииый уличиым фоиарем, — лестиица стояла иа прежием месте за липой. Ои скатал одеяло, суиул под простыию, в полутьме казалось, что иа койке лежит человек.

За окиом было тихо, только падали капли. Лиловатое зарево трепетало в тучах над Парижем. Сюда ие долетали шумы с бульваров. Неподвижио висела чериая ветвь платаиа.

Где-то заворчал автомобиль. Шельга иасторожился, — казалось, ои слышит, как бьется сердце у птицы, спящей иа платаиовой ветке. Прошло, должио быть, миого времени. В саду иачалось поскрипываиие и шуршаиие, точио деревом терли по известке.

Шельга отступил к стеие за штору. Опустил гипсовую руку. «Кто? Нет, кто? — подумал ои. — Неужели сам Роллииг?»

Зашелестели листья,—встревожился дрозд. Шельга глядел иа тускло освещеиный из окиа паркет, где должиа появиться теиь человека.

«Стрелять ие будет, — подумал ои, — иадо ждать какой-иибудь дряиии, вроде фосгеиа...» На паркете стала подииматься теиь головы в глубоко иадвииутой шляпе. Шельга

стал отводить руку, чтобы сильнее был удар. Тень выдвинулась по плечи, подняла растопыренные пальцы.

— Шельга, товарищ Шельга, — прошептала тень по-русски, — это я, не бойтесь...

Шельга ожидал всего, но только не этих слов, не этого голоса. Невольно он вскрикнул. Выдал себя, и тот человек тотчас одним прыжком перескочил через подоконник. Протянул для защиты обе руки. Это был Гарин.

— Вы ожидали нападения, я так и думал, — торопливо сказал он, — сегодня в ночь вас должны убить. Мне это невыгодно. Я рискую черт знает чем, я должен вас спасти. Идем, у меня автомобиль.

Шельга отделился от стены.

Гарин весело блеснул зубами, увидев все еще отведенную гипсовую руку.

— Слушайте, Шельга, ей-богу, я не виноват. Помните наш уговор в Ленинграде? Я играю честно. Неприятностью в Фонтенебло вы обязаны исключительно этой сволочи Роллингу. Можете верить мне, — идем, дороги секунды...

Шельга проговорил, наконец:

— Ладно, вы меня увезете, а потом что?

— Я вас спрячу... На небольшое время, не бойтесь. Покуда не получу от Роллинга половины... Вы газеты читаете? Роллингу везет как утопленнику, но он не может честно играть. Сколько вам нужно, Шельга? Говорите первую цифру. Десять, двадцать, пятьдесят миллионов? Я выдам расписку...

Гарин говорил негромко, торопливо, как в бреду, — лицо его все дрожало.

— Не будьте дураком, Шельга. Вы что, принципиальный, что ли? Я предлагаю работать вместе против Роллинга... Ну... Едем...

Шельга упрямо мотнул головой:

— Не хочу. Не поеду.

— Все равно — вас убьют.

— Посмотрим.

— Сиделки, сторожа, администрация, — все куплено Роллингом. Вас задушат. Я знаю... Сегодняшней ночи вам не пережить... Вы предупредили ваше посольство? Хорошо, хорошо... Посол потребует объяснений. Французское правительство в крайнем случае извинится... Но вам от этого не легче. Роллингу нужно убрать свидетеля... Он не допустит, чтобы вы перешагнули ворота советского посольства...

— Сказал — не поеду... Не хочу...

Гарин вздохнул. Оглянулся на окно.

— Хорошо. Тогда я вас возьму и без вашего желания. — Он отступил на шаг, сунул руку в пальто.

— То есть как это — без моего желания?

— А вот так...

Гарин, рванув из кармана, вытащил маску с коротким цилиндром противогаза, поспешно приложил ее ко рту, и Шельга не успел крикнуть, — в лицо ему ударила струя маслянистой жидкости... Мелькнула только рука Гарина, сжимающая резиновую грушу... Шельга захлебнулся душистым, сладким дурманом...

— Есть новости?

— Да. Здравствуйте, Вольф.

— Я прямо с вокзала, голоден, как в восемнадцатом году.

— У вас веселый вид, Вольф. Много узнали?

— Кое-что узнал... Будем говорить здесь?

— Хорошо, но только быстро.

Вольф сел рядом с Хлыновым на гранитную скамью у подножия конного памятника Генриху IV, спиной к черным башням Консьержери. Внизу, там, где остров Сите кончался острым мысом, наклонилась к воде плакучая ветла. Здесь некогда корчились на кострах рыцари ордена Тамплиеров. Вдали, за десятками мостов, отраженных в реке, садилось солнце в пыльно-оранжевое сияние. На набережных, на железных баржах с песком сидели с удочками французы, добрые буржуа, разоренные инфляцией, Роллингом и мировой войной. На левом берегу, на гранитном парапете набережной, далеко, до самого министерства иностранных дел, скучали под вечерним солнцем букинисты у никому уже больше в этом городе не нужных книг.

Здесь доживал век старый Париж. Еще бродили около книг на набережной, около клеток с птицами, около унылых рыболовов пожилые личности со склерозными глазами, усами, закрывающими рот, в разлетайках, в старых соломенных шляпах... Когда-то это был их город... Вон там, черт возьми, в Консьержери ревел Дантон, точно бык, которого волокут на бойню. Вон там, направо, за графитовыми крышами Лувра, где в мареве стоят сады Тюильри, — там были жаркие дела, когда вдоль улицы Риволи визжала картечь генерала Галифе. Ах, сколько золота было у Франции! Каждый камень здесь, — если уметь слушать, — расскажет о великом прошлом. И вот, — сам черт не поймет, — хозяином в этом городе оказался заморское чудовище, Роллинг, — теперь только и остается доброму буржуа закинуть удочку и сидеть с опущенной головой... Э-хе-хе! О-ля-ля!..

Раскурив крепкий табак в трубке, Вольф сказал:

— Дело обстоит так. Германская Анилиновая компания — единственная, которая не идет ни на какие соглашения с американцами. Компания получила двадцать восемь миллионов марок государственной субсидии. Сейчас все усилия Роллинга направлены на то, чтобы повалить германский анилин.

— Он играет на понижение? — спросил Хлынов.

— Продает на двадцать восьмое этого месяца анилиновые акции на колоссальные суммы.

— Но это очень важные сведения, Вольф.

— Да, мы попали на след. Роллинг, видимо, уверен в игре, хотя акции не упали ни на пфенниг, а сегодня уже двадцатое... Вы понимаете, на что единственно он может рассчитывать?

— Стало быть, у них все готово?

— Я думаю, что аппарат уже установлеи.

— Где иаходятся заводы Аиилиновой компаннн?

— На Рейне, около Н. Еслн Роллинг свалит аинлни, он будет хозяином всей европейской промышленностн. Мы не должны допустить до катастрофы. Наш долг спастн германскнй анилнн. (Хлынов пожал плечом, но промолчал.) Я поннмаю: чему быть — то будет. Мы с вамн вдвоем не остановнм иатиска Амернкн. Но черт его знает, история иногда выкидывает неожиданные фокусы.

— Вроде революцнй?

— А хотя бы н так.

Хлынов взглянул на него с некоторым даже удивлением. Глаза у Вольфа были круглые, желтые, злые.

— Вольф, буржуа не станут спасать Европу.

— Знаю.

— Вот как?

— В эту поездку я насмотрелся... Буржуа — французы, немцы, англнчане, нтальянцы — преступно, слепо, циннчно распродают старый мир. Вот чем кончнлась культура — аукцноном.... С молотка!

Вольф побагровел:

— Я обращался к властям, иамекал на опасность, проснл помочь в розысках Гарнна... Я говорнл им страшные слова... Мне смеялнсь в лицо... К черту!.. Я ие из тех, кто отступает...

— Вольф, что вы узналн на Рейне?

— Я узнал... Анилнновая компання получнла от германского правнтельства крупные военные заказы. Процесс пронзводства на заводах Анилнновой компаннн в иаиболее сейчас опасиой стаднн. У ннх там чуть лн ие пятьсот тонн тетрила в работе.

Хлынов быстро поднялся. Трость, иа которую он опирался, согнулась. Он снова сел.

— В газетах проскользиула заметка о необходимостн возможно отдалить рабочие городкн от этнх проклятых заводов. В Анилнновой компанни занято свыше пятидесяти тысяч человек... Газета, поместившая заметку, была оштрафоваиа... Рука Роллиига...

— Вольф, мы не можем терять нн одиого дия.

— Я заказал билеты на однннадцатнчасовой, на сегодня.

— Мы едем в Н.?

— Думаю, что только там можно найтн следы Гарнна.

— Теперь посмотрнте, что мне удалось достать. — Хлынов выиул нз кармана газетиые вырезкн. — Третьего дня я был у Шельгн. Ои передал мне ход своих рассужденнй: Роллинг н Гарнн должны сноснться между собой...

— Разумеется. Ежедневно.

— Почтой? Телеграфио? Как вы думаете, Вольф?

— Ни в коем случае. Ннкакнх пнсьменных следов.

— Тогда — радно?

— Чтобы орать на всю Европу... Нет...

— Через третье лицо?

— Нет... Я понял, — сказал Вольф, — ваш Шельга молодчииа. Дайте вырезки...

Он разложил нх на коленях и виимательио стал прочитывать подчеркнутое красным:

«Все виимание сосредоточьте иа аинлние». «Прнступаю». «Место иайдено».

— «Место иайдено»,—прошептал Вольф,— это газета нз К., городок блнз Н. ...«Тревожусь, назиачьте день», «Отсчнтайте трндцать пять со дня подпнсання договора...» Это могут быть только они. Ночь подпнсания договора в Фонтенебло—двадцать третьего прошлого месяца. Прнбавьте трндцать пять, — будет двадцать восемь, — срок продажн акций анилнна...

— Дальше, дальше, Вольф... «Какне меры вамн приняты?» — это из К., спрашивает Гарин. На другой день в парнжской газете — ответ Роллннга: «Яхта наготове. Прнбывает на третьн суткн. Будет сообщено по радно». А вот — четыре дия назад — спрашнвает Роллннг: «Не будет лн внден свет?» Гарин отвечает: «Кругом пустыино. Расстояние пять кнлометров».

— Иными словамн, аппарат установлен в горах: ударнть лучом за пять кнлометров можно только с высокого места. Слушайте, Хлынов, у нас ужасно мало времени. Если взять пять километров за раднус, — в центре заводы, — нам нужно обшарнть местиость ие меиее тридцати пяти километров в окружиостн. Есть еще какие-инбудь указания?

— Нет. Я только что собнрался позвоннть Шельге. У него должиы быть вырезки за вчерашний и сегодняшнний день.

Вольф подиялся. Было вндно, как под одеждой его вздулись мускулы.

Хлынов предложил позвоиить из ближайшего кафе иа левом берегу. Вольф пошел через мост так стремнтельио, что какой-то старичок с цыплячьей шеей в запачканном пиджачке, пропнтаииом, быть может, одиноквмн слезами по тем, кого уиесла войиа, затряс головой и долго глядел нз-под пыльной шляпы вслед бегущнм ииостранцам:

— О-о! Иностраицы... Когда деиьгн в кармане, то н толкаются н бегают, как будто бы оин дома... О-о... дикарн!..

В кафе, стоя у цннкового прнлавка, Вольф пнл содовую. Ему была вндна сквозь стекло телефонной будкн спина разговарнвающего Хлынова, — вот у него поднялнсь плечн, он весь налез на трубку; выпрямился, вышел из будки; лнцо его было спокойно, но белое, как маска.

— Из больиицы ответили, что сегодня ночью Шельга нсчез. Прнняты все меры к его разыскаиню... Думаю, что он убит.

60

Трещал хворост в очаге, прокопчеином за два столетня, с огромиыми ржавыми крючьямн для колбас и окороков, с двумя каменными святыми по бокам, — на одном вниcела светлая шляпа Гарнна, на другом засаленный офицерскнй картуз. У стола, освещенные толь-

ко огнем очага, сидели четверо. Перед ними — оплетенная бутыль и полные стаканы вина.

Двое мужчин были одеты по-городскому,— один скуластый, крепкий, с низким ежиком волос, у другого — длинное, злое лицо. Третий, хозяин фермы, где на кухне сейчас происходило совещание, — генерал Субботин, — сидел в одной холщовой грязной рубашке с закатанными рукавами. Начисто обритая кожа на голове его двигалась, толстое лицо с взъерошенными усами побагровело от вина.

Четвертый, Гарин, в туристском костюме, небрежно водя пальцем по краю стакана, говорил:

— Все это очень хорошо... Но я настаиваю, чтобы моему пленнику, хотя он и большевик, не было причинено ни малейшего ущерба. Еда — три раза в день, вино, овощи, фрукты... Через неделю я его забираю от вас... Бельгийская граница?..

— Три четверти часа на автомобиле, — торопливо подавшись вперед, сказал человек с длинным лицом.

— Все будет шито-крыто... Я понимаю, господин генерал и господа офицеры (Гарин усмехнулся), что вы, как дворяне, как беззаветно преданные памяти замученного императора, действуете сейчас исключительно из высших, чисто идейных соображений... Иначе бы я и не обратился к вам за помощью...

— Мы здесь все люди общества, — о чем говорить? — прохрипел генерал, двинув кожей на черепе.

— Условия, повторяю, таковы: за полный пансион пленника я вам плачу тысячу франков в день. Согласны?

Генерал перекатил налитые глаза в сторону товарищей. Скуластый показал белые зубы, длиннолицый опустил глаза.

— Ах, вот что, — сказал Гарин, — виноват, господа, — задаточек...

Он вынул из револьверного кармана пачку тысячефранковых билетов и бросил ее на стол в лужу вина.

— Пожалуйста...

Генерал крякнул, подвинул к себе пачку, осмотрел, вытер ее о живот и стал считать, сопя волосатыми ноздрями. Товарищи его понемногу стали придвигаться, глаза их поблескивали.

Гарин сказал, вставая:

— Введите пленника.

61

Глаза Шельги были завязаны платком. На плечах накинуто автомобильное кожаное пальто. Он почувствовал тепло, идущее от очага, — ноги его задрожали. Гарин подставил табурет. Шельга сейчас же сел, уронив на колени гипсовую руку.

Генерал и оба офицера глядели на него так, что, казалось, дай знак, мигни, — от человека рожки да ножки останутся. Но Гарин не подал знака. Потрепав Шельгу по колену, сказал весело:

— Здесь у вас ни в чем не будет недостатка. Вы у порядочных людей, — им хорошо заплачено. Через несколько дней я вас освобожу. Товарищ Шельга, дайте честное слово, что вы не будете пытаться бежать, скандалить, привлекать внимание полиции.

Шельга отрицательно мотнул опущенной головой. Гарин нагнулся к нему:

— Иначе трудно будет поручиться за удобство вашего пребывания... Ну, даете?

Шельга проговорил медленно, негромко:

— Даю слово коммуниста... (Сейчас же у генерала бритая голова на черепе поползла к ушам, офицеры быстро переглянулись, нехорошо усмехнулись.) Даю слово коммуниста, — убить вас при первой возможности, Гарин... Даю слово отнять у вас аппарат и привезти его в Москву... Даю слово, что двадцать восьмого...

Гарин не дал ему договорить. Схватил за горло...

— Замолчи... Идиот!.. Сумасшедший!..

Обернулся и — повелительно:

— Господа офицеры, предупреждаю вас, этот человек очень опасен, у него навязчивая идея...

— Я и говорю, — самое лучшее держать его в винном погребе, — пробасил генерал. — Увести пленника...

Гарин взмахнул бородкой. Офицеры подхватили Шельгу, втолкнули в боковую дверь и поволокли в погреб. Гарин стал натягивать автомобильные перчатки.

— В ночь на двадцать девятое я буду здесь. Тридцатого вы можете, ваше превосходительство, прекратить опыты над разведением кроликов, купить себе каюту первого класса на трансатлантическом пароходе и жить барином хоть на Пятом авеню в Нью-Йорке.

— Нужно оставить какие-нибудь документы для этого сукиного кота, — сказал генерал.

— Пожалуйста, любой паспорт на выбор.

Гарин вынул из кармана сверток, перевязанный бечевкой. Это были документы, похищенные им у Шельги в Фонтенебло. Он еще не заглядывал в них за недосугом.

— Здесь, видимо, паспорта, приготовленные для меня. Предусмотрительно... Вот, получайте, ваше превосходительство...

Гарин швырнул на стол паспортную книжку и, продолжая рыться в бумажнике, — чем-то заинтересовался, — придвинулся к лампе. Брови его сдвинулись.

— Черт! — И он кинулся к боковой двери, куда утащили Шельгу.

62

Шельга лежал на каменном полу на матраце. Керосиновая коптилка освещала сводчатый погреб, пустые бочки, заросли паутины. Гарин некоторое время искал глазами Шельгу. Стоя перед ним, покусывал губы.

— Я погорячился, не сердитесь, Шельга. Думаю, что все-таки мы найдем с вами общий язык. Договоримся. Хотите?

— Попытайтесь.

Гарин говорил вкрадчиво, совсем по-друго-

му, чем десять минут назад. Шельга насторожился. Но пережитое за эту ночь волнение, еще гудящие во всем теле остатки усыпительного газа и боль в руке ослабляли его внимание. Гарин присел на матрац. Закурил. Лицо его казалось задумчивым, и весь он — благожелательный, изящный...

«К чему, подлец, гнет? К чему гнет?» — думал Шельга, морщась от головной боли.

Гарин обхватил колено, закурил папиросу, поднял глаза к сводчатому потолку.

— Видите ли, Шельга, прежде всего вам нужно усвоить, что я никогда не лгу... Может быть, из презрения к людям, но это неважно. Итак: Роллинг с его миллиардами нужен мне до поры до времени, только... Так же, как и я нужен Роллингу... Это он, кажется, уже понял, несмотря на тупость... Роллинг приехал сюда, чтобы колонизировать Европу. Если он этого не сделает, он лопнет у себя в Америке со своими миллиардами. Роллинг — животное, вся его задача — переть вперед, бодать, топтать. У иего ни на грош фантазии... Единственная стена, о которую он может расшибить башку, — это Советская Россия. Он это понимает, и вся его ярость направлена на ваше дорогое отечество... Русским я себя не считаю (добавил он торопливо), я интернационалист...

— Разумеется, — с презрительной усмешкой сказал Шельга.

— Наши взаимоотношеиия таковы: до некоторого времени мы работаем вместе...

— До двадцать восьмого...

Гарин быстро, с блестящими глазами, с юмором взглянул на Шельгу.

— Вы это высчитали? По газетам?

— Может быть...

— Хорошо... Пусть до двадцать восьмого. Затем неминуемо мы должны вгрызться друг другу в печенку... Если одолеет Роллииг — Советской России это будет вдвойне ужасно: мой аппарат окажется у него в руках, и тогда с ним бороться будет вам чрезвычайно трудно... Так вот, тем самым, товарищ Шельга, что вы пробудете здесь с недельку в соседстве с пауками, вы страшно, неизмеримо увеличиваете возможность моей победы.

Шельга закрыл глаза. Гарии сидел у него в ногах и курил короткими затяжками. Шельга проговорил:

— На какой черт вам мое согласие, вы и без согласия продержите меня здесь, сколько влезет. Говорите уж прямо, что вам нужио...

— Давно бы так... А то — слово коммуииста... Ей-богу, давеча вы мне так больио сделали, так досадно... Сейчас, кажется, вы уже начииаете разбираться. Мы с вами враги, правда... Но мы должны работать вместе... С вашей точки зрения я — выродок, величайший иидивидуалист... Я, Петр Петрович Гарин, милостью сил, меия создавших, с моим мозгом, — не улыбайтесь, Шельга, — геииальным, да, да, с неизжитыми страстями, от которых мне и самому тяжело и страшно, с моей жадностью и беспринципиостью, противопоставляю себя, буквально — противопоставляю себя человечеству.

— Ух ты, — сказал Шельга, — ну и сволочь...

— Именно: «Ух ты, сволочь», вы меня поняли. Я — сластолюбец, все секунды моей жизни я стремлюсь отдать наслаждению. Я бешено тороплюсь покончить с Роллингом, потому что теряю эти драгоценные секунды. Вы — там, в России, — воинствующая, материализированная идея. У меня нет никакой идеи, — сознательно, религиозно ненавижу всякую идею. Я поставил себе цель: создать такую обстановку (подробно рассказывать не буду, вы утомитесь), окружить себя таким излишеством, — сады Семирамиды и прочий восточный вздор — чахлая фантазишка перед моим раем. Я призову всю науку, всю индустрию, все искусство служить мне. Шельга, вы понимаете, что я для вас — опасность отдаленная и весьма фантастичная. Роллинг — опасность конкретная, близкая, страшная. Поэтому до известной точки мы с вами должны идти вместе, до тех пор, покуда Роллинг не будет растоптан. Большего я не прошу.

— В чем вы хотите, чтобы выразилась моя помощь? — сквозь зубы проговорил Шельга.

— Нужно, чтобы вы совершили небольшую прогулку по морю.

— Иными словами, вы хотите продолжать мой плен?

— Да.

— Что дадите за то, чтобы я не позвал на помощь первого попавшегося полицейского, когда вы повезете меня к морю?

— Любую сумму.

— Не хочу никакой суммы!

— Ловко, — сказал Гарин и повертелся на тюфяке. — А за модель моего аппарата согласитесь? (Шельга засопел.) Не верите? Обману, не отдам? Ну-ка, подумайте, — обману или иет? (Шельга дернул плечом.) То-то... Идея аппарата проста до глупости... Никакими силами я не смогу долго держать ее в секрете. Такова судьба гениальных изобретений. После двадцать восьмого во всех газетах будет описано действие инфракрасных лучей, и немцы, именно иемцы, ровио через полгода построят точно такой же аппарат. Я ничем не рискую. Берите модель, везите ее в Россию. Да, кстати, у меня ваши паспорта и бумаги... Пожалуйста, они не нужны больше... Простите, что я в них порылся. Я страшно любопытеи... Что это у вас за снимок татуироваииого мальчишки?

— Так, один беспризорный, — сейчас же ответил Шельга, понимая сквозь головиую боль, что Гарин подбирается к самому главному, для чего и пришел в подвал.

— На обороте карточки помечеио двеиадцатое число прошлого месяца, значит, вы сиимали мальчишку иакаиуие отъезда?.. И фотографию взяли с собой, чтобы показать мие? В Ленинграде вы ее иикому ие показывали?

— Нет, — сквозь зубы ответил Шельга.

— А мальчишку куда дели? Так, так, я и не заметил, — тут даже имя поставлено: Иван Гусев. В гребном клубе, что ли, снимали, иа террасе? Узнаю, места знакомые... Что же вам мальчишка рассказывал? Манцев жив?

— Жив.

— Он нашел то, что они там искали?

— Кажется, нашел.

— Вот видите, я всегда верил в Манцева.

Гарин рассчитал верно. У Шельги так устроена была голова, что врать он никак не мог — и по брезгливости и потому еще, что лганье считал дешевкой в игре и в борьбе. Через минуту Гарин узнал всю историю появления Ивана в гребном клубе и все, что он рассказал о работах Манцева.

— Итак, — Гарин поднялся, весело потер руки, — если двадцать девятого ночью мы поедем на автомобиле, модель аппарата будет с нами, — вы укажете любое место, где мы аппаратик припрячем до времени... Так вот: достаточной будет для вас такая гарантия? Согласны?

— Согласен.

— Добиваться моей смерти не будете?

— В ближайшее время — не буду.

— Я прикажу перевести вас наверх, здесь слишком сыро, — поправляйтесь, пейте, кушайте всласть.

Гарин подмигнул и вышел.

63

— Ваше имя, фамилия?

— Ротмистр Кульневского полка Александр Иванович Волшин, — ответил широкоскулый офицер, вытягиваясь перед Гариным.

— На какие средства существуете?

— Поденная работа у генерала Субботина по разведению кроликов, двадцать су в день, харчи его. Был шофером, неплохо зарабатывал, однополчане уговорили пойти делегатом на монархический съезд. На первом же заседании сгоряча въехал в морду полковнику Шерстобитову, кирилловцу. Лишен полномочий и потерял службу.

— Предлагаю опасную работу. Крупный гонорар. Согласны?

— Так точно.

— Вы поедете в Париж. Получите рекомендацию. Будете зачислены на службу. С бумагами и мандатом выедете в Ленинград... Там вот по этой фотографии отыщете одного мальчишку...

. . . .

64

Прошло пять дней. Ничто не нарушало покоя прирейнского небольшого городка К., лежащего в зеленой и влажной долине вблизи знаменитых заводов Анилиновой компании.

На извилистых улицах с узкими тротуарами с утра весело постукивали деревянные подошвы школьников, раздавались тяжелые шаги рабочих, женщины катили детские колясочки в тень лип к речке... Из парикмахерской выходил парикмахер в парусиновом жилете и ставил на тротуар стремянку. Подмастерье лез на нее чистить и без того сверкающую вывеску на штанге — медный тазик и белый конский хвост. В кофейне вытирали зеркальные стекла. Громыхала на огромных колесах телега с пустыми пивными бочками.

Это был старый, весь выметенный, опрятный городок, тихий в дневные часы, когда солнце греет горбатую плиточную мостовую, оживающий нетопливыми голосами на закате, когда возвращаются с заводов рабочие и работницы, загораются огни в кофейнях и старичок фонарщик в коротком плаще, бог знает какой древности, идет, шаркая деревянными подошвами, зажигать фонари.

Из ворот рынка выходили жены рабочих и бюргеров с корзинами. Прежде в корзиночках лежали живность, овощи и фрукты, достойные натюрмортов Снайдерса. Теперь — несколько картофелин, пучочек луку, брюква и немного серого хлеба.

Странно. За четыре столетия черт знает как разбогатела Германия. Какую славу знали ее сыны. Какими надеждами светились голубые германские глаза. Сколько пива протекло по запрокинутым русым бородам. Сколько биллионов киловатт освободилось человеческой энергии...

И вот, все это напрасно. В кухоньках — пучочек луку на изразцовой доске, и у женщин давнишняя тоска в голодных глазах.

Вольф и Хлынов, в пыльной обуви, с пиджаками, перекинутыми через руку, с мокрыми лбами, перешли горбатый мостик и стали подниматься по шоссе под липами в К.

Солнце уходило за невысокие горы. В золотистом вечернем свете еще дымились трубы Анилиновой компании. Корпуса, трубы, железнодорожные пути, черепицы амбаров подходили по склонам холмов к самому городу.

— Там, я уверен, — сказал Вольф и указал рукой на красноватые скалы в закате, — если выбирать лучший пункт для обстрела заводов, я бы выбрал только там.

— Хорошо, хорошо, но осталось только три дня, Вольф...

— Ну что ж, с южной стороны не может быть никакой опасности, — слишком отдалено. Северный и восточный секторы обшарены до последнего камня. Три дня нам хватит.

Хлынов обернулся к засиневшим на севере лесистым холмам, глубокие тени лежали между ними. В той стороне Вольф и Хлынов облазили за эти пять дней и ночей каждую впадину, где могла бы притаиться постройка, — дача или барак, — с окнами на заводы.

Пять суток они не раздевались, спали в глухие часы ночи, привалившись где попало. Ноги перестали даже болеть. По каменистым дорогам, тропинкам, прямиком через овраги и заборы, они исколесили кругом города по горам почти сто километров. Но нигде ни малейшего присутствия Гарина. Встречные крестьяне, фермеры, прислуга с дач, лесничие, сторожа — только разводили руками:

— Во всей округе нет никого из приезжих, здешние все нам известны.

65

Оставался западный сектор, наиболее тяжелый. По карте там находилась пешеходная дорога к скалистому плато, где лежали знаменитые развалины замка «Прикованного ске-

лета», рядом с ннм, как и полагалось в таких случаях, иаходнлся пивной ресторан «К прикованному скелету».

В развалииах действнтельно показывали остатки подземелья и за железиой решеткой— огромный скелет в ржавых цепях, в сидячем положеинн. Изображення его продавались повсюду иа открытках, на разрезных ножах н пнвных кружках. Можно было даже сфотографироваться за двадцать пфеинигов рядом со скелетом н послать открытку знакомым нлн любнмой девушке. По воскресеньям развалнны пестрелн отдыхающимн обывателямн, ресторан хорошо торговал. Бывалн ннострапцы.

Но после войны ннтерес к знаменнтому скелету упал. Обывателн захудосочелн н леинлись в празднннчные днн лазнть на крутую гору, — предпочнталн располагаться с бутербродамн н полубутылкамн пнва вне нсторнческнх воспомннаинй — на берегу речкн, под липамн. Хозяин ресторана «К прикоаиному скелету» не мог уже со всем тщаннем поддержнвать порядок в развалинах. И бывало, что целыми неделямн, не обеспокоенный ннчьим прнсутствнем, средневековый скелет глядел пустымн впадннамн черепа на зеленую долнну, где некогда в роковой день его сбнл с седла владетель замка, — глядел иа кнркн с петухамн н шпнлями, на трубы заводов, где в мировом масштабе готовилн нарывный газ, тетрил и прочие дьявольскне фабрнкаты, отбнвавшне у населення охоту к нсторнческнм воспомннанням, к открыткам с изображеннем скелета и, пожалуй, к самой жнзни.

В этн места и направлялнсь сейчас Вольф н Хлынов. Онн зашлн подкрепнться в кофейню на городской площади и долго нзучали карту местностн, расспрашнвалн кельнера. Достопрнмечательпостямн в западной частн долнны оказалась, кроме развалин и ресторана, еще н внлла разорившегося за последнне годы фабриканта пншущнх машнн. Вилла стояла на западных склоиах, и со стороиы города ее не было вндно. Фабрнкант жнл в ией одии, безвыездно.

66

Полная луна взошла перед рассветом. То, что казалось неясным иагромождением камией и скал, отчетлнво выступало в лунном свете, леглн бархатные тенн от уцелевшнх сводов, потяиулись вниз, в овраг, остатки крепостной стеиы, поросшей корявымн деревцамн н путаннцей ежевнкн, ожила квадратная башия, старейшая часть замка, построенная норманнамн, илн, как ее называлн иа открытках, — «Башня пыток».

С восточиой стороиы к ией примыкали кнрпичные своды, здесь, видимо, была когда-то галерея, соедииявшая древнюю башню с жилым замком. От всего этого остались фуидамеиты, щебень да разбросаииые капители колоии из песчаиика. У осиоваиия башии под крестовым сводом, образующим раковину, сидел «Прикованиый скелет».

Вольф долго смотрел на него, иавалнвшись локтямн на решетку, затем повернулся к Хлынову и сказал:

— Теперь смотрнте сюда.

Глубоко внизу под лунным светом лежала долииа, подернутая дымкой. Серебрнстая чешуя играла иа реке в тех местах, где вода сквознла нз-под древесных кущ. Городок казался игрушечиым. Ни одного освещеиного окиа. За ннм налево горелн сотии огией Аинлнновой компаннн. Поднималась белые клубы дыма, розовый огонь вырывался нз труб. Доноснлнсь свнсткн паровозов, какой-то грохот.

— Я прав, — сказал Вольф, — только с этого плато можио ударнть лучом. Смотрнте, вот то — склады сырья, там, за земляным валом — склады полуфабрикатов, онн совсем открыты, там длнниые корпуса производства серной кислоты по русскому способу — из серного колчедана. А вон те, в стороне, круглые крышн — производство аннлнна н всех этих дьявольскнх веществ, которые взрываются иногда по собствеиному капрнзу.

— Хорошо, Вольф, еслн предположнть, что Гарни поставнт аппарат только в иочь иа двадцать восьмое, все же должны быть какне-то призиаки предварнтельиой установки.

— Нужно осмотреть развалнны. Я облазаю башию, вы — стены и своды... В сущностн, лучше места, где сндит эта скелетнна, не выдумаешь.

— В семь часов сходнмся в ресторане.

— Ладно.

67

В восьмом часу утра Вольф и Хлынов пили молоко на деревянной веранде ресторана «К прнкованному скелету». Ночные поиски былн безуспешны. Сндели молча, подперев головы. За эти днн они так нзучилн друг друга, что чнтали мыслн. Хлынов, более впечатлительный н менее склониый доверять себе, много раз начннал пересматрнвать весь ход рассужденнй, которые прнвели его и Вольфа нз Парнжа в эти, казалось, совсем безобндные места. На чем основаио было это убежденне? На двух-трех строчках нз газет.

— Не окажемся ли мы в дураках, Вольф?

На это Вольф отвечал:

— Человеческнй ум ограннчен. Но всегда для дела разумнее полагаться на иего, чем сомиеваться. К тому же, еслн мы иичего не иайдем и дьявольское предпрнятие Гариа окажется иашей выдумкой, то и слава богу. Мы нсполннлн свой долг.

Кельиер прииес яичницу и две кружки пнва. Появился хозяин, багрово-румяный толстяк:

— Доброе утро, господа! — И, посвистывая одышкой, ои озабочеиио ждал, когда гости утолят аппетит. Затем протянул руку к долиие, еще голубоватой и сверкающей влагой: — Двадцать лет я иаблюдаю... Дело идет к коицу, — вот что я скажу, мои дорогие господа... Я видел мобилизацию. Вои по той дороге шли войска. Это были добрые германские колоииы. (Хозяин выкинул, как пружииу над голо-

вой, жирный указательный палец.) Это были зигфриды — те самые, о которых писал Тацит: могучие, наводившие ужас, в шлемах с крылышками. Обер, еще две кружки пива господам... В четырнадцатом году зигфриды шли покорять вселенную. Им не хватало только щитов, — вы помните старый германский обычай: издавать воинственные крики, прикладывая щит ко рту, чтобы голос казался страшнее. Да, я видел кавалерийские зады, плотно сидевшие на лошадях... Что случилось, я хочу спросить? Или мы разучились умирать в кровавом бою? Я видел, как войска проходили обратно. Кавалеристы все еще плотно, черт возьми, сидели на седлах... Германцы не были разбиты на поле. Их пронзили мечами в постелях, у их очагов...

Хозяин выпученными глазами обвел гостей, обернулся к развалинам, лицо его стало кирпичного цвета. Медленно он вытащил из кармана пачку открыток и хлопнул ею по ладони:

— Вы были в городе, я спрошу: видали вы хотя бы одного немца выше пяти с половиной футов росту? А когда эти пролетарии возвращаются с заводов, вы слышали, чтобы один хотя бы имел смелость громко сказать: «Дейчланд»? А вот о социализме эти пролетарии хрипят за пивными кружками.

Хозяин ловко бросил на стол пачку открыток, рассыпавшихся веером... Это были изображения скелета — просто скелета и германца с крылышками, скелета и воина четырнадцатого года в полной амуниции.

— Двадцать пять пфеннигов штука, две марки пятьдесят пфеннигов за дюжину, — сказал хозяин с презрительной гордостью, — дешевле никто не продаст, это добрая довоенная работа, — цветная фотография, в глаза вставлена фольга, это производит неизгладимое впечатление... И вы думаете — эти трусы-буржуа, эти пяти с половинной футовые пролетарии покупают мои открытки? Пфуй... Вопрос поставлен так, чтобы я снял Карла Либкнехта рядом со скелетом...

Он опять надулся кровью и вдруг захохотал:

— Подождут!.. Обер, положите в наши оригинальные конверты по дюжине открыток господам... Да, да, приходится изворачиваться... Я покажу вам мой патент... Гостиница «К прикованному скелету» будет продавать это сотнями... Здесь я иду в ногу с нашим временем и не отступаю от принципов.

Хозяин ушел и сейчас же вернулся с небольшим, в виде коробки от сигар, ящичком. На крышке его был выжжен по дереву все тот же скелет.

— Желаете испробовать? Действует не хуже, чем на катодных лампах. — Он живо приладил провод и слуховые трубки, включил радиоприемник в штепсель, пристроенный под столом. — Стоит три марки семьдесят пять пфеннигов, без слуховых трубок, разумеется. — Он протянул наушники Хлынову. — Можно слушать Берлин, Гамбург, Париж, если это доставит вам удовольствие. Я вас соединю с Кельнским собором, сейчас там обедня, вы услышите орган, это колоссально... Поверните рычажок налево... В чем дело? Кажется, опять мешает проклятый Штуфер? Нет?

— Кто мешает? — спросил Вольф, нагибаясь к аппарату.

— Разорившийся фабрикант пишущих машин Штуфер, пьяница и сумасшедший... Два года тому назад он поставил у себя на вилле радиостанцию. Потом разорился. И вот недавно станция опять заработала...

Хлынов, странно блестя глазами, опустил трубку:

— Вольф, — платите и идемте.

Когда через несколько минут, отвязавшись от говорливого хозяина, они вышли за калитку ресторана, Хлынов изо всей силы сжал руку Вольфа:

— Я слышал, я узнал голос Гарина...

68

В это утро, часом раньше, на вилле Штуфера, расположенной на западном склоне тех же холмов, в полутемной столовой за столом сидел Штуфер и разговаривал с невидимым собеседником. Вернее, это были обрывки фраз и ругательств. На обсыпанном пеплом столе валялись пустые бутылки, окурки сигар, воротничок и галстук Штуфера. Он был в одном белье, чесал рыхлую грудь, пялился на электрическую лампочку, единственную горевшую в огромной железной люстре, и, сдерживая отрыжку, ругал вполголоса последними словами человеческие образы, выплывавшие в его пьяной памяти.

Торжественно башенным боем столовые часы пробили семь. Почти тотчас же послышался шум подъехавшего автомобиля. В столовую вошел Гарин, весь пронизанный утренним ветром, насмешливый, зубы оскалены, кожаный картуз на затылке:

— Опять всю ночь пьянствовали?

Штуфер покосился налитыми глазами. Гарин ему нравился. Он щедро платил за все. Не торгуясь, снял на летние месяцы виллу вместе с винным погребом, предоставив Штуферу расправляться самому со старыми рейнскими, французским шампанским и ликерами. Чем он занимался, черт его знает, видимо, спекуляцией, но он ругательски ругал американцев, разоривших Штуфера два года тому назад, он презирал правительство и называл людей вообще сволочью, — это тоже было хорошо. Он привозил в автомобиле такую жратву, что даже в лучшие времена Штуфер не позволял себе и думать намазывать столовой ложкой драгоценные страсбургские паштеты, русскую икру, любительские камамберы, кишащие сверху белыми червяками. Могло даже показаться, что в его расчеты входило непрерывно держать Штуфера мертвецки пьяным.

— Как будто вы-то всю ночь богу молились, — прохрипел Штуфер.

— Премило провел время с девочками в Кельне и, видите, свеж и не сижу в подштанниках. Вы падаете, Штуфер. Кстати, меня предупредили о не совсем приятной вещи... Оказывается, ваша вилла стоит слишком близ-

ко к химическим заводам... Как на пороховом погребе...

— Вздор, — заорал Штуфер, — опять какая-то сволочь подкапывается... На моей вилле вы в полнейшей безопасности...

— Тем лучше. Дайте-ка ключ от сарая.

Крутя за цепочку ключ, Гарин вышел в сад, где стоял небольшой застекленный сарай под мачтами антенны. Кое-где на запущенных куртинах стояли керамиковые карлики, загаженные птицами. Гарин отомкнул стеклянную дверь, вошел, распахнул окна. Облокотился на подоконник и так стоял некоторое время, вдыхая утреннюю свежесть. Почти двадцать часов он провел в автомобиле, заканчивая дела с банками и заводами. Теперь все было в порядке перед двадцать восьмым числом.

Он не помнил, сколько времени так простоял у окна. Потянулся, закурил сигару, включил динамо, осмотрел и настроил аппараты. Затем встал перед микрофоном и заговорил громко и раздельно:

— Зоя, Зоя, Зоя, Зоя... Слушайте, слушайте, слушайте... Будет все так, как ты захочешь. Только умей хотеть. Ты мне нужна. Без тебя мое дело мертвое. На днях буду в Неаполе. Точно сообщу завтра. Не тревожься ни о чем. Все благоприятствует...

Он помолчал, затянулся сигарой и снова начал: «Зоя, Зоя, Зоя...» Закрыл глаза. Мягко гудело динамо, и невидимые молнии срывались одна за другой с антенны.

Проезжай сейчас артиллерийский обоз — Гарин, наверное, не расслышал бы шума. И он не слышал, как в конце лужайки покатились камни под откос. Затем в пяти шагах от павильона раздвинулись кусты, и в них на уровень человеческого глаза поднялся вороненый ствол кольта.

69

Роллинг взял телефонную трубку:

— Да.

— Говорит Семенов. Только что перехвачено радио Гарина. Разрешите прочесть?..

— Да.

— «Будет все так, как ты хочешь, только умей хотеть», — начал читать Семенов, коекак переводя с русского на французский. Роллинг слушал, не издавая ни звука.

— Все?

— Так точно, все.

— Запишите,—стал диктовать Роллинг:— немедленно настроить отправную станцию на длину волны четыреста двадцать один. Завтра десятью минутами раньше того времени, когда вы перехватили сегодняшнюю телеграмму, начнете отправлять радио: «Зоя, Зоя, Зоя... Случилось неожиданное несчастье. Необходимо действовать. Если вам дорога жизнь вашего друга, высадитесь в пятницу в Неаполе, остановитесь в гостинице «Сплендид», ждите известий до полудня субботы». Это вы будете повторять непрерывно, слышите ли, непрерывно громким и убедительным голосом. Все.

Роллинг позвонил

— Немедленно найти и привести ко мне Тыклинского, — сказал он вскочившему в кабинет секретарю. — Немедленно ступайте на аэродром. Арендуйте или купите — безразлично — закрытый пассажирский аэроплан. Наймите пилота и бортмеханика. К двадцать восьмому приготовьте все к отлету...

70

Весь остальной день Вольф и Хлынов провели в К. Бродили по улицам, болтали о разных пустяках с местными жителями, выдавая себя за туристов. Когда городок затих, Вольф и Хлынов пошли в горы. К полуночи они уже поднимались по откосу в сад Штуфера. Было решено объявить себя заблудившимися туристами, если полиция обратит на них внимание. Если их задержат, — арест был безопасен: их алиби мог установить весь город. После выстрела из кустов, когда ясно было видно, как у Гарина брызнули осколки черепа, Вольф и Хлынов меньше чем через сорок минут были уже в городе.

Они перелезли через низкую ограду, осторожно обогнули поляну за кустами и вышли к дому Штуфера. Остановились, переглянулись, ничего не понимая. В саду и в доме было спокойно и тихо. Несколько окон освещено. Большая дверь, ведущая прямо в сад, раскрыта. Мирный свет падал на каменные ступени, на карликов в густой траве. На крыльце, на верхней ступени, сидел толстый человек и тихо играл на флейте. Рядом с ним стояла оплетенная бутыль. Это был тот самый человек, который утром неожиданно появился на тропинке близ радиопавильона и, услышав выстрел, повернулся и шаткой рысью побежал к дому. Сейчас он благодушествовал, как будто ничего не случилось.

— Пойдем, — прошептал Хлынов, — нужно узнать.

Вольф проворчал:

— Я не мог промахнуться.

Они пошли к крыльцу. На полдороге Хлынов проговорил негромко:

— Простите за беспокойство... Здесь нет собак?

Штуфер опустил флейту, повернулся на ступеньке, вытянул шею, вглядываясь в две неясные фигуры.

— Ну, нет, — протянул он, — собаки здесь злые.

Хлынов объяснил:

— Мы заблудились, хотели посетить развалины «Прикованного скелета»... Разрешите отдохнуть.

Штуфер ответил неопределенным мычанием. Вольф и Хлынов поклонились, сели на нижние ступени,—оба насторожённые, взволнованные. Штуфер поглядывал на них сверху.

— Между прочим, — сказал он, — когда я был богат, в сад спускались цепные кобели. Я не любил нахалов и ночных посетителей. (Хлынов быстро пожал Вольфу руку, — молчите, мол.) Американцы меня разорили, и мой сад сделался проезжей дорогой для бездельни-

ков, хотя повсюду прибиты доски с предупреждением о тысяче марок штрафа. Но Германия перестала быть страной, где уважают закон и собственность. Я говорил человеку, арендовавшему у меня виллу: обнесите сад колючей проволокой и наймите сторожа. Он не послушался меня и сам виноват...

Подняв камешек и бросив его в темноту, Вольф спросил:

— Что-нибудь случилось неприятное у вас из-за этих посетителей?

— Сказать «неприятное» — слишком сильно, но — смешное. Не далее, как сегодня утром. Во всяком случае, мои экономические интересы не затронуты, и я буду предаваться моим развлечениям.

Он приложил флейту к губам и издал несколько пронзительных звуков.

В конце концов, какое мне дело, живет он здесь или пьянствует с девочками в Кельне? Он заплатил все до последнего пфенинга... Никто не смеет бросить ему упрека. Но, видите ли, он оказался нервным господином. За время войны можно было привыкнуть к револьверным выстрелам, черт возьми... Уложил все имущество, до свиданья, до свиданья... Что ж — скатертью дорога.

— Он уехал совсем? — внезапно громко спросил Хлынов.

Штуфер приподнялся, но снова сел. Видно было, как щека его, на которую падал свет из комнаты, расплылась, — масленистая, ухмыляющаяся. Заколыхался толстый живот.

— Так и есть, он меня предупредил: непременно об его отъезде будут у меня спрашивать двое джентльменов. Уехал, уехал, дорогие джентльмены. Не верите, пойдемте, покажу его комнаты. Если вы его друзья, — пожалуйста, убедитесь... Это ваше право, — за комнаты заплачено...

Штуфер опять хотел встать, — ноги его никак не держали. Больше от него ничего нельзя было добиться путного. Вольф и Хлынов вернулись в город. За всю дорогу они не сказали друг другу ни слова. Только на мосту, над черной водой, где отражался фонарь, Вольф вдруг остановился, стиснул кулаки:

— Что за чертовщина! Я же видел, как у него разлетелся череп...

71

Небольшой и плотный человек с полуседыми волосами, приглаженными на гладкий пробор, в голубых очках, прикрывающих больные глаза, стоял у изразцовой печи и, опустив голову, слушал Хлынова.

Сначала Хлынов сидел на диване, затем пересел на подоконник, затем начал бегать по небольшой приемной комнате советского посольства.

Он рассказывал о Гарине и Роллинге. Рассказ был точен и последователен, но Хлынов и сам чувствовал невероятность всех нагромоздившихся событий.

— Предположим, мы с Вольфом ошибаемся... Прекрасно, — мы счастливы, если ошибаемся в выводах. Но все же пятьдесят процентов за то, что катастрофа будет. Нас должны интересовать только эти пятьдесят процентов. Вы, как посол, можете убедить, повлиять, раскрыть глаза... Все это ужасно серьезно. Аппарат существует. Шельга дотрагивался до него рукой. Действовать нужно немедленно, сию минуту. В вашем распоряжении не больше суток. Завтра в ночь все это должно разразиться. Вольф остался в К. Он делает, что может, чтобы предупредить рабочих, профсоюзы, городское население, администрацию заводов. Разумеется, ну, разумеется, — никто не верит... Вот даже вы...

Посол, не поднимая глаз, промолчал.

— В редакции местной газеты над нами смеялись до слез... В лучшем случае нас считают сумасшедшими.

Хлынов сжал голову, — нечесаные клочья волос торчали между грязными пальцами. Лицо его было осунувшееся, пыльное. Побелевшие глаза остановились, как перед видением ужаса. Посол осторожно, из-за края очков, взглянул на него:

— Почему вы раньше не обратились ко мне?

— У нас не было фактов... Предположения, выводы — все на грани фантастики, безумия... Мне и сейчас минутами сдается,—проснусь—и вздохну облегченно... Но уверяю вас — я в здравом уме. Восемь суток мы с Вольфом не раздевались, не ложились спать.

После молчания посол сказал серьезно:

— Я уверен, что вы не мистификатор, товарищ Хлынов. Скорее всего вы поддались навязчивой идее,—он быстро поднял руку, останавливая отчаянное движение Хлынова, — но для меня убедительно прозвучали ваши пятьдесят процентов. Я поеду и сделаю все, что в моих силах...

72

Двадцать восьмого с утра на городской площади в К. собирались кучками обыватели и, одни с недоумением, другие с некоторым страхом, обсуждали странные прокламации, прилепленные жеваным хлебом к стенам домов на перекрестках.

«Ни власть, ни заводская администрация, ни рабочие союзы, — никто не пожелал внять нашему отчаянному призыву. Сегодня, — мы в этом уверены, — заводам, городу, всему населению грозит гибель. Мы старались предотвратить ее, но негодяи, подкупленные американскими банкирами, оказались неуловимы. Спасайтесь, бегите из города на равнину. Верьте нам во имя вашей жизни, во имя ваших детей, во имя бога».

Полиция догадывалась, кто писал прокламации, и разыскивала Вольфа. Но он исчез. К середине дня городские власти выпустили афиши, предупреждения — ни в каком случае не покидать города и не устраивать паники, так как, видимо, шайка мошенников намерена похозяйничать этой ночью в покинутых домах.

«Граждане, вас дурачат. Обратитесь к здравому смыслу. Мошенники сегодня же бу-

дут обнаружены, схвачены, и с ними поступят по закону».

Власти попали в точку, пугающая тайна оказалась простой, как репа. Обыватели сразу успокоились и уже посмеивались: «А ловко было придумано, — похозяйничали бы эти ловкачи по магазинам, по квартирам, — ха-ха. А мы-то, дураки, всю бы ночь тряслись от страха на равнине».

Настал вечер, такой же, как тысячи вечеров, озаривший городские окна закатным светом. Успокоились птицы по деревьям. На реке, на сырых берегах, заквакали лягушки. Часы на кирпичной кирке проиграли «Вахт ам Рейн», на страх паршивым французам, и прозвонили восемь. Из окон кабачков мирно струился свет, завсегдатаи не спеша мочили усы в пивной пене. Успокоился и хозяин загородного ресторана «К прикованному скелету», — походил по пустой террасе, проклял правительство, социалистов и евреев, приказал закрыть ставни и поехал на велосипеде в город к любовнице.

В этот час по западному склону холмов, по малопроезжей дороге, почти бесшумно и без огней, промчался автомобиль. Заря уже погасла, звезды были еще не яркие, за горами разливалось холодноватое сияние, — всходила луна. На равнине кое-где желтели огоньки. И только в стороне заводов не утихала жизнь.

Над обрывом, там, где кончались развалины замка, сидели Вольф и Хлынов. Они еще раз облазили все закоулки, поднялись на квадратную башню, — нигде ни малейшего намека на приготовления Гарина. Одно время им показалось, что вдалеке промчался автомобиль. Они прислушивались, вглядывались. Вечер был тих, пахло древним покоем земли. Иногда движения воздушных струй доносили снизу сырость цветов.

— Смотрел по карте, — сказал Хлынов, — если мы спустимся в западном направлении, то пересечем железную дорогу на полустанке, где останавливается почтовый, в пять тридцать. Не думаю, чтобы там тоже дежурила полиция.

Вольф ответил:

— Смешно и глупо все это кончилось. Человек еще слишком недавно поднялся с четверенек на задние конечности, слишком еще тяготеют над ним миллионы веков непросветленного зверства. Страшная вещь — человеческая масса, не руководимая большой идеей. Людей нельзя оставлять без вожаков. Их тянет стать на четвереньки.

— Ну что это уж вы так, Вольф?..

— Я устал. — Вольф сидел на куче камней, подперев кулаками крепкий подбородок. — Разве хоть на секунду вам приходило в голову, что двадцать восьмого нас будут ловить, как мошенников и грабителей? Если бы вы видели, как эти представители власти переглядывались, когда я распинался перед ними... Ах, какой же я дурак! И они правы, — вот в чем дело. Они никогда не узнают, что им грозило...

— Если бы не ваш выстрел, Вольф...

— Черт!.. Если бы я не промахнулся... Я готов десять лет просидеть в каторжной тюрьме, только бы доказать этим идиотам...

Голос Вольфа теперь гулко отдавался в развалинах. В тридцати шагах от разговаривающих, — совершенно так же, как охотник крадется под глухариное токанье, — в тени полуобвалившейся стены пробирался Гарин. Ему были ясно видны очертания двух людей над обрывом, слышно каждое слово. Открытое место между концом стены и башней он прополз. В том месте, где к подножью башни примыкала сводчатая пещера «Прикованного скелета», лежал осколок колонны из песчаника. Гарин скрылся за ним. Раздался хруст камня и скрип заржавленного железа. Вольф вскочил:

— Вы слышали?

Хлынов глядел на кучу камней, где под землей исчез Гарин. Они побежали туда. Обошли кругом башни.

— Здесь водятся лисы, — сказал Вольф.

— Нет, скорее всего это крикнула ночная птица.

— Нужно уходить. Мы с вами начинаем галлюцинировать...

Когда они подошли к обрывистой тропинке, уводящей из развалин на горную дорогу, раздался второй шум, — будто что-то упало и покатилось. Вольф весь затрясся. Они долго слушали, не дыша. Сама тишина, казалось, звенела в ушах. «Сплю-сплю, сплю-сплю» — кротко и нежно то там, то вот — совсем низко — покрикивал, летая, невидимый козодой.

— Идем.

— Да, глупо.

На этот раз они решительно и не оборачиваясь зашагали вниз. Это спасло одному из них жизнь.

73

Вольф не совсем был неправ, когда уверял, что у Гарина брызнули осколки черепа. Когда Гарин, на секунду замолчав перед микрофоном, потянулся за сигарой, дымившейся на краю стола, слуховая чашечка из эбонита, которую он прижимал к уху, чтобы контролировать свой голос при передаче, внезапно разлетелась вдребезги. Одновременно с этим он услышал резкий выстрел и почувствовал короткую боль удара в левую сторону черепа. Он сейчас же упал на бок, перевалился ничком и замер. Он слышал, как завыл Штуфер, как зашуршали шаги убегающих людей.

«Кто — Роллинг или Шельга?» Эту загадку он решал, когда часа через два мчался на автомобиле в Кельн. Но только сейчас, услышав разговор двух людей на краю обрыва, разгадал. Молодчина Шельга... Но все-таки, ай-ай, — прибегать к недозволенным приемам...

Он отсунул осколок колонны, прикрывавшей ржавую крышку люка, проскользнул под землей и с электрическим фонариком поднялся по разрушенным ступеням в «каменный мешок» — одиночку, сделанную в толще стены нормандской башни. Это была глухая камера, шага по два с половиной в длину и шири-

ну. В стене еще сохранились бронзовые кольца и цепи. У противоположной стены на грубо сколоченных козлах стоял аппарат. Под ним лежали четыре жестянки с динамитом. Против дула аппарата стена была продолблена и отверстие с наружной стороны прикрыто костяком «Прикованного скелета».

Гарин погасил фонарь, отодвинул в сторону дуло и, просунув руку в отверстие, сбросил костяк. Череп отскочил и покатился. В отверстие были видны огни заводов. У Гарина были зоркие глаза. Он различал даже крошечные человеческие фигуры, двигающиеся между постройками. Все тело его дрожало. Зубы стиснуты. Он не предполагал, что так трудно будет подойти к этой минуте. Он снова направил аппарат дулом в отверстие, приладил. Откинул заднюю крышку, осмотрел пирамидки. Все это было приготовлено еще неделю тому назад. Второй аппарат и старая модель лежали у него внизу, в роще, в автомобиле.

Он захлопнул крышку и положил руку на рычажок магнето, которым автоматически зажигались пирамидки. Он дрожал с головы до ног. Не совесть (какая уж там совесть после мировой войны!), не страх (он был слишком легкомыслен), не жалость к обреченным (они были слишком далеко) обдавали его ознобом и жаром. Он с ужасающей ясностью понял, что вот от одного этого оборота рукоятки он становится врагом человечества. Это было чисто эстетическое переживание важности минуты.

Он даже снял было руку с рычажка и полез в карман за папиросами. И тогда его взволнованный мозг ответил на движение руки: «Ты медлишь, ты наслаждаешься, это — сумасшествие...»

Гарин закрутил магнето. В аппарате вспыхнуло и зашипело пламя. Он медленно стал поворачивать микрометрический винт.

74

Хлынов первый обратил внимание на странный клубочек света высоко в небе.

— А вот еще один, — сказал он тихо. Они остановились на половине дороги над обрывом и глядели, подняв головы. Пониже первого, над очертаниями деревьев, возник второй огненный клубок и, роняя искры, как догоревшая ракета, стал падать...

— Это горят птицы,—прошептал Вольф,— смотрите.

Над лесом на светлой полосе неба летел торопливо, неровным полетом, должно быть, козодой, кричавший давеча: «Сплю-сплю». Он вспыхнул, перевертываясь, и упал.

— Они задевают за проволоку.

— Какую проволоку?

— Разве не видите, Вольф?

Хлынов указал на светящуюся, прямую, как игла, нить. Она шла сверху от развалин по направлению заводов Анилиновой компании. Путь ее обозначался вспыхивающими листочками, горящими клубками птиц. Теперь она светилась ярко, — большой отрезок ее перерезывал черную стену сосен.

— Она опускается! — крикнул Вольф. И не окончил. Оба поняли, что это была за нить. В оцепенении они могли следить только за ее направлением. Первый удар луча пришелся по заводской трубе, — она заколебалась, надломилась посередине и упала. Но это было очень далеко, и звук падения не был слышен.

Почти сейчас же влево от трубы поднялся столб пара над крышей длинного здания, порозовел, перемешался с черным дымом. Еще левее стоял пятиэтажный корпус. Внезапно все окна его погасли. Сверху вниз, по всему фасаду, побежал огненный зигзаг, еще и еще...

Хлынов закричал, как заяц... Здание осело, рухнуло, его костяк закутался облаками дыма.

Тогда только Вольф и Хлынов кинулись обратно в гору, к развалинам замка. Пересекая извивающуюся дорогу, лезли на крутизны по орешнику и мелколесью. Падали, соскальзывая вниз. Рычали, ругались,— один по-русски, другой по-немецки. И вот до них долетел глухой звук, точно вздохнула земля.

Они обернулись. Теперь был виден весь завод, раскинувшийся на много километров. Половина зданий его пылала, как картонные домики. Внизу, у самого города, грибом поднимался серо-желтый дым. Луч гиперболоида бешено плясал среди этого разрушения, нащупывая самое главное — склады взрывчатых полуфабрикатов. Зарево разливалось на полнеба. Тучи дыма, желтые, бурые, серебряно-белые снопы искр взвивались выше гор.

— Ах, поздно! — закричал Вольф.

Было видно, как по меловым лентам дорог ползет из города какая-то живая каша. Полоса реки, отражающая весь огромный пожар, казалась рябой от черных точек. Это спасалось население, — люди бежали на равнину.

— Поздно, поздно! — кричал Вольф. Пена и кровь текли по его подбородку.

Спасаться было поздно. Травянистое поле между городом и заводом, покрытое длинными рядами черепичных кровель, вдруг поднялось. Земля вспучилась. Это первое, что увидели глаза. Сейчас же из-под земли сквозь щели вырвались бешеные языки пламени. И сейчас же из пламени взвился ослепительный, никогда никем не виданной яркости столб огня и раскаленного газа. Небо точно улетело вверх над всей равниной. Пространства заполнились зелено-розовым светом. Выступили в нем, точно при солнечном затмении, каждый сучок, каждый клок травы, камень и два окаменевших белых человеческих лица.

Ударило. Загрохотало. Поднялся рев разверзшейся земли. Сотряслись горы. Ураган потряс и пригнул деревья. Полетели камни, головни. Тучи дыма застлали и равнину.

Стало темно, и в темноте раздался второй, еще более страшный взрыв. Весь дымный воздух насытился мрачно-ржавым, гнойным светом.

Ветер, осколки камней, сучьев опрокинули и увлекли под кручу Хлынова и Вольфа.

75

— Капнтан Янсен, я хочу высаднться на берег.

— Есть.

— Я хочу, чтобы вы поехалн со мной.

Янсен покраснел от удовольствня. Через минуту шестнвесельная лакнрованная шлюпка легко упала с борта «Арнзоны» в прозрачную воду. Трн смугло-красных матроса соскользнули по канату на банкн. Поднялн весла, замерлн.

Янсен ждал у трапа. Зоя медлнла, — все еще глядела рассеянным взором на зыбкне от зноя очертання Неаполя, уходящего вверх террасамн, на терракотовые стены н башнн древней крепостн над городом, на ленние курящуюся вершнну Везувня. Было безветреино, и море — зеркально.

Множество лодок леиию двнгалось по заливу. В одной стоя греб кормовым веслом высокий старнк, похожнй на рнсунки Мнкеланджело. Седая борода падала на нзодранный, в заплатках, темный плащ, короной взлохмачены седые кудри. Через плечо — холщовая сума.

Это был нзвестный всему свету Пеппо, ннщий.

Он выезжал в собственной лодке проснть милостыню. Вчера Зоя швырнула ему с борта стодолларовую бумажку. Сегодня он снова направлял лодку к «Аризоне». Пеппо был последннм ромаитиком старой Италии, возлюбленной богамн н музамн. Все это ушло иевозвратно. Никто уж больше не плакал, счастливыми глазамн глядя иа старые камин. Сгиилн на полях войны те художинки, кто, бывало, платнл звоикнй золотой, рисуя Пеппо среди развалнн дома Цецнлия Юкундуса в Помпее. Мнр стал скучен.

Медленно поворачнвая весло, Пеппо проплыл вдоль зеленоватого от отсветов борта «Арнзоны», поднял великолепиое, как медаль, морщиннстое лнцо с косматыми бровямн и протянул руку. Он требовал жертвопрниошения. Зоя, перегнувшись внмз, спроснла его по-нтальянскн:

— Пеппо, отгадай, — чет нлн иечет?

— Чет, снньора.

Зоя бросила ему в лодку пачку иовенькнх ассигнацнй.

— Благодарю, прекрасная снньора, — величественно сказал Пеппо.

Больше нечего было медлнть. Зоя загадала на Пеппо: прнплывет к лодке старый нищнй, ответнт «чет», — все будет хорошо.

Все же мучилн дурные предчувствия: а вдруг в отеле «Сплендид» засада полнции? Но повелнтельиый голос звучал в ушах: «...Если вам дорога жнзнь вашего друга...» Выбора не было.

Зоя спустнлась в шлюпку. Янсен сел иа руль, весла взмахнулн, и набережная Санта Лючия полетела навстречу, — дома с наружными лестннцамн, с бельем и тряпьем на веревках, узкне улнчкн ступенямн в гору, полуголые ребятишки, женщнны у дверей, рыжие козы, устрнчные палатки у самой воды и рыбацкне сетн, раскннутые на граните.

Едва шлюпка коснулась зеленых свай набережной, сверху, по ступеням, полетела куча оборванцев, продавцов кораллов н брошек, агентов гостиннц. Размахнвая бнчамн, оралн парные нзвозчнкн, полуголые мальчншкн кувыркалнсь под ногамн, завывая, проснли сольдн у прекрасной форестьеры.

— «Сплендид», — сказала Зоя, садясь вместе с Янсеном в коляску.

76

У портье гостиннцы Зоя спроснла, нет лн корреспонденцни на нмя мадам Ламоль. Ей подалн радиотелефонограмму без подписи: «Ждните до вечера субботы». Зоя пожала плечамн, заказала комнаты и поехала с Янсеиом осматривать город. Янсен предложнл — музей.

Зоя скользнла скучающим взором по застывшнм навекн красавнцам Возрождения, — онн навьючнвалн на себя несгнбающуюся парчу, ие стрнглн волос, вндимо, не каждый деиь бралн ванну и гордилнсь такнмн мощнымн плечамн н бедрамн, которых бы постыднлась любая рыночная торговка в Париже. Еще скучиее было смотреть иа мраморные головы нмператоров, на лнца позеленевшей броизы — лежать бы нм в земле... на детскую порнографню помпейских фресок. Нет, у древиего Рима н у Возрождения был дурной вкус. Они не понималн остроты цннизма. Довольствовались разведеиным вниом, неторопливо целовалнсь с пышнымн и добродетельными женщннамн, гордилнсь мускуламн и храбростью. Онн с уваженнем волочили за собой прожитые века. Они не зиалн, что такое делать двестн километров в час на гоночной машние. Илн прн помощн автомобилей, аэроплаиов, электричества, телефонов, радно, лнфтов, модных портных н чековой кннжкн (в пятнадцать мнннут по чеку вы получаете золота столько, сколько не стонл весь древнй Рнм) выдавлнвать нз каждой мннуты жнзнн до последией капли все иаслаждения.

— Янсен, — сказала Зоя. (Капнтаи шел иа полшага сзадн, прямой, медно-красный, весь в белом, выглаженный н готовый иа любую глупость.) — Янсен, мы теряем время, мие скучно.

Оин поехалн в ресторан. Между блюдамн Зоя вставала, закндывала на плечн Янсену голую прекрасную руку и танцевала с ннчего ие выражающнм лнцом, с полузакрытымн векамн. На нее «бешено» обращалн вниманне. Танцы возбуждали аппетнт и жажду. У капитаиа дрожалн иоздрн, он глядел в тарелку, боясь выдать блеск глаз. Теперь он знал, какне бывают любовницы у мнллиардеров. Такой нежной, длиниой, нервной спнны нн разу еще ие ощущала его рука во время танцев, ноздрн ннкогда ие вдыхали такого благоухання кожн и духов. А голос — певучий н насмешлнвый... А умиа... А шнкарна...

Когда выходнли нз ресторана, Янсен спроснл:

— Где мне прикажете быть этой ночью — на яхте нлн в гостнннце?

Зоя взглянула на него быстро н странно н сейчас же отвернула голову, не ответнла.

77

Зоя опьянела от внна н танцев. «О-ла-ла, как будто я должна отдавать отчет». Входя в подъезд гостнннцы, она оперлась о каменную руку Янсена. Портье, подавая ключ, скверно усмехнулся черномазо-неаполнтанской рожей. Зоя вдруг насторожнлась:

— Какне-ннбудь новостн?

— О, ннкакнх, сньора.

Зоя сказала Янсену:

— Пойдnте в курнтельную, выкурнте папнросу, еслн вам не надоело со мной болтать, — я позвоню...

Она легко пошла по красному ковру лестннцы. Янсен стоял внизу. На повороте она обернулась, усмехнулась. Он, как пьяный, пошел в курнтельную н сел около телефона. Закурнл, — так велела она. Откннувшнсь, — представлял:

...Она вошла к себе... Сняла шляпу, белый суконный плащ... Не спеша, леннвымн, слегка неумелымн, как у подростка, двнженнямн начала раздеваться... Платье упало, она перешагнула через него. Остановнлась перед зеркалом... Соблазннтельная, всматрнвающаяся большнмн зрачкамн в свое отраженне... Да, да, она не торопнтся, — таковы женщнны... О, капнтан Янсен умеет ждать... Ее телефон — на ночном столнке... Стало быть, он увндит ее в постелн... Она оперлась о локоть, протянула руку к аппарату...

Но телефон не звоннл. Янсен закрыл глаза, чтобы не вндеть проклятого аппарата... Фу, в самом деле, нельзя же быть влюбленным, как мальчншка... А вдруг она передумала? Янсен вскочнл. Перед ннм стоял Роллннг. У капнтана вся кровь ударнла в лнцо.

— Капнтан Янсен, — проговорнл Роллннг скрнпучнм голосом, — благодарю вас за вашн заботы о мадам Ламоль, на сегодня она больше не нуждается в ннх. Предлагаю вам вернуться к вашнм обязанностям...

— Есть, — однмн губамн пронзнес Янсен.

Роллннг снльно нзменнлся за этот месяц, — лнцо его потемнело, глаза ввалнлнсь, бородка черно-рыжеватой щетнной расползлась по щекам. Он был в теплом пнджаке, карманы на груди топорщнлнсь, набнтые деньгамн н чековымн кннжкамн... «Левой в внсок, — правой нанскось, в скулу, н — дух вон нз жабы...» — железные кулакн у капнтана Янсена налнвалнсь злобой. Будь Зоя здесь в эту секунду, взглянн на капнтана, от Роллннга остался бы мешок костей.

— Я буду через час на «Арнзоне», — нахмурясь, повелнтельно сказал Роллинг.

Янсен взял со стола фуражку, надвннул глубоко, вышел. Вскочнл на нзвозчнка: «На набережную!» Казалось, каждый прохожнй усмехался, глядя на него: «Что, надавалн по щекам!» Янсен сунул нзвозчнку горсть мелочн н кннулся в шлюпку: «Гребн, собачьн детн». Взбежав по трапу на борт яхты, зарычал на помощннка: «Хлев на палубе!» Заперся на ключ у себя в каюте н, не снимая фуражкн, упал на койку. Он тнхо рычал.

Ровно через час послышался оклнк вахтенного, н ему ответнл с воды слабый голос. Заскрнпел трап. Весело, звонко крнкнул помощник капнтана:

— Свнстать всех наверх!

Прнехал хозянн. Спастн остаткн самолюбня можно было, только встретнв Роллннга так, будто ннчего не пронзошло на берегу. Янсен достойно н спокойно вышел на мостнк. Роллинг поднялся к нему, прнннял рапорт об отлнчном состояннн судна н пожал руку. Офнцнальная часть была кончена. Роллннг закурнл снгару, — маленькнй, сухопутный, в теплом темном костюме, оскорбляющем нзящество «Арнзоны» н небо над Неаполем.

Была уже полночь. Между мачтамн н реямн горелн созвездня. Огнн города н судов отражалнсь в черной, как базальт, воде залнва. Взвыла н замерла снрена букснрного пароходнка. Закачалнсь вдалн маслянисто-огненные столбы.

Роллннг, казалось, был поглощен снгарой, — понюхивал ее, пускал струйкн дыма в сторону капнтана. Янсен, опустнв руки, офнцнально стоял перед ннм.

— Мадам Ламоль пожелала остаться на берегу, — сказал Роллннг, — это капрнз, но мы, амернканцы, всегда уважаем волю женщнны, будь это даже явное сумасбродство.

Капнтан прннужден был наклоннть голову, согласнться с хозянном. Роллннг поднес к губам левую руку, пососал кожу на верхней стороне ладонн.

— Я останусь на яхте до утра, быть может, весь завтрашннй день... Чтобы мое пребыванне не было нстолковано как-ннбудь вкрнвь н вкось... (Пососав, он поднес руку к свету нз открытой дверн каюты.) Э, так вот... вкрнвь н вкось... (Янсен глядел теперь на его руку, на ней былн следы от ногтей.) Удовлетворяю ваше любопытство: я жду на яхту одного человека. Но он меня здесь не ждет. Он должен прнбыть с часу на час. Распорядитесь немедленно донестн мне, когда он поднnмется на борт. Покойной ночн.

У Янсена пылала голова. Он снлнлся чтоннбудь понять. Мадам Ламоль осталась на берегу. Зачем? Капрнз... Илн она ждет его? Нет, — а свежне царапнны на руке хозянна... Что-то случнлось... А вдруг она лежнт на кроватн с перерезанным горлом? Илн в мешке на дне залнва? Мнллнардеры не стесняются.

За ужнном в кают-компаннн Янсен потребовал стакан внскн без содовой, чтобы какнибудь прояснnло мозгн. Помощннк капнтана рассказывал газетную сенсацню — чудовнщный взрыв в германскнх заводах Аннлнновой компанин, разрушенне блнзлежащего городка н гнбель более чем двух тысяч человек.

Помощннк капнтана говорнл:

— Нашему хозянну адскн везет. На гнбелн аннлнновых заводов он зарабатывает столько, что купнт всю Германню вместе с

потрохамн, Гогенцоллернамн н соцнал-демократами. Пью за хозяиниа.

Янсеи унес газеты к себе в каюту. Внимательно прочитал описаиие взрыва и разные, одно иелепее другого, предположеиия о причинах его. Именем Роллинга пестрели столбцы. В отделе мод указывалось, что с будущего сезоиа в моде — борода, покрывающая щеки, и высокий котелок вместо мягкой шляпы. В «Экзельснор» иа первой страиице — фотография «Аризоиы» и в овале—прелестиая голова мадам Ламоль. Глядя иа иее, Янсеи потерял присутствие духа. Тревога его все росла.

В два часа ночи ои вышел из каюты н увидел Роллинга иа верхией палубе, в кресле. Янсеи вериулся в каюту. Сбросил платье, на голое тело иадел легкий костюм из тончайшей шерсти, фуражку, башмаки и бумажник завязал в резииовый мешок. Пробили склянки — три. Роллниг все еще сидел в кресле. В четыре он продолжал сидеть в кресле, ио силуэт его с ушедшей в плечи головой казался неживым, — ои спал. Через минуту Янсеи иеслышно спустился по якорной цепи в воду и поплыл к иабережной.

78

— Мадам Зоя, ие беспокойте себя напрасно: телефои и звоики перерезаны.

Зоя опять присела иа край постели. Злая усмешка дергала ее губы. Стась Тыклииский развалился посреди комнаты в кресле, — крутил усы, рассматривал свои лакированные полуботинки. Курить ои все же ие смел, — Зоя решительио запретила, а Роллинг строго иаказал проявлять вежливость с дамой.

Он пробовал рассказывать о своих любовиых похождениях в Варшаве н Париже, ио Зоя с таким презрением смотрела в глаза, что у него деревеиел язык. Приходилось помалкивать. Было уже около пяти утра. Все попытки Зои освободиться, обмаиуть, обольстить не привели ни к чему.

— Все равио, — сказала Зоя, — так или иначе я дам зиать полиции.

— Прислуга в отеле подкуплеиа, даиы очеиь большие деньги.

— Я выбью окно н закрнчу, когда на улице будет много иароду.

— Это тоже предусмотрено. И даже врач ианят, чтобы установнть вашн нервные прнпадкн. Мадам, вы, так сказать, для виешнего света иа положеннн жены, пытающейся обмаиуть мужа. Вы — вие закона. Ннкто ие поможет н не поверит. Сиднте смирно.

Зоя хрустиула пальцами н сказала по-русски:

— Мерзавец. Полячишка. Лакей. Хам.

Тыклииский стал надуваться, усы полезли дыбом. Но ввязываться в ругань не было прнказаио. Он проворчал:

— Э, знаем, как ругаются бабы, когда нх хваленая красота не может подействовать. Мие жалко вас, мадам. Но суткн, а то н двое, придется иам здесь проснднть в тет-а-тете. Лучше лягте, успокойте ваши иервы... Бай-бай, мадам.

К его удивленню, Зоя на этот раз послушалась. Сбросила туфелькн, легла, устроилась на подушках, закрыла глаза.

Сквозь ресницы она видела толстое, сердитое, виимательио иаблюдающее за ией лицо Тыклниского. Оиа зевиула раз, другой, положила руку под щеку.

— Устала, пусть будет что будет, — проговорила оиа тихо и опять зевиула.

Тыклннский удобиее устронлся в кресле. Зоя ровио дышала. Через иекоторое время он стал тереть глаза. Встал, прошелся, — привалился к косяку. Видимо, решил бодрствовать стоя.

Тыклиниский был глуп. Зоя выведала от иего все, что было иужно, н теперь ждала, когда ои заснет. Торчать у дверей было трудио. Он еще раз осмотрел замок н вериулся к креслу.

Через минуту у него отвалилась жирная челюсть. Тогда Зоя соскользнула с постелн. Быстрым движеиием вытащила ключ у него из жилетного кармана. Подхватила туфельки. Вложила ключ,—тугой замок иеожидаиио заскрипел.

Тыклииский вскрикнул, как в кошмаре: «Кто? Что?» Рваиулся с кресла. Зоя распахнула дверь. Но ои схватил ее за плечи. И сейчас же оиа впилась в его руку, с наслаждением прокусила кожу.

— Песья девка, курва! — заорал ои по-польскн. Ударил колеикой Зою в поясницу. Повалил. Отпихивая ее ногой в глубь комнаты, снлился закрыть дверь. Но — что-то ему мешало. Зоя видела, как шея его иалилась кровью.

— Кто там? — хрипло спроснл ои, иаваливаясь плечом.

Но его ступии продолжали скользнть по паркету, — дверь медлеиио растворялась. Ои торопливо тащил нз задиего кармаиа револьвер и вдруг отлетел на середину комнаты.

В двери стоял капитаи Янсеи. Мускулистое тело его облипала мокрая одежда. Секунду ои глядел в глаза Тыклииcкому. Стремнтельио, точно падая, кииулся вперед. Удар, иазначавшийся Роллиигу, обрушился на поляка: двойиой удар, — тяжестью корпуса иа вытяиутую левую — в переиосицу — и со всем размахом плеча правой рукой сннзу в челюсть. Тыклииский без крнка опрокииулся на ковер. Лицо его было разбито н изломаио.

Третьим движеиием Янсен повернулся к мадам Ламоль. Все мускулы его танцевалн.

— Есть, мадам Ламоль.

— Янсеи, как можно скорее, — на яхту.

— Есть на яхту.

Она закннула, как давеча в ресторане, локоть ему за шею. Не целуя, прндвннула рот почтн вплотиую к его губам:

— Борьба только началась, Янсеи. Самое опасиое впередн.

— Есть самое опасное впереди.

79

— Извозчик, гоин, гоии вовсю... Я слушаю, мадам Ламоль... Итак... Покуда я ждал в курительиой...

— Я поднялась к себе. Сняла шляпу н плащ...

— Знаю.

— Откуда?

Рука Янсена задрожала за ее спиной. Зоя ответнла ласковым движеннем.

— Я не заметнла, что шкаф, которым была заставлеиа дверь в соседннй номер, отодвннут. Не успела я подойтн к зеркалу, открывается дверь, н — передо мной Роллинг... Но я ведь зиала, что вчера еще он был в Париже. Я знала, что он до ужаса боится летать по воздуху... Но еслн он здесь, зиачит, для него действительно вопрос жнзни или смертн... Теперь я поняла, что он задумал... Но тогда я просто пришла в ярость. Заманить, устроить мне ловушку... Я ему наговорила черт знает что... Он зажал уши и вышел...

— Он спустнлся в курительную и отослал меня на яхту...

— В том-то н дело... Какая я дура!.. А все эти таицы, вино, глупости... Да, да, милый друг, когда хочешь бороться — глупостн нужно оставить... Через две-трн минуты он вериулся. Я говорю: объяснимся... Он, — наглым голосом, каким никогда не смел со мной говорить: «Мне объяснять нечего, вы будете сидеть в этой комнате, покуда я вас не освобожу...» Тогда я надавала ему пощечин...

— Вы настоящая женщнна, — с восхнщеиием сказал Янсен.

— Ну, мнлый друг, это была вторая моя глупость. Но какой трус!.. Снес четыре оплеухи... Стоял с трясущнмнся губамн... Только попытался удержать мою руку, но это ему дорого обошлось. И, наконец, третья глупость: я заревела...

— О, негодяй, негодяй!..

— Подождите вы, Янсен... У Роллинга ндиосникразня к слезам, его корчит от слез... Он предпочел бы еще сорок пощечин... Тогда он позвал поляка, — тот стоял за дверью. У инх все было условлено. Поляк сел в кресло. Роллнкг сказал мне: «В внде крайней меры — ему приказано стрелять». И ушел. Я принялась за поляка. Через час мне был ясен во всех подробностях предательскнй плаи Роллнига. Янсен, мнлый, дело идет о моем счастье... Еслн вы мне не поможете, все пропало... Гоннте, гоннте нзвозчнка...

Коляска пролетела по набережной, пустынной в этот час перед рассветом, и остановилась у гранитной лестнницы, где вннзу поскрипывало несколько лодок на черио-маслянистой воде.

Немного спустя Янсеи, держа иа руках драгоцеиную мадам Ламоль, неслышио поднялся по брошенной с кормы веревочной лестнице на борт «Арнзоны».

80

Роллннг проснулся от утреннего холода. Палуба была мокрая. Побледнели огнн на мачтах. Залив и город былн еще в тенн, но дым над Везувнем уже розовел.

Роллиит оглядывал сторожевые огни, очертання судов. Подошел к вахтеиному, постоял около него. Фыркнул носом. Поднялся на капитанский мостик. Сейчас же из каюты вышел Янсен, свежнй, вымытый, выглаженный. Пожелал доброго утра. Роллннг фыркнул носом — несколько более вежливо, чем вахтенному.

Затем он долго молчал, крутнл пуговицу на пиджаке. Это была дурная прнвычка, от которой его когда-то отучала Зоя. Но теперь ему было все равно. К тому же, наверно, на будущий сезон в Парнже будет в моде — крутить пуговнцы. Портные прндумают даже специальные пуговицы для кручення.

Он спросил отрывнсто:

— Утопленннки всплывают?

— Еслн не прнвязывать груза, — спокойно ответил Янсен.

— Я спрашиваю: на море, еслн человек утонул, значнт — утонул?

— Бывает, — неосторожное двнжеине, нли снесет волна, нлн нная какая случайность — все это относится в разряд утонувшнх. Власти обычно не суют носа.

Роллинг дернул плечом.

— Это все, что я хотел знать об утопленннках. Я иду к себе в каюту. Если подойдет лодка, повторяю, не сообщать, что я на борту. Прннять подъехавшего н доложнть мне.

Он ушел. Янсен вернулся в каюту, где за синими задернутыми шторками на капнтанской койке спала Зоя.

81

В девятом часу к «Аризоне» подошла лодка. Греб какой-то веселый оборванец, подняв весла, он крикнул:

— Алло... Яхта «Арнзона»?

— Предположнм, что так, — ответил датчаннн-матрос, перегнувшись через фальшборт.

— Имеется на вашей посудние некнй Роллннг?

— Предположим.

Оборванец открыл улыбкой велнколепные зубы:

— Держн.

Ои ловко броснл на палубу письмо, матрос подхватил его, оборванец щелкнул языком:

— Матрос, соленые глаза, дай снгару.

И пока датчаннн раздумывал, чем бы в него запустнть с борта, тот уже отплыл н, приплясывая в лодке н кривляясь от неудержнмой радостн жизнн в такое горячее утро, запел во все горло.

Матрос поднял пнсьмо, понес его капнтану. (Таков был приказ.) Янсен отодвинул шторку, наклоннлся над спящей Зоей. Оиа открыла глаза, еще полные сна.

— Он здесь?

Янсен подал пнсьмо. Зоя прочла:

«Я жестоко ранен. Будьте мнлосердны. Я боролся, как лев, за ваши ннтересы, но случнлось невозможное: мадам Зоя на свободе. Прнпадаю к вашнм...»

Не дочнтав, Зоя разорвала письмо.

— Теперь мы можем ожидать его спокойио. (Оиа взглянула на Янсена, протянула ему

руку.) Янсен, милый, нам нужно условиться. Вы мне нравитесь. Вы мне нужны. Стало быть, неизбежное должно случиться...

Она коротко вздохнула:

— Я чувствую, — с вами будет много хлопот. Милый друг, это все лишнее в жизни — любовь, ревность, верность... Я знаю — влечение. Это стихия. Я так же свободна отдавать себя, как и вы брать, — запомните, Янсен. Заключим договор: либо я погибну, либо я буду властвовать над миром. (У Янсена поджались губы, Зое понравилось это движение.) Вы будете орудием моей воли. Забудьте сейчас, что я — женщина. Я фантастка. Я авантюристка, — понимаете вы это? Я хочу, чтобы все было мое. (Она описала руками круг.) И тот человек, единственный, кто может мне дать это, должен сейчас прибыть на «Аризону». Я жду его, и ждет Роллинг...

Янсен поднял палец, оглянулся. Зоя задернула шторки. Янсен вышел на мостик. Там стоял, вцепившись в перила, Роллинг. Лицо его, с криво и плотно сложенным ртом, было искажено злобой. Он всматривался в еще дымную перспективу залива.

— Вот он, — с трудом проговорил Роллинг, протягивая руку, и палец его повис крючком над лазурным морем, — вон в той лодке.

И он торопливо, наводя страх на матросов, кривоногий, похожий на краба, побежал по лестнице с капитанского мостика и скрылся у себя внизу. Оттуда по телефону он подтвердил Янсену давешний приказ — взять на борт человека, подплывающего на шестивесельной лодке.

82

Никогда не случалось, чтобы Роллинг отрывал пуговицы на пиджаке. Сейчас он открутил все три пуговицы. Он стоял посреди пышной, устланной ширазскими коврами, отделанной драгоценным деревом каюты и глядел на стенные часы.

Оборвав пуговицы, он принялся грызть ногти. С чудовищной быстротой он возвращался в первоначальное дикое состояние. Он слышал оклик вахтенного и ответ Гарина с лодки. У него вспотели руки от этого голоса.

Тяжелая лодка ударилась о борт. Раздалась дружная ругань матросов. Заскрипел трап, застучали шаги. «Бери, подхватывай... Осторожнее... Готово... Куда нести?» — Это грузили ящики с гиперболоидами. Затем все утихло.

Гарин попался в ловушку. Наконец-то! Роллинг взялся холодными влажными пальцами за нос и издал шипящие, кашляющие звуки. Люди, знавшие его, утверждали, что он никогда в жизни не смеялся. Неправда! Роллинг любил посмеяться, но без свидетелей, наедине, после удачи и именно так, беззвучно.

Затем по телефону он вызвал Янсена:

— Взяли на борт?

— Да.

— Проведите его в нижнюю каюту и заприте на ключ. Постарайтесь сделать это чисто, без шума.

— Есть, — бойко ответил Янсен. Что-то уж слишком бойко, Роллингу это не понравилось.

— Алло, Янсен?

— Да.

— Через час яхта должна быть в открытом море.

— Есть.

На яхте началась беготня. Загрохотала якорная цепь. Заработали моторы. За иллюминатором потекли струи зеленоватой воды. Стал поворачиваться берег. Влетел влажный ветер в каюту. И радостное чувство скорости разлилось по всему стройному корпусу «Аризоны».

Разумеется, Роллинг понимал, что совершает большую глупость. Но не было прежнего Роллинга, холодного игрока, несокрушимого буйвола, непременного посетителя воскресной проповеди. Он поступал теперь так или иначе не потому, что это было выгодно, а потому, что мука бессонных ночей, ненависть к Гарину, ревность искали выхода: растоптать Гарина и вернуть Зою.

Даже невероятная удача — гибель заводов Анилиновой компании — прошла как во сне. Роллинг даже не поинтересовался, сколько сотен миллионов отсчитали ему двадцать девятого биржи всего мира.

В этот день он ждал Гарина в Париже, как было условлено. Гарин не приехал. Роллинг предвидел это и тридцатого бросился на аэроплане в Неаполь.

Теперь Зоя была убрана из игры. Между ним и Гариным никто не стоял. Расправа продумана была до мелочей. Роллинг закурил сигару. Он нарочно несколько медлил. Он вышел из каюты в коридор. Отворил дверь на нижнюю палубу, — там стояли ящики с аппаратами. Два матроса, сидевшие на них, вскочили. Он отослал их в кубрик.

Захлопнув дверь на нижнюю палубу, он не спеша пошел к противоположной двери, в рубку. Взявшись за дверную ручку, заметил, что пепел на сигаре надломился. Роллинг самодовольно улыбнулся, мысли были ясны, давно он не ощущал такого удовлетворения.

Он распахнул дверь. В рубке, под хрустальным колпаком верхнего света, сидели, глядя на вошедшего, Зоя, Гарин и Шельга. Тогда Роллинг отступил в коридор. Он задохнулся, мозг его будто мгновенно взболтали ложкой. Нос вспотел. И, что было уже совсем чудовищно, он улыбнулся жалко и глупо, совсем как служащий, накрытый за подчищиванием бухгалтерской книги (был с ним такой случай лет двадцать пять назад).

— Добрый день, Роллинг, — сказал Гарин, вставая, — вот и я, дружище.

83

Произошло самое страшное — Роллинг попал в смешное положение.

Что можно было сделать? Скрежетать зубами, бушевать, стрелять? Еще хуже, еще глупее... Капитан Янсен предал его, — ясно. Команда ненадежна... Яхта в открытом море.

Усилием воли (у него даже скрипнуло что-то внутри) Роллинг согнал с лица проклятую улыбку.

— А! — Он поднял руку и помотал ею, приветствуя: — А, Гарин... Что же, захотели проветриться? Прошу, рад... Будем веселиться...

Зоя сказала резко:

— Вы скверный актер, Роллинг. Перестаньте потешать публику. Входите и садитесь. Здесь все свои, — смертельные враги. Сами виноваты, что приготовили себе такое веселенькое общество для прогулки по Средиземному морю.

Роллинг оловянными глазами взглянул на нее.

— В больших делах, мадам Ламоль, нет личной вражды или дружбы.

И он сел к столу, точно на королевский трон, — между Зоей и Гариным. Положил руки на стол. Минуту длилось молчание. Он сказал:

— Хорошо, я проиграл игру. Сколько я должен платить?

Гарин ответил, блестя глазами, улыбкой, готовый, кажется, залиться самым добродушным смехом:

— Ровно половину, старый дружище, половину, как было условлено в Фонтенебло. Вот и свидетель. — Он махнул бородкой в сторону Шельги, мрачно барабанящего ногтями по столу. — В бухгалтерские книги ваши я залезать не стану. Но на глаз — миллиард в долларах, конечно, в окончательный расчет. Для вас эта операция пройдет безболезненно. Вы же загребли чертовы деньги в Европе.

— Миллиард будет трудно выплатить сразу,— ответил Роллинг. — Я обдумаю. Хорошо. Сегодня же я выеду в Париж. Надеюсь, в пятницу, скажем, в Марселе, я смогу выплатить большую часть этой суммы...

— Ай, ай, ай, — сказал Гарин, — но вы-то, старина, получите свободу только после уплаты.

Шельга быстро взглянул на него, промолчал. Роллинг поморщился, как от глупой бестактности:

— Я должен понять так, что вы меня намерены задержать на этом судне?

— Да.

— Напоминаю, что я, как гражданин Соединенных Штатов, неприкосновенен. Мою свободу и мои интересы будет защищать весь военный флот Америки.

— Тем лучше! — крикнула Зоя гневно и страстно. — Чем скорее, тем лучше!..

Она поднялась, протянула руки, сжала кулаки так, что побелели косточки.

— Пусть весь ваш флот — против нас, весь свет встанет против нас. Тем лучше!

Ее короткая юбка разлетелась от стремительного движения. Белая морская куртка с золотыми пуговичками, маленькая, по-юношески остриженная голова Зои и кулачки, в которых она собиралась стиснуть судьбу мира, серые глаза, потемневшие от волнения, взволнованное лицо — все это было и забавно и страшно.

— Должно быть, я плохо расслышал вас, сударыня, — Роллинг всем телом повернулся к ней, — вы собираетесь бороться с военным флотом Соединенных Штатов? Так вы изволили выразиться?

Шельга бросил барабанить ногтями. В первый раз за этот месяц ему стало весело. Он даже вытянул ноги и развалился, как в театре.

Зоя глядела на Гарина, взгляд ее темнел еще больше.

— Я сказала, Петр Петрович... Слово за вами...

Гарин заложил руки в карманы, встал на каблуки, покачиваясь и улыбаясь красным, точно накрашенным, ртом. Весь он казался фатоватым, несерьезным. Одна Зоя угадывала его стальную, играющую от переизбытка, преступную волю.

— Во-первых, — сказал он и поднялся на носки, — мы не питаем исключительной вражды именно к Америке. Мы постараемся потрепать любой из флотов, который попытается выступить с агрессивными действиями против меня. Во-вторых, — он перешел с носков на каблуки, — мы отнюдь не настаиваем на драке. Если военные силы Америки и Европы признают за нами священное право захвата любой территории, какая нам понадобится, право суверенности и так далее и так далее, — тогда мы оставим их в покое, по крайней мере, в военном отношении. В противном случае с морскими и сухопутными силами Америки и Европы, с крепостями, базами, военными складами, главными штабами и прочее и прочее будет поступлено беспощадно. Судьба анилиновых заводов, я надеюсь, убеждает вас, что я не говорю на ветер.

Он пошлепал Роллинга по плечу.

— Алло, старина, а ведь было время, когда я просил вас войти компаньоном в мое предприятие... Фантазии не хватило, а все от того, что высокой культуры у вас нет. Это что — раздевать биржевиков да скупать заводы. Старинушка-матушка... А настоящего человека — прозевали... Настоящего организатора ваших дурацких миллиардов.

Роллинг начал походить на разлагающегося покойника. С трудом выдавливая слова, он прошипел:

— Вы анархист...

Тут Шельга, ухватившись здоровой рукой за волосы, принялся так хохотать, что наверху за стеклянным потолком появилось испуганное лицо капитана Янсена. Гарин повернулся на каблуках и опять — Роллингу:

— Нет, старина, у вас плохо стал варить котелок. Я — не анархист... Я тот самый великий организатор, которого вы в самом ближайшем времени начнете искать днем с фонарем... Об этом поговорим на досуге. Пишите чек... И полным ходом — в Марсель.

84

В ближайшие дни произошло следующее: «Аризона» бросила якорь на внешнем рейде в Марселе. Гарин предъявил в банке Лион-

ского кредита чек Роллинга на двадцать миллионов фунтов стерлингов. Директор банка в панике выехал в Париж.

На «Аризоне» было объявлено, что Роллинг болен. Он сидел под замком у себя в каюте, и Зоя неусыпно следила за его изоляцией. В продолжение трех суток «Аризона» грузилась жидким топливом, водой, консервами, вином и прочим. Матросы и зеваки на набережной немало дивились, когда к «шикарной кокотке» пошла шаланда, груженная мешками с песком. Говорили, будто яхта идет на Соломоновы острова, кишащие людоедами. Капитаном Янсеном было закуплено оружие — двадцать карабинов, револьверы, газовые маски.

В назначенный день Гарин и Янсен снова явились в банк. Их встретил товарищ министра финансов, экстренно прибывший из Парижа. Рассыпаясь в любезностях и не сомневаясь в подлинности чека, он все же пожелал видеть самого Роллинга. Его отвезли на «Аризону».

Роллинг встретил его совсем больной, с провалившимися глазами. Он едва мог подняться с кресла. Он подтвердил, что чек выдан им, что он уходит на яхте в далекое путешествие и просит поскорее кончить все формальности.

Товарищ министра финансов, взявшись за спинку стула и жестикулируя наподобие Камилла Демулена, произнес речь о великом братстве народов, о культурной сокровищнице Франции и попросил отсрочку платежа.

Роллинг, закрыв устало глаза, покачал головой. Покончили на том, что Лионский кредит выплатит треть суммы в фунтах, остальные — во франках по курсу.

Деньги привезены были к вечеру на военном катере. Затем, когда посторонние были удалены, на капитанском мостике появились Гарин и Янсен.

— Свистать всех наверх.

Команда выстроилась на шканцах, и Янсен сказал твердым и суровым голосом:

— Матросы, яхта, называемая «Аризона», отправляется в чрезвычайно опасное и рискованное плавание. Будь я проклят, если я поручусь за чью-либо жизнь, за жизнь владельцев и целость самого судна. Вы меня знаете, акульи дети... Жалованье я увеличиваю вдвое, так же удваиваются обычные премии. Всем, кто вернется на родину, будет дана пожизненная пенсия. Даю срок на размышление до захода солнца. Не желающие рисковать могут уносить свои подошвы.

Вечером восемь человек из команды сошли на берег. В ту же ночь команду пополнили восемью отчаянными негодяями, которых капитан Янсен сам разыскал в портовых кабаках.

Через пять дней яхта легла на рейде в Саутгемптоне, и Гарин и Янсен предъявили в Английском королевском банке чек Роллинга на двадцать миллионов фунтов. (В палате по этому поводу был сделан мягкий запрос лидером рабочей партии.) Деньги выдали. Газеты взвыли. Во многих городах произошли рабочие демонстрации. Журналисты рванулись в Саутгемптон. Роллинг не принял никого. «Аризона» взяла жидкого топлива и пошла через океан.

Через двенадцать дней яхта стала в Панамском канале и послала радио, вызывая к аппарату главного директора «Анилин Роллинг»—Мак Линнея. В назначенный час Роллинг, сидя в радиорубке под дулом револьвера, отдал приказ Мак Линнею выплатить подателю чека, мистеру Гарину, сто миллионов долларов. Гарин выехал в Нью-Йорк и возвратился с деньгами и самим Мак Линнеем. Это была ошибка. Роллинг говорил с директором ровно пять минут в присутствии Зои, Гарина и Янсена. Мак Линней уехал с глубоким убеждением, что дело нечисто.

Затем «Аризона» стала крейсировать в пустынном Карибском море. Гарин разъезжал по Америке по заводам, зафрахтовывал пароходы, закупал машины, приборы, инструменты, сталь, цемент, стекло. В Сан-Франциско происходила погрузка. Доверенный Гарина заключал контракты с инженерами, техниками, рабочими. Другой доверенный выехал в Европу и вербовал среди остатков русской белой армии пятьсот человек для несения полицейской службы.

Так прошло около месяца. Роллинг ежедневно разговаривал по радио с Нью-Йорком, Парижем, Берлином. Его приказы были суровы и неумолимы. После гибели анилиновых заводов европейская химическая промышленность перестала сопротивляться. «Анилин Роллинг» — значилось на всех фабриках. Это было клеймо — желтый круг с тремя черными полосками и надписью: наверху — «Мир», внизу — «Анилин Роллинг Компани». Начинало походить на то, что каждый европеец должен быть проштемпелеван этим желтым кружочком. Так «Анилин Роллинг» шел на приступ сквозь дымящиеся развалины заводов Анилиновой компании.

Колониальным, жутким запашком тянуло по всей Европе. Гасли надежды. Не возвращались веселье и радость. Гнили бесчисленные сокровища духа в пыльных библиотеках. Желтое солнце с тремя черными полосками озаряло нежным светом громады городов, трубы и дымы, рекламы, рекламы, рекламы, выпивающие кровь у людей, и в кирпичных проплеванных улицах и переулках, между витрин, реклам, желтых кругов и кружочков — человеческие лица, искаженные гримасой голода, скуки и отчаяния.

Валюты падали. Налоги поднимались. Долги росли. И священной законности, повелевавшей чтить долг и право, ударило в лоб желтое клеймо. Платить.

Деньги текли ручейками, ручьями, реками в кассы «Анилин Роллинг». Директора «Анилин Роллинг» вмешивались во внутренние дела государств, в международную политику. Они составляли как бы орден тайных правителей.

Гарин носился из конца в конец по Соединенным Штатам с двумя секретарями, инженерами, пишущими барышнями и сворой рас-

сыльных. Он работал двадцать часов в сутки. Никогда не спрашивал цен и не торговался.

Мак Линней с тревогой и изумлением следил за ним. Он не понимал, для чего все это покупается и грузится и зачем с таким безрассудством расшвыриваются миллионы Роллинга. Секретарь Гарина, одна из пишущих барышень и двое рассыльных были агентами Мак Линнея. Они ежедневно посылали ему в Нью-Йорк подробный отчет. Но все же трудно было что-либо понять в этом вихре закупок, заказов и контрактов.

В начале сентября «Аризона» опять появилась в Панамском канале, взяла на борт Гарина и, выйдя в Тихий океан, исчезла в направлении на юго-запад.

В том же направлении, двумя неделями позже, вышли десять груженых кораблей с запечатанными приказами.

85

Океан был неспокоен. «Аризона» шла под парусами. Были поставлены гроты и кливера, — все паруса, кроме марселей. Узкий корпус яхты, — скорлупка с парусами, наполненными ветром, со звенящими, поющими вантами, — то скрывался до верхушек мачт между волнами, то взмывал на гребне, отряхивая пену.

Тент был убран. Люки задраены. Шлюпки подняты на палубу и закреплены. Мешки с песком, положенные вдоль обоих бортов, увязаны проволокой. На баке и на юте установлены две решетчатые башни с круглыми, как котлы, камерами на верхних площадках. Башни эти, покрытые брезентами, придавали «Аризоне» странный профиль полувоенного судна.

На капитанском мостике, куда долетали только брызги волн, стояли Гарин и Шельга. На обоих — кожаные плащи и шляпы. Рука Шельги была освобождена от гипса, но пока еще годилась только на то, чтобы взять коробку спичек да вилку за столом.

— Вот океан, — сказал Гарин, — и ничтожное суденышко, кристаллик человеческого гения и воли... Летим, товарищ Шельга, хоть ты что... Боремся... А волны какие... Гляньте — горы.

Огромная волна шла с правого борта. Кипящий гребень ее рос и пенился. Под ним все круче выгибалась стеклянно-зеленая вогнутая поверхность в жгутах пены. Гребень закручивался. «Аризона» ложилась на левый борт. Пел дикий ветер между парусами, вынося кораблик из бездны. И он, совсем ложась, показывая красное днище до киля, наискось, по вогнутой поверхности вылетел на гребень волны и скрылся в шумящей пене. Исчезли палуба, и шлюпки, и бак, погрузилась до купола решетчатая мачта на баке. Вода кипела кругом капитанского мостика.

— Здорово! — крикнул Гарин.

«Аризона» выпрямилась, вода схлынула с палубы, кливера плеснули, и она понеслась вниз по уклону волны.

— Так и человек, товарищ Шельга, так и человек в человеческом океане... Я вот страстно полюбил это суденышко... Разве мы не похожи?.. У обоих грудь полна ветром... А?

Шельга пожал плечами, не ответил. Не спорить же с этим — влюбленным в себя до восторга... Пусть упивается, — сверхчеловек, да и только. Недаром он и Роллинг нашли на земле друг друга: лютые враги, а одному без другого не дыхнуть. Химический король порождает из своего чрева этого воспаленного преступными идеями человечка, — тот, в свою очередь, оплодотворяет чудовищной фантазией Роллингову пустыню. Кол им обоим в глотку!

Действительно, трудно было понять, почему до сих пор Роллинга не жрут акулы. Дело свое он сделал, — не миллиард, но триста миллионов долларов Гарин получил. Теперь бы и концы в воду. Но нет, что-то еще более прочное связывало этих людей.

Не понимал Шельга также, почему и его не спихнули за борт в Тихом океане. Тогда, в Неаполе, он был нужен Гарину как третье лицо и свидетель. Явись Гарин один в Неаполе на «Аризону», могли случиться неожиданные неприятности. Но устранить сразу двоих Роллингу было бы гораздо труднее. Все это ясно. Гарин выиграл партию.

Зачем же ему теперь Шельга? Во время крейсерства в Караибском море были еще строгости. Здесь же, в океане, за Шельгой никто не следил, и он делал, что хотел. Присматривался. Прислушивался. И ему начинали мерещиться кое-какие выходы из скверного положения.

Перегон по океану был похож на увеселительную прогулку. Завтраки, обеды и ужины обставлялись с роскошью. За стол садились Гарин, мадам Ламоль, Роллинг, капитан Янсен, помощник капитана, Шельга, инженер Чермак — чех (помощник Гарина), щупленький, взъерошенный, болезненный человек, с бледными пристальными глазами и реденькой бородкой, и второй помощник — химик, немец Шефер, костлявый, застенчивый молодой человек, еще недавно умиравший с голоду в Сан-Франциско.

В этой странной компании смертельных врагов, убийц, грабителей, авантюристов и голодных ученых — во фраках, с бутоньерками в петлицах, — Шельга, как и все, — во фраке, с бутоньеркой, спокойно помалкивал, ел и пил со вкусом.

Сосед справа однажды пустил в него четыре пули, сосед слева — убийца трех тысяч человек, напротив — красавица, бесовка, какой еще не видал свет.

После ужина Шефер садился за пианино, мадам Ламоль танцевала с Янсеном. Роллинг оставался обычно у стола и глядел на танцующих. Остальные поднимались в курительный салон. Шельга шел курить трубку на палубу. Его никто не удерживал, никто не замечал. Дни проходили однообразно. Суровому океану не было конца. Катились волны так же, как миллионы лет тому назад.

Сегодня Гарин, сверх обыкновения, вышел вслед за Шельгой на мостик и заговорил с

иим по-приятельски, будто иичего и не произошло с тех пор, как они сидели на скамеечке иа бульваре Профсоюзов в Лениираде. Шельга иасторожился. Гарии восхищался яхтой, самим собой, океаиом, ио, видимо, куда-то клоиил.

Со смехом сказал, отряхивая брызги с бородки:

— У меия к вам предложение, Шельга.

— Ну?

— Помиите, мы условились играть честиую партию?

— Так.

— Кстати... Ай, ай... Это ваш подручиый угостнл меия из-за кустов? На волосок ближе— и череп вдребезги.

— Ничего ие зиаю...

Гарии рассказал о выстреле на даче Штуфера. Шельга замотал головой.

— Я ии при чем. А жаль, что промахиулся...

— Зиачит — судьба?

— Да, судьба.

— Шельга, предлагаю вам иа выбор, — глаза Гариа, иеумолимые и колючие, приблнзились, лицо сразу стало злым, — либо вы бросьте разыгрывать из себя прииципиальиого человека... либо я вас вышвыриу за борт. Поияли?

— Поиял.

— Вы мие иужиы. Вы мие нужиы для больших дел... Мы можем договориться... Едииствеииый человек, кому я верю, — это вам.

Ои не договорил, гребеиь огромиой волиы, выше прежиих, обрушился иа яхту. Кипящая пеиа покрыла капитаиский мостик. Шельгу бросило на перила, его выкачеииые глаза, разииутый рот, рука с растопыреиными пальцами показались и исчезли под водой... Гарии кинулся в водоворот.

86

Шельга не раз впоследствии припомииал этот случай.

Рискуя жизиью, Гарии схватил его за край плаща и боролся с волиами, покуда они ие пронеслись через яхту. Шельга оказался висящим за перилами мостика. Легкие его были полиы воды. Ои тяжело упал иа палубу. Матросы с трудом откачали его и уиесли в каюту.

Туда же вскоре пришел и Гарии, переодетый и веселый. Приказал подать два стакаичика грога и, раскурив трубку, продолжал прерваииый разговор.

Шельга рассматривал его насмешливое лнцо, ловкое тело, развалившееся в кожаном кресле. Страиный, противоречивый человек. Бандит, негодяй, темный авантюрнст... Но от грога лн, нли от перенесениого потрясения Шельге приятно было, что Гарнн вот так снднт перед ним, задрав ногу на колено, н курит н рассуждает о разных вещах, как будто ие трещат бока «Аризоны» от ударов волн, не проиосятся кипящие струн за стеклом нллюминатора, ие уносятся, как на качелях, вниз и вверх, то Шельга на койке, то Гарин в кресле...

Гарии сильно измеиился после Ленинграда, — весь стал увереииый, смеющийся, весь благорасположениый и добродушиый, какими только бывают очеиь умиые, убеждеииые эгоисты.

— Зачем вы пропустили удобный случай? — спросил его Шельга. — Или вам до зарезу иужиа моя жизиь? Не поиимаю.

Гарин закииул голову и засмеялся весело:

— Чудак вы, Шельга... Зачем же я должеи поступать логичио?.. Я ие учитель математики... До чего ведь дожили... Простое проявлеиие человечиости — и непоиятио. Какая мие выгода была тащить за волосы утопающего? Да иикакая... Чувство симпатии к вам... Человечиость...

— Когда взрывали аиилииовые заводы, кажется, ие думали о человечиости.

— Нет! — крикиул Гарии. — Нет, ие думал. Вы все еще иикак не можете выкарабкаться из-под обломков морали... Ах, Шельга, Шельга... Что это за полочки: иа этой полочке — хорошее, иа этой — плохое... Я поиимаю, дегустатор: пробует, плюет, жует корочку, — это, говорит, виио хорошее, это плохое. Но ведь руководится ои вкусом, пупырышками на языке. Это реальиость. А где ваш дегустатор моральиых марок? Какими пупырышками ои это пробует?

— Все, что ведет к устаиовлению иа земле советской власти, — хорошо, — проговорил Шельга, — все, что мешает, — плохо.

— Превосходно, чудио, зиаю... Ну, а вам-то до этого какое дело? Чем вы связаиы с Советской республикой? Экоиомически? Вздор... Я вам предлагаю жаловаиье в пятьдесят тысяч долларов... Говорю совершеиио серьезио. Пойдете?

— Нет, — спокойио сказал Шельга.

— То-то что нет... Зиачит, связаиы вы ие экономически, а идеей, честиостью: словом, материей высшего порядка. И вы злостиый моралист, что я и хотел вам доказать... Хотите мир перевернуть... Расчищаете от тысячелетиего мусора экономические закоиы, взрываете империалистические крепости. Ладио. Я тоже хочу мир перевериуть, ио по-своему. И переверну одной силой моего гения.

— Ого!

— Наперекор всему, заметьте, Шельга. Слушайте, да что же такое человек в коице коицов? Ничтожиейший микрооргаиизм, вцепившийся в иесказуемом ужасе смерти в глииный шарнк земли и летящий с иею в ледяной тьме? Или это—мозг, божествеиный аппарат для выработки особой, таииственной материи — мысли, — материи, одии микрон которой вмещает в себя всю вселенную... Ну? Вот — то-то...

Гарнн уселся глубже, поджал иоги. Всегда бледные щекн его зарумянилнсь.

— Я предлагаю другое. Враг мой, слушайте... Я овладеваю всей полиотой власти на земле. Ни одна труба ие задымит без моего приказа, ни один корабль не выйдет нз гаваин, ни один молоток не стукнет. Все подчине-

но—вплоть до права дышать,—центру. В центре — я. Мне принадлежнт все. Я отчеканиваю свой профнль иа кружочках: с бородкой, в веночке, а иа обратной стороне профнль мадам Ламоль. Затем я отбнраю «первую тысячу», — скажем, это будет что-ннбудь около двух-трех миллнонов пар. Это патрнцнн. Онн предаются высшнм наслаждениям н творчеству. Для ннх мы установнм, по прнмеру древней Спарты, особый режнм, чтобы онн не вырождалнсь в алкоголнков н импотентов. Затем мы установнм, сколько иужно рабочнх рук для полиого обслужнвання культуры. Здесь также сделаем отбор. Этнх назовем для вежлнвостн — трудовиками...

— Ну, разумеется...

— Хихнкать, друг мой, будете по окончанин разговора... Онн ие взбунтуются, нет, дорогой товарищ. Возможность революцнй будет истреблена в корне. Каждому трудовнку после классификацнн н перед выдачей трудовой книжки будет сделана маленькая операцня. Совершенно иезаметио, под нечаянным иаркозом... Небольшой прокол сквозь черепную кость. Ну, просто закружнлась голова, — очнулся, и он уже раб. И, иаконец, отдельную группу мы изолируем где-ннбудь на прекрасиом острове нсключнтельно для размножеиня. Все остальное прндется убрать за ненадобностью. Вот вам структура будущего человечества по Петру Гарнну. Этн трудовнкн работают н служат безропотно за пнщу, как лошадн. Оин уже не людн, у них нет нной тревогн, кроме голода. Онн будут счастлнвы, переварнвая пнщу. А избранные патрнцнн — это уже полубожества. Хотя я презнраю, вообще-то говоря, людей, но прнятнее находнться в хорошем обществе. Уверяю вас, дружнще, это н будет самый настоящнй золотой век, о котором мечталн поэты. Впечатленне ужасов очисткн землн от лншнего населеиня сгладнтся очень скоро. Зато какне перспективы для генняl Земля превращается в райскнй сад. Рожденне регулируется. Пронзводнтся отбор лучшнх. Борьбы за существованне нет: она — в туманах варварского прошлого. Вырабатывается краснвая н утонченная раса — новые органы мышлення н чувств. Покуда коммуинзм будет волочь на себе все человечество на вершнны культуры, я это сделаю в десять лет... К черту! — скорее, чем в десять лет... Для иемногнх... Но дело не в чнсле...

— Фашнстскнй утопнзм, довольио любопытно, — сказал Шельга. — Роллнngу вы об этом рассказывалн?

— Не утопня, — вот в чем весь курьез. Я только логичен... Роллннгу я, разумеется, ннчего не говорнл, потому что он просто жнвотное... Хотя Роллинг н все Роллингн на свете вслепую делают то, что я развнваю в закоиченную н четкую программу. Но делают это варварскн, громоздко н медленно. Завтра, надеюсь, мы будем уже на острове... Увидите, что я не шучу...

— С чего же начнете-то? Деньгн с бородкой чеканнть?

— Ишь ты, как эта бородка вас задела. Нет. Я начну с обороны. Укреплять остров. И одновременно бешеным темпом пробиваться сквозь Оливнновый пояс. Первая угроза миру будет, когда я повалю золотой парнтет[1]. Я смогу добывать золото в любом количестве. Затем перейду в наступленне. Будет война — страшиее четырнадцатого года. Моя победа обеспечена. Затем — отбор оставшегося после войны н моей победы населения, уничтоженне непригодных элементов, и мною нзбранная раса начинает жнть, как боги, а «трудовнкн» начинают работать не за страх, а за совесть, довольные, как первые людн в раю. Ловко? А? Не нравится?

Гарнн сиова расхохотался. Шельга закрыл глаза, чтобы не глядеть на него. Игра, начатая на бульваре Профсоюзов, разворачивалась в серьезиую партню. Он лежал и думал. Оставался опасный, но единственный ход, который только н мог прнвестн к победе. Во всяком случае, самое неверное было бы сейчас ответнть Гарнну отказом. Шельга потянулся за папиросамн, Гарин с усмешкой наблюдал за ннм.

— Решнлн?

— Да, решил.

— Велнколепно. Я раскрываю карты: вы мне нужны, как кремень для огнива. Шельга, я окружеи тупым зверьем. Людьмн без фаитазнн. Мы будем с вамн ссорнться, но я добьюсь, что вы будете работать со мной. Хотя бы в первой половнне, когда мы будем бить роллнигов... Кстати, предупреждаю, бойтесь Роллннга, он упрям, н если решнл вас убнть, — убьет.

— Меия давно уднвляло, почему вы его не скормили акулам.

— Мне нужен заложннк... Но, во всяком случае, он-то не попадет в спнсок «первой тысячн»...

Шельга помолчал. Спроснл спокойно:

— Снфнлнса у вас не было, Гарнн?

— Представьте—не было. Мне тоже иногда думалось, все ли в порядке в черепушке... Ходнл даже к врачу. Рефлексы повышены, только. Ну, одевайтесь, ндем ужннать.

87

Грозовые тучн утонулн на северо-востоке. Сниий океан был необъятно ласков. Мягкне гребни волн сверкали стеклом. Гналнсь дельфнны за водяиым следом яхты, перегоняя, кувыркались, маслянистые н веселые. Гортанно крнчалн большие чайки, плывя над парусамн. Вдалн нз океана подымались голубоватые, как мираж, очертання скалнстого острова.

Сверху — в бочке — матрос крикнул: «Земля». И стоявшне на палубе вздрогнулн. Это была земля иеведомого будущего. Она была похожа на длнннoe облачко, лежащее на горнзоите. К нему иеслн «Аризону» полные ветра паруса.

Матросы мыли палубу, шлепая босыми но-

[1] Постоянная стоимость золота во всем мире. Задача Гариа обесценить золото, чтобы внести хаос среди денежных магнатов буржуазного мира и овладеть властью. (*Примеч. А. Н. Толстого.*)

гами. Косматое солнце пылало в бездонных просторах неба и океана. Гарин, пощипывая бородку, силился проникнуть в пелену будущего, окутавшую остров. О, если бы знать!..

88

В далеких перспективах Васильевского острова пылал осенний закат. Багровым и мрачным светом были озарены баржи с дровами, буксиры, лодки рыбаков, дымы, запутавшиеся между решетчатыми кранами эллингов. Пожаром горели стекла пустынных дворцов.

С запада, из-за дымов, по лилово-черной Неве подходил пароход. Он заревел, приветствуя Ленинград и конец пути. Огни его иллюминаторов озарили колонны Горного института, Морского училища, лица гуляющих, и он стал отшвартовываться у плавучей, красной, с белыми колонками, таможни. Началась обычная суета досмотра.

Пассажир первого класса, смуглый, широкоскулый человек, по паспорту научный сотрудник Французского географического общества, стоял у борта. Он глядел на город, затянутый вечерним туманом. Еще остался свет на куполе Исаакия, на золотых иглах Адмиралтейства и Петропавловского собора. Казалось, этот шпиль, пронзающий небо, задуман был Петром как меч, грозящий на морском рубеже России.

Широкоскулый человек вытянул шею, глядя на иглу собора. Казалось, он был потрясен и взволнован, как путник, увидевший после многолетней разлуки кровлю родного дома. И вот по темной Неве от крепости долетел торжественный звон: на Петропавловском соборе, где догорал свет на узком мече, над могилами императоров куранты играли «Интернационал».

Человек стиснул перила, из горла его вырвалось что-то вроде рычания, он повернулся спиной к крепости.

В таможне он предъявил паспорт на имя Артура Леви и во все время осмотра стоял, хмуро опустив голову, чтобы не выдать злого блеска глаз.

Затем, положив клетчатый плед на плечо, с небольшим чемоданчиком, он сошел на набережную Васильевского острова. Сняли осенние звезды. Он выпрямился с долго сдерживаемым вздохом. Оглянул спящие дома, пароход, на котором горели два огня на мачтах да тихо постукивал мотор динамо, и зашагал к мосту.

Какой-то высокий человек в парусиновой блузе медленно шел навстречу. Минуя, взглянул в лицо, прошептал: «Батюшки»,—и вдруг спросил вдогонку:

— Волшин, Александр Иванович?

Человек, назвавший себя в таможне Артуром Леви, споткнулся, но, не оборачиваясь, еще быстрее зашагал по мосту.

89

Иван Гусев жил у Тарашкина, был ему не то сыном, не то младшим братом. Тарашкин учил его грамоте и уму-разуму.

Мальчишка оказался до того понятливый, упорный, — сердце радовалось. По вечерам напьются чаю с ситником и чайной колбасой, Тарашкин полезет в карман за папиросами, вспомнит, что дал коллективу клуба обещание не курить, — крякнет, взъерошит волосы и начинает разговор:

— Знаешь, что такое капитализм?

— Нет, Василий Иванович, не знаю.

— Объясню тебе в самой упрощенной форме. Девять человек работают, десятый у них все берет, они голодают, он лопается от жира. Это — капитализм. Понял?

— Нет, Василий Иванович, не понял.

— Чего ты не понял?

— Зачем они ему дают?

— Он заставляет, он эксплуататор...

— Как заставляет? Их девять, он один...

— Он вооружен, они безоружные...

— Оружие всегда можно отнять, Василий Иванович. Это, значит, они нерасторопные...

Тарашкин с восхищением, приоткрывая рот, глядел на Ивана.

— Правильно, брат... Рассуждаешь по-большевистски... Мы в Советской России так и сделали — оружие отняли, эксплуататоров прогнали, и у нас все десять человек работают и все сытые...

— Все от жира лопаемся...

— Нет, брат, лопаться от жира не надо, мы не свиньи, а люди. Мы жир должны перегонять в умственную энергию.

— Это чего это?

— А то, что мы в кратчайший срок должны стать самым умным, самым образованным народом на свете... Понятно? Теперь давай арифметику, — говорил Иван, доставая тетрадь и карандаш.

— Нельзя муслить чернильный карандаш — это некультурно... Понятно?

Так они занимались каждый вечер, далеко за полночь, покуда у обоих не начинали слипаться глаза.

90

У калитки гребного клуба стоял скуластый, хорошо одетый гражданин и тростью ковырял землю. Он поднял голову и так странно поглядел на подходивших Тарашкина и Ивана, что Тарашкин ощетинился. Иван прижался к нему. Человек сказал:

— Я жду здесь с утра. Этот мальчик и есть Иван Гусев?

— А вам какое дело? — засопев, спросил Тарашкин.

— Виноват, прежде всего вежливость, товарищ. Моя фамилия Артур Леви.

Он вынул карточку, развернул перед носом у Тарашкина:

— Я сотрудник советского полпредства в Париже. Вам этого довольно, товарищ?

Тарашкин проворчал неопределенное. Артур Леви достал из бумажника фотографию, взятую Гариным у Шельги.

— Вы можете подтвердить, что снимок сделан именно с этого самого мальчика?

Тарашкину пришлось согласиться. Иван по-

пытался было улизнуть, но Артур Леви жестко взял его за плечо.

— Фотографию мне передал Шельга. Мне дано секретное поручение отвезти мальчика по указанному адресу. В случае сопротивления должен его арестовать. Вы намерены подчиниться?

— Мандат? — спросил Тарашкин.

Артур Леви показал мандат с бланком советского посольства в Париже, со всеми подписями и печатями. Тарашкин долго читал его. Вздохнув, сложил вчетверо.

— Черт его разберет, будто бы все правильно. А может, кому бы другому вместо него поехать? Мальчишке учиться надо...

Артур Леви зубасто усмехнулся:

— Не бойтесь. Мальчику со мной будет неплохо...

91

Тарашкин наказал Ивану посылать вести с дороги. Тревога его немного улеглась, когда он получил из Челябинска открытку:

«Дорогой товарищ Тарашкин, слава труду, — едем мы ничего себе, в первом классе. Пища хорошая, а также обращение. В Москве Артур Артурович купил мне шапку, новый пиджак на вате и сапоги. Одно — скука заедает: Артур Артурович цельный день молчит. Между прочим, в Самаре на вокзале встретил я одного беспризорного, бывшего товарища. Я ему дал, извините, ваш адрес, наверно, приедет, ждите».

92

Александр Иванович Волшин прибыл в СССР с паспортом на имя Артура Леви и бумагами от Французского географического общества. Все документы были в порядке (в свое время это стоило Гарину немало хлопот), — сфабрикованы были лишь мандат и удостоверение из полпредства. Но эти бумажки Волшин показал только Тарашкину. Официально же Артур Леви приехал для исследования вулканической деятельности камчатских гигантских огнедышащих гор — сопок по местному названию.

В середине сентября он выехал вместе с Иваном во Владивосток. Ящики со всеми инструментами и вещами, нужными для экспедиции, прибыли туда еще заранее морем из Сан-Франциско. Артур Леви торопился. В несколько дней собрал партию, и двадцать восьмого сентября экспедиция отплыла из Владивостока на советском пароходе в Петропавловск. Переход был тяжелый. Северный ветер гнал тучи, сеющие снежной крупой в свинцовые волны Охотского моря. Пароход тяжело скрипел, ныряя в грозной водяной пустыне. В Петропавловск прибыли только на одиннадцатый день. Выгрузили ящики, лошадей и на другие сутки уже двинулись через леса и горы, тропами, руслами ручьев, через болота и лесные чащобы.

Экспедицию вел Иван, — у мальчишки были хорошая память и собачье чутье. Артур Леви торопился: трогались в путь на утренней заре и шли до темноты, без привалов. Лошади выбивались из сил, люди роптали: Артур Леви был неумолим, — он не щадил никого, но хорошо платил.

Погода портилась. Мрачно шумели вершины кедров, иногда слышался тяжелый треск повалившегося столетнего дерева или грохот каменной лавины. Камнями убило двух лошадей, две другие вместе с вьюками утонули в трясине зыбучего болота.

Иван обычно шел впереди, карабкаясь на сопки, влезая на деревья, чтобы разглядеть одному ему известные приметы. Однажды он закричал, раскачиваясь на кедровой ветке:

— Вот он! Артур Артурович, вот он!..

На отвесной скале, нависшей над горной речкой, было видно древнее, высеченное на камне, полустертое временем изображение воина в конусообразной шапке, со стрелой и луком в руках...

— Отсюда теперь на восток, прямо по стреле до Шайтан-камня, а там недалеко лагерь! — кричал Иван.

Здесь стали привалом. Перепаковали вьюки. Зажгли большой костер. Утомленные люди заснули. В темноте сквозь шум кедров доносились отдельные глухие взрывы, вздрагивала земля. И когда огонь костра начал угасать, на востоке под тучами обозначилось зарево, будто какой-то великан раздувал угли между гор и их мрачный отсвет мигал под тучами...

Чуть свет Артур Леви, не отнимавший руки от кобуры маузера, уже расталкивал пинками людей. Он не дал развести огонь, вскипятить чай. «Вперед, вперед!..» Измученные люди побрели через непролазный лес, загроможденный осколками камней. Деревья здесь были необыкновенной высоты. В папоротнике лошади скрывались с головой. У всех ноги были в крови. Еще двух лошадей пришлось бросить. Артур Леви шел сзади, держа руку на маузере. Казалось, еще несколько шагов, — и хоть убивай на месте — никто не сдвинется с места...

По ветру донесся звонкий голос Ивана:

— Сюда, сюда, товарищи, вот он, Шайтан-камень...

Это была огромная глыба в форме человеческой головы, окутанная клубами пара. У ее подножия из земли била, пульсируя, струя горячей воды. С незапамятных времен люди, оставившие путевые знаки на скалах, купались в этом источнике, восстанавливающем силы. Это была та самая «живая вода», которую в сказках приносил ворон, — вода, богатая радиоактивными солями.

93

Весь этот день дул северный ветер, ползли тучи низко над лесом. Печально шумели высокие сосны, гнулись темные вершины кедров, облетали лиственницы. Сыпало крупой из туч, сеяло ледяным дождем. Тайга была пустынна. На тысячу верст шумела хвоя над болотами, над каменистыми сопками. С каж-

дым днем студеиее, страшнее дышал север с беспросветиого иеба.

Казалось, иичего, кроме важиого шума вершни да посвистывания ветра, ие услышишь в этой пустыие. Птицы улетели, зверь ушел, попрятался. Человек разве только за смертью забрел бы в эти места.

Но человек появился. Ои был в рыжей рваиой дохе, иизко подпоясаииой веревкой, в разбухших от дождя пимах. Лицо заросло космами ие чесаииой уже иесколько лет бороды, седые волосы падали иа плечи. Ои с трудом передвигался, опираясь иа ружье, огибал косогор, скрываясь иногда за кориевищами. Остаиавливался, согиувшись, и иачииал посвистывать:

— Фють, Машка, Машка... Фють...

Из бурьяна подиялась голова лесиого козла с обрывком веревки иа вытертой шее. Человек подиял ружье, ио козел снова скрылся в бурьяне. Человек зарычал, опустился иа камеиь. Ружье дрожало у иего между колен, он уроиил голову. Долго спустя опять стал звать:

— Машка, Машка...

Мутиые глаза его искали среди бурьяна эту едииствеииую надежду — ручиого козла: убить его последиим оставшимся зарядом, высушить мясо и протяиуть еще несколько месяцев, быть может, даже до весны.

Семь лет тому иазад ои искал примеиеиия своим геииальиым замыслам. Ои был молод, силеи и бедеи. В роковой деиь ои встретил Гариа, развериувшего перед иим такие граидиозные планы, что он, бросив все, очутнлся здесь, у подножня вулкана. Семь лет тому назад здесь был вырублен лес, поставлено знмовище, лабораторня, радноустановка от маленькой гидростанции. Земляные крыши поселка, просевшне н провалнвшиеся, виднелись средн огромных камней, некогда выброшеиных вулкаиом, у стеиы шумящего вершиiами мачтового леса.

Люди, с которымн ои пришел сюда, — одни умерли, другне убежали. Постройки пришли в иегодность, плотииу маленькой гндростаиции снесло весеииеи водой. Весь труд семи лет, все удивительиые выводы — нсследовання глубоких слоев землн — Оливииового пояса — должны былн погнбнуть вместе с ним из-за такой глупости, как Машка — козел, ие желающий подходить иа ружейиый выстрел, сколько его, проклятого, нн зови.

Прежде шуткой бы показалось — пройтн в тайге километров триста до человеческого поселения. Теперь иоги н руки изломаиы ревматизмом, зубы вывалнлись от цинги. Последией иадеждой был ручной козел, — старик готовил его иа зиму. Проклятое животное перетерло веревку и удрало из клетки.

Старик взял ружье с последиим зарядом и ходил, подманивая Машку. Близился вечер, темнели гряды туч, злее шумел ветер, раскачивая огромиые сосны. Надвнгалась зима — смерть. Сжималось сердце... Неужели иикогда больше ему ие увидеть человеческих лнц, ие посндӗть у огия печи, вдыхая запах хлеба, запах жнзии? Старик молча заплакал.

Долго спустя — еще раз позвал:

— Машка, Машка...

Нет, сегодия не убить... Старик, кряхтя, подиялся, побрел к зимовищу. Остаиовился. Подиял голову, — сиежиая крупа ударила в лицо, ветер трепал бороду... Ему показалось... Нет, иет, — это ветер, должио быть, заскрипел сосиой о сосну... Старик все же долго стоял, стараясь, чтобы ие так громко стучало сердце...

— Э-э-э-эй, — слабо долетел человеческий голос со стороиы Шайтаи-камия.

Старик ахиул. Глаза застлало слезами. В разииутый рот било крупой. В иадвинувшихся сумерках уже иичего иельзя было различить иа поляие...

— Э-э-э-эй, Маицев, — снова долетел срываемый ветром мальчишеский звонкий голос. Из бурьяиа подиялась козлиная голова, — Машка подошла к старику и, иаставив ушки, тоже прислушивалась к иеобычайным голосам, потревожившим эту пустыию... Справа, слева приближались, звали.

— Э-эй... Где вы там, Манцев? Живы?

У старика тряслась борода, тряслись губы, ои разводил руками и повторял беззвучио:

— Да, да, я жив... Это я, Манцев.

. . . .

Прокопчеииые бревиа зимовища иикогда еще ие видели такого великолепия. В очаге, сложеииом из вулкаиических камией, пылал огоиь, в котелках кипела вода. Маицев втягивал иоздрями давио забытые запахи чая, хлеба, сала.

Входили и выходили громкогласые люди, внося и распаковывая вьюки. Какой-то скуластый человек подал ему кружку с дымящимся чаем, кусок хлеба... Хлеб. Манцев задрожал, торопливо пережевывая его деснами. Какой-то мальчик, присев на корточки, сочувствеино глядел, как Манцев то откусит хлеб, то прнжмет его к косматой бороде, будто боится: не сои ли вся эта жизнь, ворвавшаяся в его полуразрушеииое зимовище.

— Николай Христофорович, вы меня ие узиаете, что ли?

— Нет, иет, я отвык от людей, — бормотал Маицев, — я очеиь давио не ел хлеба.

— Я же Иваи Гусев... Николай Христофорович, ведь я все сделал, как вы наказывали. Помните, еще грозилнсь мие голову оторвать.

Манцев иичего не помиил, только таращился на озареииые пламеием иезнакомые лица. Иван стал ему рассказывать про то, как тогда шел тайгой к Петропавловску, прятался от медведей, вндел рыжую кошку величииой с теленка, снльио ее нспугался, но кошка и за ней еще три кошкн прошли мимо; питался кедровыми орехами, разыскивая их в беличьих гнездах; в Петропавловске наиялся на пароход чистнть картошку; приплыл во Владивосток и еще семь тысяч километров трясся под вагоиами в угольиых ящиках.

— Я свое слово сдержал, Николай Христофорович, привел за вами людей. Только вы тогда иапрасио мие иа спине чернильиым карандашом писали. Надо было просто сказать: «Иваи, даешь слово?» — «Даю». А вы мие иа спиие иаписали, может, что-нибудь против советской власти. Разве это красиво? Теперь

вы на меня больше не рассчитывайте, я — пионер.

Наклонившись к нему, Манцев спросил, выворачивая губы, хриплым шепотом:

— Кто эти люди?

— Французская ученая экспедиция, говорю вам. Специально меня разыскали в Ленинграде, чтобы вести ее сюда, за вами...

Манцев больно схватил его за плечо:

— Ты видел Гарина?

— Николай Христофорович, бросьте запугивать, у меня теперь за плечами советская власть... Ваша записка на моем горбу попала в надежные руки... Гарин мне ни к чему.

— Зачем они здесь? Что они от меня хотят?.. Я им ничего не скажу. Я им ничего не покажу.

Лицо Манцева багровело, он возбужденно озирался. Рядом с ним на нары сел Артур Леви.

— Надо успокоиться, Николай Христофорович. Кушайте, отдыхайте... Времени у нас будет много, раньше ноября вас отсюда не увезем...

Манцев слез с нар, руки его тряслись...

— Я хочу с вами говорить с глазу на глаз.

Он проковылял к двери, сколоченной из нетесаных, наполовину сгнивших горбылей. Толкнул ее. Ночной ветер подхватил его седые космы. Артур Леви шагнул за ним в темноту, где крутился мокрый снег.

— В моей винтовке последний заряд... Я вас убью! Вы пришли меня ограбить! — закричал Манцев, трясясь от злобы.

— Пойдемте, станем за ветром. — Артур Леви потащил его, прислонил к бревенчатой стене. — Перестаньте беситься. Меня прислал за вами Петр Петрович Гарин.

Манцев судорожно схватился за руку Леви. Распухшее лицо его, с вывороченными веками, тряслось, беззубый рот всхлипывал:

— Гарин жив?.. Он не забыл меня? Вместе голодали, вместе строили великие планы... Но все это чепуха, бредни... Что я здесь открыл?.. Я прощупал земную кору... Я подтвердил все мои теоретические предположения... Я не ждал таких блестящих выводов... Оливин здесь, — Манцев затопал мокрыми пимами, — ртуть и золото можно брать в неограниченном количестве... Слушайте, короткими волнами я прощупал земное ядро... Там черт знает что делается... Я перевернул мировую науку... Если бы Гарин смог достать сто тысяч долларов, — что бы мы натворили!..

— Гарин располагает миллиардами, о Гарине кричат газеты всего мира, — сказал Леви, — ему удалось построить гиперболоид, он завладел островом в Тихом океане и готовится к большим делам. Он ждет только ваших исследований земной коры. За вами пришлют дирижабль. Если не помешает погода, через месяц мы сможем поставить причальную мачту.

Манцев привалился к стене, долго молчал, уронив голову.

— Гарин, Гарин, — повторил он с душераздирающей укоризной. — Я дал ему идею гиперболоида. Я навел его на мысль об Оливиновом поясе. Про остров в Тихом океане сказал ему я. Он обокрал мой мозг, сгноил меня в проклятой тайге... Что теперь я возьму от жизни? — постель, врача, манную кашу... Гарин, Гарин... Пожиратель чужих идей!..

Манцев поднял лицо к бушующей непогоде:

— Цинга съела мои зубы, лишаи источили мою кожу, я почти слеп, мой мозг отупел... Поздно, поздно вспомнил обо мне Гарин...

94

Гарин послал в газеты Старого и Нового Света радио о том, что им, Пьером Гарри, занят в Тихом океане, под сто тридцатым градусом западной долготы и двадцать четвертым градусом южной широты, остров площадью в пятьдесят пять квадратных километров, с прилегающими островками и мелями, что этот остров он считает своим владением и готов до последней капли крови защищать свои суверенные права.

Впечатление получилось смехотворное. Островишко в южных широтах Тихого океана был необитаем и ничем, кроме живописности, не отличался. Даже произошла путаница, — кому, собственно, он принадлежит: Америке, Голландии или Испании? Но с американцами долго спорить не приходилось, — поворчали и отступились.

Остров не стоил того угля, который нужно было затратить, чтобы доплыть к нему, но принцип прежде всего, и из Сан-Франциско вышел легкий крейсер, чтобы арестовать этого Пьера Гарри и на острове поставить на вечные времена железную мачту с прорезненным звездным флагом Соединенных Штатов.

Крейсер ушел. Про смехотворную историю с Гариным был сочинен фокстрот «Бедный Гарри», где говорилось о том, как маленький, бедный Пьер Гарри полюбил креолку, и так ее полюбил, что захотел сделать ее королевой. Он увез ее на маленький остров, и там они танцевали фокстрот, король с королевой вдвоем. И королева просила: «Бедный Гарри, я хочу завтракать, я голодна». В ответ Гарри только вздыхал и продолжал танцевать, — увы, кроме раковин и цветов, у него ничего не было. Но вот пришел корабль. Красавец капитан предложил королеве руку и повел к великолепному завтраку. Королева смеялась и кушала. А бедному Гарри оставалось только танцевать одному... И так далее... Словом, все это были шуточки.

Дней через десять пришло радио с крейсера:

«Стою в виду острова. Высадиться не пришлось, так как получил предупреждение, что остров укреплен. Послал ультиматум Пьеру Гарри, называющему себя владельцем острова. Срок завтра в семь утра. После чего высаживаю десант».

Это было уже забавно, — бедный Гарри грозит кулачком шестидюймовым пушкам... Но ни назавтра, ни в ближайшие дни никаких известий с крейсера больше не поступало.

На последний запрос он не отвечал! Ого!

Кое-кто иахмурнл бровн в военном мнннстерстве.

Затем в газетах появилось сеисациоиное иитервью с Мак Линиеем. Он утверждал, что Пьер Гаррн не кто иной, как нзвестный русскнй авантюрнст ииженер Гарни, с которым связаиы слухн о целом ряде преступлеиий, в том числе о загадочиом убнйстве в Вилль Давре, близ Парнжа. История с захватом острова тем более удивляет Мак Лнниея, что иа борту яхты, доставившей иа остров Гарнна, иаходился ие кто иной, как сам Роллииг, глава и распоряднтель треста «Анилии Роллииг». На его средства были произведены огромиые закупкн в Америке н Европе н зафрахтоваиы корабли для перевозки матерналов на остров. Пока все происходило в закониом порядке, Мак Лннней молчал, но сейчас ои утверждает, что отличительиая черта хнмического короля Роллнига — это нсключнтельное уважеиие к закоиам. Поэтому иесомиенно, что наглый захват острова сделаи вие волн Роллинга и доказывает только, что Роллииг содержится в плену на острове и что миллнардером пользуются в целях неслыхаииого шантажа.

Тут уже шуточки кончнлнсь. Попиралось святое святых. Агеиты полнцнн собрали сведення о закупках Гарипа за август месяц. Получились ошеломляющие цнфры. В то же время военное миинстерство иапрасио разыскнвало крейсер, — он нсчез. И, ко всему, в газетах было опублнковаио опнсаине взрыва аннлнновых заводов, рассказанное свндетелем катастрофы, русским ученым Хлыиовым.

Начииался скаидал. Действнтельио, под иосом у правнтельства какой-то авантюрнст пронзвел колоссальные военные закупкн, захватил остров, лншнл свободы велнчайшего нз граждан Амернкн, н, ко всему, это был безнравственный негодяй, массовый убнйца, гнусиый нзверг.

Телеграф прннес еще одно ошеломляющее нзвестне: таннственный днрнжабль, новейшего тнпа, пролетел над Гавайскнмн островами, опустнлся в порте Гнло, взял беизнн н воду, проплыл над Курнльскнмн островамн, снизнлся над Сахалином, в порте Александровском взял бензнн н воду, после чего нсчез в северо-западном направлеинн. На металлическом борту корабля былн замечены буквы П. н Г.

Тогда всем стало ясио: Гарнн московский агент. Вот тебе н «бедный Гаррн». Палата вотнровала самые решнтельные меры. Флот нз восьми линейных крейсеров вышел к «острову Негодяев», как его теперь называлн в амернканских газетах.

В тот же день радностанцнн всего мира прнняли коротковолновую радиограмму, чудовищную по иаглостн н дуриому стнлю:

«Алло! Алло! Говорнт станцня Золотого острова, имеиуемого по неосведомлеииости островом Негодяев. Алло! Пьер Гарри искреиие советует правнтельствам всех страи ие совать носа в его внутреннне дела. Пьер Гарри будет обороияться, н всякнй военный корабль нлн флот, вошедший в воды Золотого острова, будет подвергнут участн амернканского легкого крейсера, пущенного ко дну менее чем в пятнадцать секунд. Пьер Гаррн нскреиие советует всему иаселению земиого шара бросить политику и беззаботио таицевать фокстрот его нмеин».

95

Плотииа в овраге около зимовища была восстаиовлеиа. Электростаиция заработала. Артур Левн ежедневио прииимал иетерпелнвые запросы с Золотого острова: готова лн прнчальная мачта?

Электромагиитные волиы, равиодушные к тому, что вызвало их из космического покоя, неслнсь в эфир, чтобы устремиться в радиоприемиики и там, прохрипев в мнкрофоиы бешеиым голосом Гариия: «Если через иеделю причал ие будет готов, я пошлю дирижабль и прикажу расстрелять вас, слышите, Волшин?» — прохрнпев это, электромагиитные волны по проводам заземлеиия возвращались в первоиачальный покой.

В зимовнще у подиожия вулкана шла торопливая работа: очищали от порослей большую площадь, валили мачтовые сосны, ставилн сужающуюся кверху двадцатипятиметровую башию иа трех ногах, глубоко зарытых в землю.

Работали все, выбнваясь из сил, ио больше всех суетнлся н волиовался Маицев. Ои отъелся за это время, немиого окреп, ио разум его, виднмо, был тронут безумием. Бывали днн, когда ои будто забывал обо всем, равиодушиый, обхватнв руками косматую голову, сндел иа иарах. Или, отвязав козла Машку, говорнл Ивану:

— Хочешь, я покажу тебе то, чего еще ин однн человек никогда не видел.

Держа козла Машку за веревку (козел помогал ему взбнраться иа скалы), Маицев и за ннм Иван начнналн восхождеиие к кратеру вулкана.

Мачтовый лес коичился, выше — между камениымн глыбамн — рос корявый кустарннк, еще выше — только чериые камии, покрытые лншаямн н кое-где снегом.

Края кратера подннмалнсь отвеснымн зубцамн, будто полуразрушенные стеиы гигаитского цнрка. Но Манцев знал здесь каждую щель н, кряхтя, часто присаживаясь, пробирался знгзагамн с уступа на уступ. Все же только раз — в тихий солнечиый деиь — им удалось взобраться на самый край кратера. Прнчудлнвые зубцы его окружалн рыже-медное озеро застывшей лавы. Низкое солице бросало от зубцов резкие тенн иа металлическне лепешкн лавы. Блнже к западной стороне на поверхностн лавы возвышался коиус, вершина его курилась беловатым дымом.

— Там, — сказал Маицев, указывая скрючеиными пальцамн иа курящийся коиус, — там — свищ или, еслн хочешь, боздна в иедра землн, куда не заглядывал человек... Я бросал туда пнроксилииовые шашкн, — когда иа дне вспыхивал разрыв, включал секуидомер н высчнтывал глубиию по скорости прохождеиия звука. Я нсследовал выходящие газы, иабирал нх в стекляииую реторту, пропускал через нее свет электрнческой лампы н прошедшие через

газ лучи разлагал на призме спектроскопа... В спектре вулканического газа я обнаружил линии сурьмы, ртути, золота и еще многих тяжелых металлов... Тебе понятно, Иван?

— Понятно, валяйте дальше...

— Думаю, что ты все-таки понимаешь больше, чем козел Машка... Однажды, во время особенно бурной деятельности вулкана, когда он плевал и харкал из чудовищно глубоких недр, мне удалось с опасностью для жизни набрать немного газу в реторту... Когда я спустился вниз, к становищу, вулкан начал швырять под облака пепел и камни величиной с бочку. Земля тряслась, будто спина проснувшегося чудовища. Не обращая внимания на эти мелочи, я кинулся в лабораторию и поставил газ под спектроскоп... Иван и ты, Машка, слушайте...

Глаза у Манцева блестели, беззубый рот кривился:

— Я обнаружил следы тяжелого металла, которого нет в таблице Менделеева. Через несколько часов в колбе началось его распадение, — колба начала светиться желтым светом, потом голубым и, наконец, пронзительно красным... Из предосторожности я отошел, — раздался взрыв, колба и половина моей лаборатории разлетелись к черту... Я назвал этот таинственный металл буквой *М*, так как мое имя начинается на *М* и имя этого козла тоже начинается на *М*. Честь открытия принадлежит нам обоим — козлу и мне... Ты понимаешь что-нибудь?

— Валяйте дальше, Николай Христофорович...

— Металл *М* находится в самых глубоких слоях Оливинового пояса. Он распадается и освобождает чудовищные запасы тепла... Я утверждаю дальше: ядро земли состоит из металла *М*. Но, так как средняя плотность ядра земли всего восемь единиц, приблизительно — плотность железа, а металл *М* вдвое тяжелее его, то, стало быть, в самом центре земли — пустота.

Манцев поднял палец и, поглядев на Ивана и на козла, дико рассмеялся.

— Идем заглянем...

Они, втроем, спустились со скалистого гребня на металлическое озеро и, скользя по металлическим лепешкам, пошли к дымящемуся конусу. Сквозь трещины вырывался горячий воздух. Кое-где чернели под ногами дыры без дна.

— Машку надо оставить внизу, — сказал Манцев, щелкнув козла в нос, и полез вместе с Иваном на конус, цепляясь за осыпающийся горячий щебень.

— Ложись на живот и гляди.

Они легли на краю конуса, с той стороны, откуда относило клубы дыма, и опустили головы. Внутри конуса было углубление и посреди него — овальная дыра метров семи диаметром. Оттуда доносились тяжелые вздохи, отдаленный грохот, будто где-то, черт знает на какой глубине, перекатывались камни.

Присмотревшись, Иван различил красноватый свет, он шел из непостижимой глубины. Свет, то померкая, то вспыхивая вновь, разгорался все ярче, — становился малиновым, пронзительным... Тяжелее вздыхала земля, грознее принимались грохотать каменья.

— Начинается прилив, надо уходить, — проговорил Манцев. — Этот свет идет из глубины семи тысяч метров. Там распадается металл *М*, там кипят и испаряются золото и ртуть...

Он схватил Ивана за кушак, потащил вниз. Конус дрожал, осыпался, плотные клубы дыма вырывались теперь, как пар из лопнувшего котла, ослепительно алый свет бил из бездны, окрашивая низкие облака...

Манцев схватил веревку от Машкиного ошейника.

— Бегом, бегом, ребята!.. Сейчас полетят камни...

Раздался тяжелый грохот, отдавшийся по всему скалистому амфитеатру, — вулкан выстрелил каменной глыбой... Манцев и Иван бежали, прикрыв головы руками, впереди скакал козел, волоча веревку...

96

Причальная мачта была готова. С Золотого острова сообщили, что дирижабль вылетел, несмотря на угрожающие показания барометра.

Все эти последние дни Артур вызывал Манцева на откровенный разговор об его замечательных открытиях. Усевшись на нары, подальше от рабочих, он вытащил фляжку со спиртом и подливал Манцеву в чай.

Рабочие лежали на полу на подстилках из хвои. Иногда кто-нибудь из них вставал и подбрасывал в очаг кедровое корневище. Огонь озарял прокопченные стены, усталые, обросшие бородами лица. Ветер бушевал над крышей.

Артур Леви старался говорить тихо, ласково, успокаивающе. Но Манцев, казалось, совсем сошел с ума...

— Слушайте, Артур Артурович, или как вас там... Бросьте хитрить. Мои бумаги, мои формулы, мои проекты глубокого бурения, мои дневники запаяны в жестяную коробку и спрятаны надежно... Я улечу, они останутся здесь, — их не получит никто, даже Гарин. Не отдам даже под пыткой...

— Успокойтесь, Николай Христофорович, вы же имеете дело с порядочными людьми.

— Я не настолько глуп. Гарину нужны мои формулы... А мне нужна моя жизнь... Я хочу каждый день мыться в душистой ванне, курить дорогой табак, пить хорошее вино... Я вставлю зубы и буду жевать трюфели... Я тоже хочу славы! Я ее заслужил!.. Черт вас всех возьми вместе с Гариным...

— Николай Христофорович, на Золотом острове вы будете обставлены по-царски...

— Бросьте. Я знаю Гарина... Он меня ненавидит, потому что весь Гарин выдуман мной... Без меня из него получился бы просто мелкий жулик... Вы повезете на дирижабле мой живой мозг, а не тетрадки с моими формулами.

Иван Гусев, наставив ухо, слушал обрывки этих разговоров. В ночь, когда была готова

причальная мачта, он подполз по нарам к Манцеву, лежавшему с открытыми глазами, и зашептал в самое его ухо:

— Николай Христофорович, плюнь на них. Поедем лучше в Ленинград... Мы с Тарашкиным за вами, как за малым ребенком, будем ходить... Зубы вставим... Найдем хорошую жилплощадь, — чего вам связываться с буржуями...

— Нет, Ванька, я погибший человек, у меня слишком необузданные желания, — отвечал Манцев, глядя на потолок, откуда между бревен свешивались клочья закопченного мха. — Семь лет под этой проклятой крышей бушевала моя фантазия... Я не хочу ждать больше ни одного дня...

Иван Гусев давно понял, какова была эта «французская экспедиция», — он внимательно слушал, наблюдал и делал свои выводы.

За Манцевым он теперь ходил, как привязанный, и эту последнюю ночь не спал: когда начинали слипаться глаза, он совал в нос птичье перо или щипал себя где больнее.

На рассвете Артур Леви, сердито надев полушубок, обмотав горло шарфом, пошел на радиостанцию — она помещалась рядом в землянке. Иван не спускал глаз с Манцева. Едва Артур Леви вышел, Манцев оглянулся, — все ли спят, — осторожно слез с нар, пробрался в темный угол зимовища, поднял голову. Но, должно быть, глаза его плохо видели, — он вернулся, подбросил в очаг смолья. Когда огонь разгорелся, опять пошел в угол.

Иван догадался, на что он смотрит, — в углу, там, где скрещивались балки сруба, в потолке чернела щель между балками наката, — мох был содран. Это и беспокоило Манцева... Поднявшись на цыпочки, он сорвал с низкого потолка космы черного мха и, кряхтя, заткнул ими щель.

Иван бросил перышко, которым щекотал нос, повернулся на бок, прикрылся с головой одеялом и сейчас же заснул.

. . . .

Снежная буря не утихала. Вторые сутки огромный дирижабль висел над поляной, пришвартованный носом к причальной мачте. Мачта гнулась и трещала. Сигарообразное тело раскачивалось, и снизу казалось, что в воздухе повисло днище железной баржи. Экипаж едва успевал очищать от снега его борта.

Капитан, перегнувшись с гондолы, кричал стоявшему внизу Артуру Леви:

— Алло! Артур Артурович, какого черта! Нужно сниматься... Люди выбились из сил.

Леви ответил сквозь зубы:

— Я еще раз говорил с островом. Мальчишку приказано привезти во что бы то ни стало.

— Мачта не выдержит...

Леви только пожал плечами. Дело было, конечно, не в мальчишке. Иван пропал этой ночью. О нем никто и не спохватился. Пришвартовывали дирижабль, появившийся на рассвете и долго кружившийся над поляной в снежных облаках. Выгружали продовольствие. (Рабочие экспедиции Артура Леви заявили, что, если не получат вдоволь продовольствия и наградных, распорют дирижаблю брюхо пироксилиновой шашкой.) Узнав, что мальчишка пропал, Артур Леви махнул рукой:

— Неважно.

Но дело обернулось гораздо серьезнее.

Манцев первый влез в гондолу воздушного корабля. Через минуту, чем-то обеспокоенный, спустился на землю по алюминиевой лесенке и заковылял к зимовищу. Сейчас же оттуда донесся его отчаянный вопль. Манцев, как бешеный, выскочил из облаков снега, размахивая руками:

— Где моя жестяная коробка? Кто взял мои бумаги?.. Ты, ты украл, подлец!

Он схватил Леви за воротник, затряс с такой силой, — у того слетела шапка...

Было ясно: бесценные формулы, то, за чем прилетел сюда дирижабль, унесены проклятым мальчишкой. Манцев обезумел:

— Мои бумаги! Мои формулы! Человеческий мозг не в силах снова создать это!.. Что я передам Гарину? Я все забыл!..

Леви немедленно снарядил погоню за мальчишкой. Люди заворчали. Все же несколько человек согласились. Манцев повел их в сторону Шайтан-камня. Леви остался у гондолы, грызя ногти. Прошло много времени. Двое из ушедших в погоню вернулись.

— Там такое крутит — шагу не ступить...

— Куда вы дели Манцева? — закричал Леви..

— Кто его знает... Отбился...

— Найдите Манцева. Найдите мальчишку... За того и другого по десяти тысяч золотом.

Тучи мрачнели. Надвигалась ночь. Ветер усиливался. Капитан опять начал грозиться — перерезать причал и улететь к черту.

Наконец со стороны Шайтан-камня показался высокий человек в забитой снегом дохе. Он нес на руках Ивана Гусева. Леви кинулся к нему, сорвав перчатку, залез мальчишке под шубенку. Иван будто спал, застывшие руки его плотно прижимали к груди небольшую жестяную коробку с драгоценными формулами Манцева.

— Живой, живой, только застыл маленько, — проговорил высокий человек, раздвигая широкой улыбкой набитую снегом бороду. — Отойдет. Наверх его, что ли? — И, не дожидаясь ответа, понес Ивана в гондолу.

— Ну, что? — крикнул сверху капитан. — Летим?

Артур Леви нерешительно взглянул на него.

— Вы готовы к отлету?

— Есть, — ответил капитан.

Леви еще раз обернулся в сторону Шайтан-камня, где сплошной завесой из помрачневших облаков летел, крутился снег. В конце концов главное — формулы были бы на борту.

— Летим! — сказал он, вскакивая на алюминиевую лесенку. — Ребята, отдавай концы...

Он отворил горбатую дверцу и влез в гондолу. Наверху причальной мачты начали перерезать пеньковый трос, удерживающий корабль. Застучали, стреляя, моторы. Закрутились винты.

В это время, гонимый метелью, из снежных вихрей выскочил Манцев. Ветер дыбом

вздымал его волосы. Протянутые руки хватали улетающие очертания корабля...

— Стойте!.. Стойте!.. — хрипло вскрикивал он. Когда алюминиевая лесенка гондолы поднялась уже на метр над землей, он схватился за нижнюю ступеньку. Несколько человек поймали его за доху, чтобы отодрать. Он отпихнул их ногами. Металлическое днище корабля раскачивалось. Стреляли моторы. Сердито ревели винты. Корабль шел вверх — в крутящиеся снежные облака.

Манцев вцепился, как клещ, в нижнюю ступеньку. Его быстро поднимало... Снизу было видно, как растопыренные ноги его, развевающиеся полы дохи понеслись в небо.

Далеко ли он улетел, на какой высоте сорвался и упал, — этого уже не видели стоявшие внизу люди.

97

Перегнувшись через окно алюминиевой гондолы, мадам Ламоль глядела в бинокль. Дирижабль еле двигался, описывая круг в лучезарном небе. Под ним, на глубине тысячи метров, расстилался на необъятную ширину прозрачный сине-зеленый океан. В центре его лежал остров неправильной формы. Сверху он походил на очертания Африки в крошечном масштабе. С юга, востока и северо-востока, как брызги около него, темнели окаймленные пеной каменистые островки и мели. С запада океан был чист.

Здесь в глубоком заливе, невдалеке от прибрежной полосы песка, лежали грузовые корабли. Зоя насчитала их двадцать четыре, — они походили на жуков, спящих на воде.

Остров был прорезан ниточками дорог, — они сходились у северо-восточной скалистой части его, где сверкали стеклянные крыши. Это достраивался дворец, опускавшийся тремя террасами к волнам маленькой песчаной бухты.

С южной стороны острова виднелись сооружения, похожие сверху на путаницу детского меккано: фермы, крепления, решетчатые краны, рельсы, бегающие вагонетки. Крутились десятки ветряных двигателей. Попыхивали трубы электростанций и водокачек.

В центре этих сооружений чернело круглое отверстие шахты. От нее к берегу двигались широкие железные транспортеры, относящие вынутую породу, и дальше в море уходили червяками красные понтоны землечерпалок. Облачко пара, не переставая, курилось над отверстием шахты.

День и ночь — в шесть смен — шли работы в шахте: Гарин пробивал гранитную броню земной коры. Дерзость этого человека граничила с безумием. Мадам Ламоль глядела на облачко над шахтой, бинокль дрожал в ее руке, золотистой от загара.

По низкому берегу залива тянулись правильными рядами крыши складов и жилых строений. Муравьиные фигурки людей двигались по дорогам. Катились автомобили и мотоциклы. В центре острова синело озеро, из него к югу вытекала извилистая речка. По ее берегам лежали полосы полей и огородов. Весь восточный склон зеленел изумрудным покровом, — здесь, за изгородями, паслись стада. На северо-востоке перед дворцом, среди скал, пестрели причудливые фигуры цветников и древесных насаждений.

Еще полгода тому назад здесь была пустыня — колючая трава, да камни, серые от морской соли, да чахлый кустарник. Корабли выбросили на остров тысячи тонн химических удобрений, были вырыты артезианские колодцы, привезены растения, целые деревья.

С высоты гондолы Зоя глядела на заброшенный в океане клочок земли, пышный и сверкающий, омываемый снежной пеной прибоя, любовалась им, как женщина, держащая в руке драгоценность.

98

Было семь чудес на свете. Народная память донесла до нас только три: храм Дианы Эфесской[1], сады Семирамиды[2] и медного колосса[3] в Родосе. Об остальных воспоминание погружено на дно Атлантического океана.

Восьмым чудом, как это ежедневно повторяла мадам Ламоль, нужно было считать шахту на Золотом острове. За ужином в только что отделанном зале дворца, с огромными окнами, раскрытыми дуновению океана, мадам Ламоль поднимала бокал:

— За чудо, за гений, за дерзость!

Все избранное общество острова вставало и приветствовало мадам Ламоль и Гарина. Все были охвачены лихорадкой работы и фантастическими замыслами. Пусть там, на материках, вопят о нарушении прав. Плевать. Здесь день и ночь гудит подземным гулом шахта, гремят черпаки элеваторов, забираясь все глубже, глубже к неисчерпаемым запасам золота. Сибирские россыпи, овраги Калифорнии, снежные пустыни Клондайка — чушь, кустарный промысел. Золото здесь под ногами, в любом месте, только прорвись сквозь граниты и кипящий оливин.

В дневниках несчастного Манцева Гарин нашел такую запись:

«В настоящее время, то есть когда закончился четвертый ледниковый период и с чрезвычайной быстротой начала развиваться одна из пород животных, лишенных волосяного покрова, способных передвигаться на задних конечностях и снабженных удачным устройством ротовой полости для произношения разнообразных звуков, — земной шар представляет следующую картину:

Верхний его покров состоит из застывших гранитов и диоритов, толщиной от пяти до двадцати пяти километров. Эта корка снаружи покрыта морскими отложениями и слоями погибшей растительности (уголь) и погибших животных (нефть). Кора лежит на второй

---

[1] Знаменитый храм Дианы, древнегреческой богини охоты и луны, в городе Эфесе, сожженный в 356 г. до нашего летосчисления.

[2] Семирамида — легендарная царица, будто бы основавшая Вавилон.

[3] Колосс Родосский — исполинская статуя Гелиоса, древнегреческого бога солнца, стоявшая у входа в гавань острова Родоса. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

оболочке земного шара, — из расплавленных металлов, — на Оливиновом поясе.

Расплавленный Оливиновый пояс местами, как, например, в некоторых районах Тихого океана, подходит близко к поверхности земли, до глубины пяти километров.

Толщина этой второй расплавленной оболочки достигает в настоящее время свыше ста километров и увеличивается на километр в каждые сто тысяч лет.

В расплавленном Оливиновом поясе нужно различать три слоя: ближайший к земной коре — это шлаки, лава, выбрасываемая вулканами; средний слой — оливин, железо, никель, то есть то, из чего состоят метеориты, падающие в виде звезд на землю в осенние ночи, и, наконец, третий — нижний слой — золото, платина, цирконий, свинец, ртуть.

Эти три слоя Оливинового пояса покоятся, как на подушке, на слое сгущенного, до жидкого состояния, газа гелия, получающегося как продукт атомного распада.

И, наконец, под оболочкой жидкого газа находится земное ядро. Оно твердое, металлическое, температура его около двухсот семидесяти трех градусов ниже нуля, то есть температуры мирового пространства.

Земное ядро состоит из тяжелых радиоактивных металлов. Нам известны два из них, находящиеся в конце таблицы Менделеева, — это уран и торий. Но они сами являются продуктом распада основного, неизвестного до сих пор в природе сверхтяжелого металла.

Я обнаружил его следы в вулканических газах. Это металл *М*. Он в одиннадцать раз тяжелее платины. Он обладает чудовищной силы радиоактивностью. Если один килограмм этого металла извлечь на поверхность земли, — все живое на несколько километров в окружности будет убито, все предметы, покрытые его эманацией[1], будут светиться.

Так как удельный вес земного ядра составляет всего восемь единиц (удельный вес железа), что всегда наводило на ошибочную мысль, будто ядро железное, и так как нельзя предположить, что металл *М* находится в ядре земли под давлением в миллион атмосфер, в пористом состоянии, то нужно сделать единственный вывод:

Ядро земли представляет пустотелый шар, или бомбу, из металла *М*, наполненную гелием, находящимся вследствие чудовищного давления в кристаллическом состоянии.

В разрезе земной шар таков:

[1] Излучением. *(Примеч. А. Н. Толстого.)*

Металл *М*, составляющий ядро земли, непрерывно распадаясь и превращаясь в другие легкие металлы, освобождает чудовищное количество тепла. Ядро земли прогревается. Через несколько миллиардов лет земля должна прогреться насквозь, взорваться, как бомба, вспыхнуть, превратиться в газовый шар, диаметром с орбиту, которую описывает луна вокруг земли, засиять, как маленькая звезда, и затем начать охлаждаться и снова сжиматься до размеров земного шара. Тогда снова возникнет на земле жизнь, через миллиарды лет появится человек, начнется стремительное развитие человечества, борьба за высшее социальное устройство мира.

Земля снова будет, не переставая, прогреваться атомным распадом, чтобы снова вспыхнуть маленькой звездой.

Это круговорот земной жизни. Их было бесчисленно много и бесчисленно много будет впереди. Смерти нет. Есть вечное обновление...»

Вот что прочел Гарин в дневнике Манцева.

99

Верхние края шахты были одеты стальной броней. Массивные цилиндры из тугоплавкой стали опускались в нее по мере ее углубления. Они доходили до того места, где температура в шахте поднималась до трехсот градусов. Это случилось неожиданно, скачком, на глубине пяти километров от поверхности. Смена рабочих и два гиперболоида погибли на дне шахты.

Гарин был недоволен. Опускание и клепка цилиндров тормозили работу. Теперь, когда стены шахты были раскалены, их охлаждали сжатым воздухом, и они, застывая, сами образовывали мощную броню. Их распирали по диагоналям решетчатыми фермами.

Диаметр шахты был невелик — двадцать метров. Внутренность ее представляла сложную систему воздуходувных и отводных труб, креплений, сети проводов, дюралюминиевых колодцев, внутри которых двигались черпаки элеваторов, шкивов, площадок для элеваторной передачи и площадок, где стояли машины жидкого воздуха и гиперболоиды.

Все приводилось в движение электричеством: подъемные лифты, элеваторы, машины. С боков шахты пробивались пещеры для склада машин и отдыха рабочих. Чтобы разгрузить главную шахту, Гарин повел параллельно ей вторую в шесть метров диаметром, — она соединяла пещеры электрическими лифтами, двигающимися со скоростью пневматического ядра.

Важнейшая часть работ — бурение — происходила согласованным действием лучей гиперболоидов, охлаждения жидким воздухом и отчерпывания породы элеваторами. Двенадцать гиперболоидов особого устройства, берущих энергию от вольтовых дуг с углями из шамонита, пронизывали и расплавляли породу, струи жидкого воздуха мгновенно

охлаждали ее, и она, распадаясь на мельчайшие частицы, попадала в черпаки элеваторов. Продукты горения и пары уносились вентиляторами.

100

Дворец с северо-восточной части Золотого острова был построен по фантастическим планам мадам Ламоль.

Это было огромное сооружение из стекла, стали, темно-красного камня и мрамора. В нем помещалось пятьсот зал и комнат. Главный фасад с двумя широкими мраморными лестницами вырастал из моря. Волны разбивались о ступени и цоколи по сторонам лестниц, где вместо обычных статуй или ваз стояли четыре бронзовые решетчатые башенки, поддерживающие золоченые шары, — в них находились заряженные гиперболоиды, угрожающие подступам с океана.

Лестницы поднимались до открытой террасы, — с нее два глубоких входа, укрепленных квадратными колоннами, вели внутрь дома. Весь каменный фасад, слегка наклоненный, как на египетских постройках, скупо украшенный, с высокими, узкими окнами и плоской крышей, казался суровым и мрачным. Зато фасады, выходившие во внутренний двор, в цветники ползучих роз, вербены, орхидей, цветущей сирени, миндаля и лилиевых деревьев, были построены пышно; даже кокетливо.

Двое бронзовых ворот вели внутрь острова. Это был дом-крепость. Сбоку его на скале возвышалась на сто пятьдесят метров решетчатая башня, соединенная подземным ходом со спальней Гарина. На верхней площадке ее стояли мощные гиперболоиды. Бронированный лифт взлетал к ним от земли в несколько секунд. Всем, даже мадам Ламоль, было запрещено под страхом смерти подходить к основанию башни. Это был первый закон Золотого острова.

В левом крыле дома помещались комнаты мадам Ламоль, в правом — Гарина и Роллинга. Больше здесь никто не жил. Дом предназначался для того времени, когда величайшим счастьем для смертного будет получить приглашение на Золотой остров и увидеть ослепительное лицо властительницы мира.

Мадам Ламоль готовилась к этой роли. Дела у нее было по горло. Создавался этикет утреннего вставания, выходов, малых и больших приемов, обедов, ужинов, маскарадов и развлечений. Широко развернулся ее актерский темперамент. Она любила повторять, что рождена для мировой сцены. Хранителем этикета был намечен знаменитый балетный постановщик — русский эмигрант. С ним заключили контракт в Европе, пожаловали золотой, с бриллиантами на белой ленте, орден «Божественной Зои» и возвели в древнерусское звание постельничего (Chevalier de lit).

Кроме этих внутренних — дворцовых — законов, ею создавались, совместно с Гариным, «Заповеди Золотого века» — законы будущего человечества. Но это были скорее общие проекты и основные идеи, подлежащие впоследствии обработке юристов. Гарин был бешено занят, — ей приходилось выкраивать время. День и ночь в ее кабинете дежурили две стенографистки.

Гарин приходил прямо из шахты, измученный, грязный, пропахший землей и машинным маслом. Он торопливо ел, валился с ногами на атласный диван и закутывался дымом трубки (он был объявлен выше этикета, его привычки — священны и вне подражания). Зоя ходила по ковру, перебирая в худых пальцах огромные жемчужины ожерелья, и вызывала Гарина на беседу. Ему нужно было несколько минут мертвого покоя, чтобы мозг снова мог начать лихорадочную работу. В своих планах он не был ни зол, ни добр, ни жесток, ни милосерд. Его забавляло только остроумие в разрешении вопроса. Эта «прохладность» возмущала Зою. Большие ее глаза темнели, по нервной спине пробегала дрожь, низким, ненавидящим голосом она говорила (по-русски, чтобы не поняли стенографистки):

— Вы фат. Вы страшный человек, Гарин. Я понимаю, как можно хотеть содрать с вас живого кожу, — посмотреть, как вы в первый раз в жизни станете мучиться. Неужели вы никого не ненавидите, никого не любите?

— Кроме вас, — скаля зубы, отвечал Гарин, — но ваша головка набита сумасшедшим вздором... А у меня сочтены секунды. Я подожду, когда ваше честолюбие насытится до отвала. Но вы все же правы в одном, любовь моя: я слишком академичен. Идеи, не насыщенные влагой жизни, рассеиваются в пространстве. Влага жизни — это страсть. У вас ее переизбыток.

Он покосился на Зою, — она стояла перед ним, бледная, неподвижная.

— Страсть и кровь. Старый рецепт. Только зачем же именно с меня драть кожу? Можно с кого-нибудь другого. А вам, видимо, очень нужно для здоровья омочить платочек в этой жидкости.

— Я многого не могу простить людям.

— Например, коротеньких молодчиков с волосатыми пальцами?

— Да. Зачем вы вспоминаете об этом?

— Не можете простить самой себе... За пятьсот франков небось вызывали вас по телефону. Было. Чулочки шелковые штопали поспешно, откусывали нитки вот этими божественными зубками, когда торопились в ресторан. А бессонные ночки, когда в сумочке — два су, и ужас, что будет завтра, и ужас — пасть еще ниже... А собачий нос Роллинга — чего-нибудь да стоит.

С длинной усмешкой глядя ему в глаза, Зоя сказала:

— Этого разговора я тоже не забуду до смерти...

— Боже мой, только что вы меня упрекали в академичности...

— Будет моя власть, повешу вас на башне гиперболоида...

Гарин быстро поднялся, схватил Зою за

локти, силой привлек к себе на колени и целовал ее закинутое лицо, стиснутые губы. Обе стенографистки, светловолосые, завитые, равнодушные, как куклы, отвернулись.

— Глупая, смешная женщина, пойми, — такой только тебя люблю... Единственное существо на земле... Если бы ты двадцать раз не умирала во вшивых вагонах, если бы тебя не покупали как девку, — разве бы ты постигла всю остроту дерзости человеческой... Разве бы ты ходила по коврам такой повелительницей... Разве бы я положил к твоим ногам самого себя...

Зоя молча освободилась, движением плеч оправила платье, отошла на середину комнаты и оттуда все еще дико глядела на Гарина. Он сказал:

— Итак, на чем же мы остановились?

Стенографистки записывали мысли. За ночь отпечатывали их и подавали поутру в постель мадам Ламоль.

Для экспертизы по некоторым вопросам приглашали Роллинга. Он жил в великолепных, не совсем еще законченных апартаментах. Выходил из них только к столу. Его воля и гордость были сломлены. Он сильно сдал за эти полгода. Гарина он боялся. С Зоей избегал оставаться с глазу на глаз. Никто не знал (и не интересовался), что он делает целыми днями. Книг он отроду не читал. Записок, кажется, не вел. Говорили, что будто бы он пристрастился коллекционировать курительные трубки. Однажды вечером Зоя видела из окна, как на предпоследней ступени мраморной лестницы у воды сидел Роллинг и, пригорюнясь, глядел на океан, откуда сто миллионов лет тому назад вышел его предок в виде человекообразной ящерицы. Это было все, что осталось от великого химического короля.

Ни потеря трехсот миллионов долларов, ни плен на Золотом острове, ни даже измена Зои не сломили бы его. Двадцать пять лет тому назад он торговал ваксой на улице. Он умел, он любил бороться. Сколько приложено было усилий, таланта и воли, чтобы заставить людей платить ему, Роллингу, золотые кружочки. Европейская война, разорение Европы — вот какие силы были подняты для того, чтобы золото потекло в кассы «Анилин Роллинг».

И вдруг это золото, эквивалент силы и счастья, будут черпать из шахты, как глину, как грязь, элеваторными черпаками в *любом количестве*. Вот тут-то подошвы Роллинга повисли в пустоте, он перестал ощущать себя царем природы — «гомо сапиенсом». Оставалось только — коллекционировать трубки.

Но он все еще, по настоянию Гарина, ежедневно диктовал по радио свою волю директорам «Анилин Роллинг». Ответы их были неопределенны. Становилось ясным, что директора не верят в добровольное уединение Роллинга на Золотом острове. Его спрашивали:

«Что предпринять для вашего возвращения на континент?»

Роллинг отвечал:

«Курс нервного лечения проходит благоприятно».

По его приказу были получены еще пять миллионов фунтов стерлингов. Когда же через две недели он вновь приказал выдать такую же сумму, агенты Гарина, предъявившие чек Роллинга, были арестованы. Это было первым сигналом атаки континента на Золотой остров. Флот из восьми линейных судов, крейсировавший в Тихом океане, близ двадцать второго градуса южной широты и сто тридцатого градуса западной долготы, ожидал только боевого приказа атаковать остров Негодяев.

101

Шесть тысяч рабочих и служащих Золотого острова были набраны со всех концов света. Первый помощник Гарина, инженер Чермак, носивший звание губернатора, разместил рабочую силу по национальностям на пятнадцати участках, отгороженных друг от друга колючей проволокой.

На каждом участке были построены бараки и молельни по возможности в национальном вкусе. Консервы, бисквиты, мармелад, бочонки с капустой, рисом, маринованными медузами, сельдями, сосисками, и прочее, и прочее заказывались (американским заводам) также с национальными этикетками.

Два раза в месяц выдавалась прозодежда, выдержанная в национальном духе, и раз в полгода — праздничные национальные костюмы: славянам — поддевки и свитки, китайцам — сырцовые кофты, немцам — сюртуки и цилиндры, итальянцам — шелковое белье и лакированные ботинки, неграм — набедренники, украшенные крокодильими зубами и бусами, и т. д.

Чтобы оправдать в глазах населения эти колючие границы, инженер Чермак организовал штат провокаторов. Их было пятнадцать человек. Они раздували национальную вражду: в будни умеренно, по праздникам вплоть до кулачной потасовки.

Полиция острова из бывших врангелевских офицеров, носивших мундир ордена Зои — белого сукна короткую куртку с золотым шитьем и канареечные штаны в обтяжку, — поддерживала порядок, не допуская национальности до взаимного истребления.

Рабочие получали огромное в сравнении с континентом жалованье. Иные посылали его на родину с ближайшим пароходом, иные сдавали на хранение. Расходовать было негде, так как только по праздникам в уединенном ущелье на юго-восточном берегу острова бывали открыты кабаки и Луна-парк. Там же функционировали пятнадцать домов терпимости, выдержанные также в национальном вкусе.

Рабочим было известно, для какой цели пробивается в глубь земли гигантская шахта. Гарин объявил всем, что при расчете он разрешит каждому взять с собой столько золота, сколько можно унести на спине. И не было

человека на острове, кто бы без волнения не смотрел на стальные ленты, уносящие породу из земных недр в океан, кого бы не опьянял желтоватый дымок над жерлом шахты.

. . . .

102

— Господа, наступил наиболее тревожный момент в нашей работе. Я ждал его и приготовился, но это, разумеется, не уменьшает опасности. Мы блокированы. Только что получено радио: два наших корабля, груженные фигурным железом для крепления шахты, консервами и мороженой бараниной, захвачены американским крейсером и объявлены призом. Это значит — война началась. С часу на час нужно ждать ее официального объявления. Одна из ближайших моих целей — война. Но она начинается раньше, чем мне нужно. На континенте слишком нервничают. Я предвижу их план: они боятся нас, они будут стараться уморить нас голодом. Справка: продовольствия на острове хватит на две недели, не считая живого скота. В эти четырнадцать дней мы должны будем прорвать блокаду и подвезти консервы. Задача трудная, но выполнимая. Кроме того, мои агенты, предъявившие чеки Роллинга, арестованы. Денег у нас в кассе нет. Триста пятьдесят миллионов долларов израсходованы до последнего цента. Через неделю мы должны платить жалованье, и, если расплатимся чеками, рабочие взбунтуются и остановят гиперболоид. Стало быть, в продолжение семи дней мы обязаны достать деньги.

Заседание происходило в сумерки в еще не оконченном кабинете Гарина. Присутствовали Чермак, инженер Шефер, Зоя, Шельга и Роллинг. Гарин, как всегда в минуты опасности и умственного напряжения, разговаривал, с усмешечкой покачиваясь на каблуках, засунув руки в карманы. Зоя председательствовала, держа в руке молоточек. Чермак, маленький, нервный, с воспаленными глазами, покашляв, сказал:

— Второй закон Золотого острова гласит: никто не должен пытаться проникнуть в тайну конструкции гиперболоида. Всякий, прикоснувшийся хотя бы к верхнему кожуху гиперболоида, подлежит смертной казни.

— Так, — подтвердил Гарин, — таков закон.

— Для успешного завершения указанных вами предприятий понадобится, по крайней мере, одновременная работа трех гиперболоидов: один для добычи денег, другой для прорыва блокады, третий для обороны острова. Вам придется сделать исключение из закона для двух помощников.

Наступило молчание. Мужчины следили за дымом сигар. Роллинг сосредоточенно нюхал трубку. Зоя повернула голову к Гарину. Он сказал:

— Хорошо. (Легкомысленный жест.) Опубликуйте. Исключение из второго закона делается для двух людей на острове: для мадам Ламоль и...

Он весело перегнулся через стол и хлопнул Шельгу по плечу:

— Ему, Шельге, второму человеку доверяю тайну аппарата...

— Ошиблись, товарищ, — ответил Шельга, снимая с плеча руку, — отказываюсь.

— Основание?

— Не обязан объяснять. Подумайте, — сами догадаетесь,

— Я поручаю вам уничтожить американский флот.

— Дело милое, что и говорить. Не могу.

— Почему, черт возьми?

— Как почему?.. Потому что путь скользкий...

— Смотрите, Шельга...

— Смотрю...

У Гарина торчком встала бородка, блеснули зубы. Он сдержался. Спросил тихо:

— Вы что-нибудь задумали?

— Моя линия, Петр Петрович, открытая. Я ничего не скрываю.

Короткий этот разговор был веден по-русски. Никто, кроме Зои, его не понял. Шельга снова принялся чертить завитушки на бумаге. Гарин сказал:

— Итак, помощником при гиперболоидах назначаю одного человека — мадам Ламоль. Если вы согласны, сударыня, — «Аризона» стоит под парами, — утром вы выходите в океан...

— Что я должна делать в океане? — спросила Зоя.

— Грабить все суда, которые попадутся на линиях Транспасифик. Через неделю мы должны заплатить рабочим.

103

В двадцать третьем часу с флагманского линейного корабля эскадры североамериканского флота было замечено постороннее тело над созвездием Южного Креста.

Голубоватые, как хвосты кометы, лучи прожекторов, омахивающие звездный небосвод, заметались и уперлись в постороннее тело. Оно засветилось. Сотни подзорных труб рассмотрели металлическую гондолу, прозрачные круги винтов и на борту дирижабля буквы П. и Г.

Защелкали огненные сигналы на судах. С флагманского корабля снялись четыре гидроплана и, рыча, стали круто забирать к звездам. Эскадра, увеличивая скорость, шла в кильватерном строе.

Гул самолетов становился все прозрачнее, все слабее. И вдруг воздушный корабль, к которому взвивались они, исчез из поля зрения. Много подзорных труб было протерто носовыми платками. Корабль пропал в ночном небе, сколько ни щупали прожекторы.

Но вот слабо донеслось туканье пулемета: нащупали. Туканье оборвалось. В небе, перевертываясь, понеслась отвесно вниз блестящая мушка. Смотревшие в трубы ахнули, — это падал гидроплан и где-то рухнул в черные волны. Что случилось?

И снова, — так-так-так-так, — застучали в небе пулеметы, и так же оборвался их стук, и, одии за другим, все три самолета пролетели сквозь лучи прожекторов, кубарем, штопорами бухиулись в океаи. Заплясали огнеиные сигиалы с флагмаиского судиа. Замигали до самого горизонта огии: что случилось?

Потом все увидели совсем близко бегущее против ветра — поперек кильватериой линии — чериое рваное облако. Это снижался воздушиый корабль, окутаниый дымовой завесой. На флагмане дали сигнал: «Берегись, газ. Берегись, газ». Рявкиули зенитиые орудия. И сейчас же иа палубу, иа мостики, иа броиебойные башии упали, разорвались газовые бомбы.

Первым погиб адмирал, двадцативосьмилетний красавец, из гордости не иадевший маски: схватился за горло и опрокииулся со вздутым, посииевшим лицом. В иесколько секунд отравлеиы были все, кто иаходился иа палубе, — противогазы оказались малодейственьиы. Флагмаиский корабль был атакован иеизвестиым газом.

Комаидование перешло к вице-адмиралу. Крейсера легли иа правый галс и открыли зеиитный огоиь. Три залпа потрясли иочь. Три зарницы, вырвавшись из орудий, окровавили океаи. Три роя стальиых дьяволов, визжа слепыми головками, проиеслись черт зиает куда и, лопиув, озарили звездиое иебо.

Вслед за залпами с крейсеров сиялись шесть гидроплаиов, — все экипажи в масках. Было очевидно, что первые четыре аппарата погибли, иалетев иа отравлениую дымовую завесу воздушиого корабля. Вопрос теперь касался чести американского флота. На судах погасли огии. Остались только звезды. В темиоте слышио было, как бились волиы о стальиые борта да пели в вышиие самолеты.

Накоиец-то!.. Так-так-так-так — из серебристого тумана Млечиого Пути долетело такаиье пулеметов... Затем — будто там откупоривали бутылки. Это иачалась атака граиатами. В зеиите засветилось буро-чериым светом клубящееся облачко: из иего выскользиула, иаклоиив тупой нос, металлическая сигара. По верхиему гребию ее плясали огиеиные язычки. Оиа иеслась иаклоиио вииз, оставляя за собой светящийся хвост, и, вся охвачеииая пламенем, упала за горизоитом.

Через полчаса один из гидроплаиов донес, что сиизился около горевшего дирижабля и расстрелял из пулемета все, что иа нем и около иего оставалось живого.

Победа дорого обошлась американской эскадре: погибли четыре самолета со всем экипажем. Отравлеио газами иасмерть двадцать восемь офицеров, в том числе адмирал эскадры, и сто тридцать два матроса. Обидиее всего при таких потерях было то, что великолепиые линейные крейсера с могучей артиллерией оказались иа положеиии бескрылых пингвинов: противник бил их сверху каким-то иеизвестиым газом, как хотел. Необходимо было взять реваиш, показать действительиую мощь морской артиллерии.

В этом духе контр-адмирал в ту же ночь послал в Вашиигтон доиесение о всех происшествиях морского боя. Он иастаивал иа бомбардировке острова Негодяев.

Ответ морского министра пришел через сутки: идти к указаииому острову и сровиять его с волнами океаиа.

104

— Ну, что? — вызывающе спросил Гарии, кладя иа письмеииый стол иаушиики радиоприемиика. (Заседание происходило в том же составе, кроме мадам Ламоль.) — Ну, что, милостивые государи?.. Могу поздравить... Блокады больше не существует... Америкаискому флоту отдаи приказ о бомбардировке острова.

Роллииг сотрясся, подиялся с кресла, трубка вывалилась у иего изо рта, лиловые губы искривились, точно ои хотел и не мог произиести какое-то слово.

— Что с вами, старииа? — спросил Гарии. — Вас так волиует приближеиие родиого флота? Не терпится повесить меия иа мачте? Или струсили бомбардировки?.. Глупо вам, разумеется, разлететься иа мокрые кусочки от америкаиского сиаряда. Или совесть, черт возьми, у вас зашевелилась... Ведь как-иикак воюем иа ваши деиежки.

Гарии коротко засмеялся, отвериулся от старика. Роллииг, так и ие сказав иичего, опустился иа место, прикрыл землистое лицо дрожащими руками.

— Нет, господа... Без риска можио иаживать только три цеита иа доллар. Мы идем сейчас иа огромиый риск. Наш разведочиый дирижабль отлично выполиил задачу... Прошу почтить вставанием двеиадцать погибших, в том числе комаидира дирижабля Александра Ивановича Волшина. Дирижабль успел протелефоиировать подробно состав эскадры. Восемь линейиых крейсеров новейшего типа, вооружеииых четырьмя броиевыми башнями, по три орудия в каждой. После боя у иих должио остаться ие меиее двеиадцати гидроплаиов. Кроме того, легкие крейсера, эсмиицы и подводиые лодки. Если считать удар каждого сиаряда в семьдесят пять миллиоиов килограммов живой силы, залп всей эскадры по острову, в круглых цифрах, будет равеи миллиарду килограммов живой силы.

— Тем лучше, тем лучше, — прошептал, иаконец, Роллииг.

— Перестаньте хныкать, дедуля, стыдио... Я и забыл, господа, — мы должиы поблагодарить мистера Роллиига за любезио предоставлеииое иам иовейшее и пока еще секретиейшее изобретеиие: газ, под названием «Чериый крест». Посредством его наши пилоты опрокииули в воду четыре гидроплана и вывели из строя флагмаиский корабль...

— Нет, я ие предоставлял вам любезио «Чериый крест», мистер Гарии! — хрипло крикиул Роллииг. — Под дулом револьвера вы у меия вырвали приказаиие послать иа остров баллоиы с «Чериым крестом».

Он задохнулся н, шатаясь, вышел. Гарнн стал развивать план защиты острова. Нападення эскадры нужно было ожндать на третьи суткн.

105

«Аризона» подняла пиратскнй флаг.

Это совсем не означало, что на ней взвнлось черное с черепом н берцовымн костямн романтнческое знамя морских разбойников. Теперь разве только иа бутылочках с сулемой нзображались подобные ужасы.

Флага, собственно, па «Арнзоне» не было поднято ннкакого. Две решетчатые башнн с гнперболоидами слншком отлнчалн ее профиль от всех судов на свете. Командовал судном Янсен, подчинеиный мадам Ламоль.

Велнколепное помещение Зои — спальня, ванная, туалетная, салон — заперто было на ключ. Зоя помещалась наверху, в капнтанской рубке, вместе с Янсеном. Прежняя роскошь — синие шелковые тенты, ковры, подушки, кресла — все было убрано. Комаида, взятая еще в Марселе, была вооружена кольтамн и короткнмн вннтовкамн. Комаиде объявлена цель выхода в море н призы с каждого захвачеиного судиа.

Все свободное помещенне на яхте было заполнено бидонамн с бензином н пресной водой. При боковом ветре, под всемн парусами, с полиой нагрузкой изумительных моторов рольс-ройс, «Аризона» летела, как альбатрос, — с гребня на гребень по взволнованному океану.

106

— Ветер подходит к семн баллам, капитан.

— Убрать марселя.

— Есть, капнтан.

— Сменять каждый час вахты. Дозорного в бочку на грот.

— Есть, капитан.

— Будут замечены огнн, — немедленно будить меня.

Янсен прищурился на непроглядную пустыню океана. Луна еще не всходила. Звезды былн затянуты пеленой. За все этн пять суток пути на северо-запад у иего не проходило ощущенне восторженной легкой дрожн во всем теле. Что ж — пнратством жнлн прадеды. Он кнвком простнлся с помощником и вошел в каюту.

Когда он вошел, мускулы его тела испыталн знакомое сотрясенне, обессилнвающую отраву. Он неподвнжио стоял под матовым полушарием потолочной лампы. Низкая комфортабельная, отделанная кожей н лакированным деревом капнтанская каюта — строгое жнлище однноного моряка — была насыщена прнсутствнем молодой женщины.

Прежде всего здесь пахло духамн. Тысяча дьяволов... Предводительнница пиратов душилась так, что у мертвого бы заходила селезенка. На спннку стула небрежно кинула фланелевую юбку и золотистый свитер. На пол, прямо на коврик, сброшены чулки вместе с подвязками, — одни чулок как будто еще хранил форму ноги.

Мадам Ламоль спала на его койке. (Янсен все эти пять дней, не раздеваясь, ложнлся на кожаный днванчнк.) Она лежала иа боку. Губы ее были прноткрыты. Лицо, осмугленное морским ветром, казалось спокойным, невнннным. Голая рука закинута за голову. Пиратка!

Тяжелым нспытаннем было для Янсена это воинственное решение мадам Ламоль поселиться вместе с ним в капнтаиской каюте. С боевой точки зрення — правнльно. Шлн на разбой, быть может, — на смерть. Во всяком случае, еслн бы их поймалн, обонх повесилн бы рядом на мачте. Это его не смущало, это его даже вдохновляло. Он был подданным мадам Ламоль, королевы Золотого острова. Он любил ее.

Сколько там ни объясняй, любовь — темная нсторня. Янсен вндывал н девчонок нз портовых кабаков, н велнколепных леди на пароходах, от скукн и любопытства падавшнх в его морскне объятия. Иных он забыл, как пустую страницу пустой книжонки, иных приятно было вспоминать в часы спокойиой вахты, похаживая иа мостике под теплымн звездами.

Так н в Неаполе, когда Янсен дожидался в курительиой звоика мадам Ламоль, было еще что-то похожее на его прежние похождения. Но то, что должно было случиться тогда — после ужнна и таицев, не случилось. Прошло полгода, и Янсену теперь днко было даже вспомннать, — иеужели вот этой рукой он когда-то в здравой памятн держал спину танцующей мадам Ламоль? Неужели какнето иесколько минут, половина выкуренной папнросы, отделялн его от немыслнмого счастья. Теперь, услышав с другого коица яхты ее голос, он медленно вздрагивал, точно в нем разражалась тихая гроза. Когда он видел иа палубе в плетеном кресле королеву Золотого острова, с глазамн, блуждающнмн по краю неба и воды, у него где-то — за границамн разумного — все пело н тосковало от преданности, от влюбленности.

Может быть, причиной всему были викингн, морские разбойннки, предки Яисена, — те, которые плавалн далеко от родной землн по морям в красных ладьях с поднятой кормой и носом в внде петушнного гребня, с повешенными по бортам щитамн, с прямым парусом иа ясеневой мачте. У такой мачты Яисен-пращур и пел о снних волнах, о грозовых тучах, о светловолосой деве, о той далекой, что ждет у берега моря н глядит вдаль, — проходят годы, н глаза ее как синее море, как грозовые тучи. Вот нз какой давностн иалетала мечтательность на бедного Янсена.

Стоя в каюте, пахнущей кожей н духами, он с отчаяннем н восторгом глядел на мнлое лнцо, на свою любовь. Он боялся, что она проснется. Неслышно подошел к днвану, лег. Закрыл глаза. Шумели волны за бортом. Шумел океан. Пращур пел древнюю песню о прекрасиой деве. Яисен закннул рукн за голову, и сон и счастье прикрыли его.

107

— Капитаи!.. (Стук в дверь.) Капитаи!

— Янсеи! — Встревожеииый голос мадам Ламоль иглой прошел через мозг. Капитан Янсен вскочнл, — выиыриул с одичавшнмн глазами из сиовндеинй. Мадам Ламоль торопднво натягнвала чулки. Рубашка ее спустнлась, оголнв плечо.

— Тревога, — сказала мадам Ламоль, — а вы спите...

В дверь опять стукнули, и — голос помощника:

— Капитан, огии с левого борта.

Янсен растворил дверь. Сырой ветер рваиулся ему в легкие. Ои закашлялся, вышел на мостик. Ночь была непроглядная. С левого борта, вдали, над волнами покачнвались два огия.

Не сводя глаз с огней, Янсен пошарнл иа груди свнсток. Свнстиул. Ответнлн боцмаиа. Янсен скомаидовал отчетливо:

— Аврал! Свистать всех наверх! Убрать паруса!

Раздались свнстки, крики команды. С бака, с юта повысыпали матросы. Они, как кошки, полезлн иа мачты, закачалнсь на реях. Заскрипели блоки. Задрав голову, боцман проклял все святое, что есть на свете. Паруса упали. Янсеи командовал:

— Право руля! Вперед — полиый! Гасн огнн!

Идя теперь иа одних моторах, «Аризона» сделала крутой поворот. С правого борта взвился гребень волны н покатнлся по палубе. Огин погасли. В полиой темиоте корпус яхты задрожал, развивая предельную скорость.

Замеченные огнн быстро вырастали из-за горизоита. Скоро темиым очертаиием показалось снльио дымившее судно — двухтрубный пакетбот.

Мадам Ламоль вышла на капитанскнй мостик. На голову она иадвииула вязаиый колпачок с помпоичиком, на шее — мохиатый шарф, вьющнйся за спниой. Янсен подал ей бннокль. Она поднесла его к глазам, ио так как сильно качало, пришлось положнть руку с бнноклем на плечо Янсену. Он слушал, как бьется ее сердце под теплым свитером.

— Нападем! — сказала оиа и блнзко, твердо посмотрела ему в глаза.

Метрах в пятнстах «Аризона» была замечена с пакетбота. На ием со штурвального мостнка замахали фонарем, затем нпзко завыла снрена. «Аризоиа» без огней, ие отвечая на сигиалы, мчалась под прямым углом к освещениому кораблю. Он замедлнл ход, начал поворачнвать, стараясь избежать столкиовення...

. . . .

Вот как описывал иеделю спустя корресподент «Нью-Йорк-Геральд» это иеслыхаиное дело:

«...Было без четвертн пять, когда нас разбуднл тревожный рев сирены. Пассажиры высыпалн иа палубу. После света кают иочь казалась похожей на чериила. Мы заметили тревогу на капитаиском мостике н шарилн биноклями в темиоте. Никто толком не зиал, что случнлось. Наше судно замедлнло ход. И вдруг мы увидели *это*... иа нас мчался какой-то невиданый корабль. Узкий и длнниый, с тремя высокимн мачтами, похожий очертаиними иа быстроходный клипер, на корме н носу его возвышалнсь странные решетчатые башии. Кто-то в шутку крнкиул, что это — «Летучнй голландец».... На мнпуту всех охватнла панвка. В ста метрах от иас таннственииый корабль остановнлся, н резкий голос оттуда прокричал в мегафон по-английскн:

«Остаиовнть машииы. Погаснть топкн».

Наш капнтаи ответил:

«Раньше чем нсполннть приказание, иужно зиать, кто прнказывает».

С корабля крикнулн:

«Прнказывает королева Золотого острова».

Мы были ошеломлены, — что это — шутка? Новая иаглость Пьера Гаррн?

Капнтан ответнл:

«Предлагаю королеве свободную каюту и сытный завтрак, еслн оиа голодиа».

Это былн слова нз фокстрота «Бедный Гарри». На палубе раздался дружный хохот. И сейчас же иа таинственном корабле, на иосовой башне, появился луч. Он был тонок, как вязальиая нгла, ослепнтельио белый, и шел из купола башии, ие расширяясь. Никому в ту мнпуту не прнходило в голову, что перед нами самое страшиое оружие, когда-либо выдумаииое человечеством. Мы были весело настроеиы.

Луч описал петлю в воздухе и упал на иосовую часть нашего пакетбота. Послышалось ужасающее шнпение, вспыхнуло зелеиоватое пламя разрезаемой сталн. Дико закричал матрос, стоявший иа юте. Носовая иадводная часть пакетбота обрушилась в море. Луч подиялся, задрожал в вышнне и, снова опустившись, прошел параллельно иад нами. С грохотом иа палубу повалнлнсь верхушкн обеих мачт. В панике пассажиры кннулись к трапам. Капитан был ранеи обломком.

Остальное нзвестно. Пираты подъехали на шлюпке, вооруженные короткими карабниами, поднялнсь на борт пакетбота и потребовалн денег. Они взялн десять мнллноиов долларов, — все, что находнлось в почтовых переводах и в кармаиах у пассажиров.

Когда шлюпка с иаграблеииым вернулась к пиратскому кораблю, на нем ярко осветилась палуба. Мы вндели, как с решетчатой башии спустилась высокая худощавая женщиа в вязаном колпачке, стремительно взошла на капитанскнй мостик н прнложила ко рту мегафои. Откииувшись, оиа крикнула иам:

«Можете свободио продолжать путь».

Пиратский корабль сделал поворот и с иеобычайиой быстротой скрылся за горизоитом».

108

Событня последннх дней — нападенне на амернканскую эскадру днрижабля «П. Г.» и прнказ по флоту о бомбарднровке — взбудоражилн все населеине Золотого острова.

В контору посыпались заявления о расчете. Из сберегательной кассы брали вклады. Рабочие совещались за проволокамн, не обращая виимания иа желто-белых гвардейцев, с мрачными и решнтельнымн лицамн шагавших по полицейским тропинкам. Поселок был похож на потревожеиный улей. Напрасио завывалн медные трубы н бухали турецкне барабаны в овраге перед публичиымн домами. Луиапарк и бары были пусты. Напрасио пятнадцать провокаторов прнлагали иечеловеческие усилия, чтобы разряднть дурное настроенне в национальную потасовку. Никто никому в этн днн ие хотел сворачивать скул за то только, что он живет за другой проволокой.

Иижеиер Чермак расклеил по острову правнтельствениое сообщеине. Объявлялось военное положение, запрещались сборнща и мнтииги, до особого распоряжения никто не нмел права требовать расчета. Население предостерегалось от крнтикн правнтельства. Работы в шахте должны продолжаться без перебоя деиь и иочь. «Тех, кто грудью поддержнт в этн днн Гарина, — говорилось в сообщенни, — тех ожндает сказочиое богатство. Малодушных мы сами вышвырием с острова. Помните, мы боремся против тех, кто мешает нам разбогатеть».

Несмотря на решительный дух этого сообщеиия, утром, накануне дия, в который ожндалось иападенне флота, шахтовые рабочне заявнли, что оии остаиовят гиперболонды и машины жидкого воздуха, если сегодня до полудня ие будет выплачеио жалованье (это был деиь получкн) н до полудня же ие будет послаио амернканскому правительству заявлеине о миролюбин и о прекращеиии всяких военных действий.

Остановнть машины жндкого воздуха — зиачило взорвать шахту, быть может, вызвать извержение расплавлеииой магмы. Угроза была сильна. Инжеиер Чермак сгоряча пригрозил расстрелом. У шахты стали сосредоточиваться бело-желтые. Тогда сто человек рабочих спустилнсь в шахту, в боковые пещеры н по телефону сообщилн в контору:

«Нам не оставляют иного выхода, кроме смертн, к четырем часам взрываемся вместе с островом».

Все же это была отсрочка на четыре часа. Инженер Чермак убрал из района шахты гвардню и иа мотоцнклетке помчался во дворец. Он застал за беседой Гарина и Шельгу. Обонх — красных н встрепанных. Гарни вскочнл, как бешеный, увндев Чермака.

— У кого вы учнлись адмнинстративной глупости?

— Но...

— Молчать... Вы отставлены. Отправляйтесь в лабораторню, к черту илн куда хотнте... Вы — осел...

Гарнн распахиул дверь и вытолкнул Чермака. Вернулся к столу, на углу которого сндел Шельга с сигарой в зубах.

— Шельга, иастал час, я его предвндел, — однн вы можете овладеть двнжеиием, спасти дело... То, что началось на острове, опаснее десятн американскнх флотов.

— Н-да, — сказал Шельга, — давно бы пора понять...

— К черту с вашей политграмотой... Я иазиачаю вас губериатором острова с чрезвычайными полномочиями... Попробуйте отказаться, — торопливо забнрая иа самые верхн, закричал Гарни, кииулся к столу, вытащнл револьвер. — Коротко: еслн иет — я стреляю... Да или иет?

— Нет, — сказал Шельга, косясь на револьвер.

Гарин выстрелнл. Шельга подиес руку, державшую сигару, к виску:

— Дерьмо собачье, сволочь...

— Ага, значит, согласны?

— Положнте эту штуку.

— Хорошо. (Гарии швыриул револьвер в ящик.)

— Что вам нужно? Чтобы рабочие не взорвали шахты? Ладно. Не взорвут. Но — условие...

— Зараиее согласен.

— Как я был частным лицом иа острове, так я н остаюсь. Я вам ие слуга н не иаемник. Это первое. Все националььые грааицы сегодня же уиичтожить, чтобы ин одиой проволокн. Это вторoе...

— Согласен.

— Шайку ваших провокаторов...

— У меия иет провокаторов, — быстро сказал Гарин.

— Врете...

— Ладно, — вру. Что с инми? Утопнть?

— Сегодня же ночью.

— Сделаю. Считайте их утоплеинымн. (Гарни быстро помечал караидашом иа блокноте.)

— Последнее, —сказал Шельга, — полное невмешательство в мои отиошеиня с рабочнми.

— Ой ли? (Шельга сморщнлся, стал слезать со стола. Гарин схватнл его за руку). Согласен. Придет время, — я вам все равио обломаю бока. Что еще?

Шельга, сощурясь, раскурнвал сигару, так что за дымом не стало видно его лукавого обветренного лица с короткими светлымн усикамн, с приподнятым носом. В это время зазвоиил телефои. Гарии взял трубку.

— Я. Что? Радио?

Гарин швыриул трубку и надел наушиики. Слушал, кусал ноготь. Рот его пополз вкось усмешкой.

— Можете успокоить рабочнх. Завтра мы платнм. Мадам Ламоль достала десять миллионов долларов. Сейчас посылаю за деньгамн прогулочиый дирнжабль. «Арнзоиа» всего в четырехстах мнлях иа северо-западе.

— Ну что же, это упрощает, — сказал Шельга. Засуиув руки в карманы, он вышел.

109

Повнснув иа потолочных ремнях так, чтобы иогн ие касались пола, зажмурившнсь н на секунду задержав дыхание, Шельга рухнул винз в стальной коробке лифта.

Охлажденне параллельиой шахты было ие-

равномерным, и от пещеры к пещере приходилось пролетать горячие пояса,—спасала только скорость падения.

На глубине восьми километров, глядя на красную стрелку указателя, Шельга включил реостаты и остановил лифт. Это была пещера номер тридцать семь. В трехстах метрах глубже нее на дне шахты гудели гиперболоиды и раздавались короткие, непрерывные взрывы раскаленной почвы, охлаждаемой сжатым воздухом. Позвякивали, шуршали черпаки элеваторов, уносящие породу на поверхность земли.

Пещера номер тридцать семь, как и все пещеры сбоку главной шахты, представляла собой внутренность железного клепаного куба. За стенками его испарялся жидкий воздух, охлаждая гранитную толщу. Пояс кипящей магмы, видимо, был неглубоко, ближе, чем это предполагалось по данным электромагнитных и сейсмографических разведок. Гранит был накален до пятисот градусов. Остановись хотя бы на несколько минут охлаждающие приборы жидкого воздуха, все живое мгновенно превратилось бы в пепел.

Внутри железного куба стояли койки, лавки, ведра с водой. На четырехчасовой смене рабочие приходили в такое состояние, что их полуживыми укладывали на койки, прежде чем поднять на поверхность земли. Шумели вентиляторы и воздуходувные трубы. Лампочка под клепаным потолком резко освещала мрачные, нездоровые, отечные лица двадцати пяти человек. Семьдесят пять рабочих находились в пещерах выше, соединенные телефонами.

Шельга вышел из лифта. Кое-кто обернулся к нему, но не поздоровались, — молчали. Очевидно, решение взорвать шахту было твердое.

— Переводчика. Я буду говорить по-русски, — сказал Шельга, садясь к столу и отодвигая локтем банки с мармеладом, с английской солью, недопитые стаканы вина. (Всем этим правительство острова щедро снабжало шахтеров.)

К столу подошел синевато-бледный, под щетиной бороды, сутулый, костлявый еврей.

— Я переводчик.

Шельга начал говорить:

— Гарин и его предприятие — не что иное, как крайняя точка капиталистического сознания. Дальше Гарина идти некуда: насильственное превращение трудящейся части человечества в животных путем мозговой операции, отбор избранных — «царей жизни», остановка хода цивилизации. Буржуа пока еще не понимают Гарина, — да он и сам не торопится, чтобы его поняли. Его считают бандитом и захватчиком. Но они в конце концов поймут, что империализм упирается в систему Гарина... Товарищи, мы должны предупредить самый опасный момент: чтобы Гарин с ними не сговорился. Тогда вам придется туго, товарищи. А вы в этой коробке решили умереть за то, чтобы Гарин не ссорился с американским правительством. Как же теперь быть, подумайте? Одолеет Гарин — плохо, одолеют капиталисты — плохо. Гарин с ними сговорится — тогда уже хуже некуда. Вы еще не знаете себе цены, товарищи, — сила на вашей стороне. И через месяц, когда черпаки погонят золото на поверхность земли, это будет на руку не Гарину, а вам, тому делу, которое мы должны совершить на земле. Если вы мне верите, но как верите, — до конца, свирепо, — тогда я — ваш вождь... Выбирайте единогласно... А если не верите...

Шельга приостановился, оглянул угрюмые лица рабочих, устремленные на него немигающие глаза, — сильно почесал в затылке...

— Если не верите, — еще буду разговаривать.

К столу подошел голый по пояс, весь в саже, плечистый юноша. Нагнувшись, посмотрел на Шельгу синими глазами. Поддернул штаны, повернулся к товарищам:

— Я верю.

— Верим, — сказали остальные. Через многоверстную гранитную толщину долетело по телефонам: «Верим, верим».

— Ну, верите, так ладно, — сказал Шельга, — теперь по пунктам: национальные границы к вечеру уберут. Зарплату получите завтра. Гвардейцы пусть охраняют дворец, — мы без них обойдемся. Пятнадцать душ провокаторов утопим, — это я первым условием поставил. Теперь задача — как можно скорее пробиться к золоту. Правильно, товарищи?

110

Ночью на северо-западе появился блуждающий свет прожекторов. В гавани тревожно завыли сирены. На рассвете, когда море еще лежало в тени, появились первые вестники приближающейся эскадры: высоко над островом закружились самолеты, поблескивая в розовой заре.

Гвардейцы открыли было по ним стрельбу из карабинов, но скоро перестали. Кучками собирались жители острова. Над шахтой продолжал куриться дымок. Били склянки на судах. На большом транспорте шла разгрузка — береговой кран выбрасывал на берег накрест перевязанные тюки.

Океан был спокоен в туманном мареве. В небе пели воздушные винты.

Поднялось солнце туманным шаром. И тогда все увидели на горизонте дымы. Они ложились длинной и плоской тучей, тянувшейся на юго-восток. Это приближалась смерть.

На острове все затихло, как будто перестали даже петь птицы, привезенные с континента. В одном месте кучка людей побежала к лодкам в гавани, и лодки, нагруженные до бортов, торопливо пошли в открытое море. Но лодок было мало, остров — как на ладони, укрыться негде. И жители стояли в столбняке, молча. Иные ложились лицом в песок.

Во дворце не было заметно движения. Бронзовые ворота заперты. Вдоль красноватых наклонных стен шагали, с карабинами за спиной, гвардейцы в широкополых высоких шляпах, в белых куртках, расшитых золотом. В стороне возвышалась прозрачная, как кружево, башня большого гиперболоида. Восхо-

дящая пелена тумана скрывала от глаз ее верхушку. Но мало кто надеялся на эту защиту: буро-черное облако на горизонте было слишком вещественно и угрожающе.

Многие с испугом обернулись в сторону шахты. Там заревел гудок третьей смены. Нашли время работать! Будь проклято золото! Затем часы на крыше замка пробили восемь. И тогда по океану покатился грохот — тяжелые, возрастающие громовые раскаты. Первый залп эскадры. Секунды ожидания, казалось, растянулись в пространстве, в звуках налетающих снарядов.

111

Когда раздался залп эскадры, Роллинг стоял на террасе, наверху лестницы, спускающейся к воде. Он вынул изо рта трубку и слушал рев налетающих снарядов: не менее девяноста стальных дьяволов, начиненных мелинитом и нарывным газом, мчались к острову прямо в мозг Роллингу. Они победоносно ревели. Сердце, казалось, не выдержит этих звуков. Роллинг попятился к двери в гранитной стене. (Он давно приготовил себе убежище в подвале на случай бомбардировки.) Снаряды разорвались в море, взлетев водяными столбами. Громыхнули. Недолет.

Тогда Роллинг стал смотреть на вершину сквозной башни. Там со вчерашнего вечера сидел Гарин. Круглый купол на башне вращался, — это было заметно по движениям меридиональных щелей. Роллинг надел пенсне и всматривался, задрав голову. Купол вращался очень быстро — направо и налево. При движении направо видно было, как по меридиональной щели ходит вверх и вниз блестящий ствол гиперболоида.

Самым страшным была та торопливость, с которой Гарин работал аппаратом. И — тишина. Ни звука на острове.

Но вот с океана долетел широкий и глухой звук, будто в небе лопнул пузырь. Роллинг поправил пенсне на взмокшем носу и глядел теперь в сторону эскадры. Там расплывались грибами три кучи бело-желтого дыма. Левее их вспучивались лохматые клубы, озарились кроваво, поднялись, и вырос, расплылся четвертый гриб. Докатился четвертый раскат грома.

Пенсне все сваливалось с носа Роллинга. Но он мужественно стоял и смотрел, как за горизонтом вырастали дымные грибы, как все восемь линейных кораблей американской эскадры взлетели на воздух.

Снова стало тихо на острове, на море и в небе. В сквозной башне сверху вниз мелькнул лифт. Хлопнули двери в доме, послышалось фальшивое насвистывание фокстрота, на террасу выбежал Гарин. Лицо у него было измученное, измятое, волосы — торчком.

Не замечая Роллинга, он стал раздеваться. Сошел по лестнице к самой воде, стащил подштанники цвета семги, шелковую рубашку. Глядя на море, где еще таял дым над местом погибшей эскадры, Гарин скреб себя под мышками. Он был, как женщина, белый телом, сытенький, в его наготе было что-то постыдное и отвратительное.

Он попробовал ногой воду, присел по-бабьи навстречу волне, поплыл, но сейчас же вылез и только тогда увидел Роллинга.

— А, — протянул он, — а вы что, тоже купаться собрались? Холодно, черт его дери.

Он вдруг рассмеялся дребезжащим смешком, захватил одежду и, помахивая подштанниками и не прикрываясь, во всей срамоте пошел в дом. Такого унижения Роллинг еще не переживал. От ненависти, от омерзения сердце его оледенело. Он был безоружен, беззащитен. В эту минуту слабости он почувствовал, как на него легло прошлое, — вся тяжесть истраченных сил, бычьей борьбы за первое место в жизни... И все для того, чтобы мимо него торжествующе прошествовал этот его победитель — голый бесстыдник.

Открывая огромные бронзовые двери, Гарин обернулся:

— Дядя, идем завтракать. Раздавим бутылочку шампанского.

112

Самое странное в дальнейшем поведении Роллинга было то, что он покорно поплелся завтракать. За столом, кроме них, сидела только мадам Ламоль, бледная и молчаливая от пережитого волнения. Когда она подносила ко рту стакан, — стекло дребезжало об ее ровные ослепительные зубы.

Роллинг, точно боясь потерять равновесие, напряженно глядел в одну точку — на золотую бутылочную пробку, сделанную в форме того самого проклятого аппарата, которым в несколько минут были уничтожены все прежние понятия Роллинга о мощи и могуществе.

Гарин, с мокрыми непричесанными волосами, без воротничка, в помятом и прожженном пиджаке, болтал какой-то вздор, жуя устрицы, — залпом выпил несколько стаканов вина:

— Вот теперь только понимаю, до чего проголодался.

— Вы хорошо поработали, мой друг, — тихо сказала Зоя.

— Да. Признаться, одну минуту было страшновато, когда горизонт окутался пушечным дымом... Они меня все-таки опередили... Черти... Возьми они на один кабельтов дальше — от этого дома, чего там — от всего острова остались бы пух и перья...

Он выпил еще стакан вина и, хотя сказал, что голоден, локтем оттолкнул ливрейного лакея, поднесшего блюдо.

— Ну как, дядя? — он неожиданно повернулся к Роллингу и уже без смеха впился в его глазами. — Пора бы нам поговорить серьезно. Или будете ждать еще более потрясающих эффектов?

Роллинг без стука положил на тарелку вилку и серебряный крючок для омаров, опустил глаза:

— Говорите, я вас слушаю.

— Давно бы так... Я вам уже два раза предлагал сотрудничество. Надеюсь — помните?

Впрочем, я вас не виню: вы не мыслитель, вы нз породы буйволов. Сейчас еще раз предлагаю. Удивляетесь? Объясню. Я — оргаиизатор. Я перестраиваю всю вашу тяжеловесную, набнтую глупейшнмн предрассудкамн капиталистическую систему. Поиятно? Еслн я не сделаю этого — коммунисты вас съедят с маслицем и еще сплюиут ие без удовольствия. Коммуиизм — это то единствеииое в жизин, что я иеиавижу... Почему? Ои уиичтожает меня, Петра Гарнна, целую вселеиную замыслов в моем мозгу... Вы вправе спросить, для чего же мие иужиы вы, Роллинг, когда у меия под иогами иенсчерпаемое золото?

— Да, спрошу, — хрнпло проговорнл Роллниг.

— Дядя, выпейте стакаи джииу с кайеиским перцем, это оживит ваше воображение. Неужели вы хотя на мииуту моглн подумать, что я намереи превратнть золото в иавоз? Действительио, я устрою несколько горячих денечков человечеству. Я подведу людей к самому краю страшной пропасти, когда онн будут держать в руках кнлограмм золота, стоящий пять цеитов[1].

Роллинг вдруг поднял голову, тусклые глаза молодо блесиулн, рот раздвииулся кривой усмешкой...

— Ага! — каркнул он.

— То-то — ага. Поияли, накоиец?.. И тогда, в этн дии величайшей паиики, мы, то есть я, вы н еще трнста таких же буйволов, илн мировых негодяев, илн фннаисовых королей,— выбнрайте назваиие по своему вкусу, — возьмем мир за глотку... Мы покупаем все предпрнятия, все заводы, все железиые дорогн, весь воздушный н морской флот... Все, что нам иужно н что пригодится, — будет наше. Тогда мы взрываем этот остров вместе с шахтой и объявляем, что мировой запас золота ограннчен, золото в иаших руках и золоту возвращено его прежнее зиаченне — быть едииой мерой стонмости.

Роллииг слушал, откинувшись иа спинку стула, рот его с золотыми зубамн раздвинулся, как у акулы, лнцо побагровело.

Так ои сидел неподвижио, посверкивая маленькими глазами. Мадам Ламоль иа минуту даже подумала: ие хватит лн старика удар.

— Ага! — снова каркиул он. — Идея смела... Вы можете рассчитывать иа успех... Но вы ие учитываете опасиостн всяких забастовок, буитов...

— Это учнтываю в первую голову, — резко сказал Гарнн. — Для начала мы построим громадиые коицеитрациоиные лагерн. Всех иедовольиых иашим режнмом — за проволоку. Затем — проведем закон о мозговой кастрацнн... Итак, дорогой друг, вы избираете меня вождем?.. Ха! (Ои иеожндаиио подмигиул, н это было почтн страшио.)

Роллниг опустнл лоб, иасупился. Его спрашивали, он обязаи был подумать.

— Вы прннуждаете меия к этому, мнстер Гарни?

— А вы как думалн, дядя? На колеиях, что ли, прошу? Принуждаю, еслн вы сами еще не понялн, что уже давно ждете меня как спасителя.

— Очень хорошо, — сквозь зубы сказал Роллнng н через стол протянул Гарнну лиловую шершавую руку.

— Очень хорошо, — повторнл Гарнн. — События развнваются стремнтельио. Нужио, чтобы на контннеите было подготовлено мнение трехсот королей. Вы напишете нм пнсьмо о всем безумин правительства, посылающего флот расстреливать мой остров. Вы постараетесь прнготовить их к «золотой паинке». (Он щелкиул пальцами; подскочнл лнврейиый лакей.) Налей-ка еще шампанского. Итак, Роллниг, выпьем за велнкнй исторический переворот... Ну что, брат, а Муссолнии какой-ннбудь — щенок...

Петр Гарин договорился с мистером Роллиигом... История была прншпорена, исторня поиеслась вскачь, звеия золотыми подковамн по черепам дураков.

113

Впечатлеине, пронзведеииое в Амернке н Европе гнбелью тихоокеаиской эскадры, было потрясающее, небывалое. Североамернканскне Соедниенные Штаты получнлн удар, отдавшнйся по всей земле. Правительства Германнн, Фраиции, Аиглии, Италии иеожиданио с нездоровой нервностью воспряиули духом: показалось, — а вдруг в ыииешнем году (а вдруг н совсем) ие нужно будет платить процеитов распухшей от золота Амернке? «Колосс оказался на глиняных иогах, — писалн в газетах, — не так-то просто завоевывать мнр...»

Кроме того, сообщення о пнратскнх похождеинях «Арнзоны» внесли перебой в морскую торговлю. Владельцы пароходов отказывалнсь от погрузкн, капнтаны боялнсь идти через океан, страховые общества подняли цеиы, в банковских переводах пронзошел хаос, иачались протесты векселей, лопиуло иесколько торговых домов, Япония поспешила просунуть на амернканскне колоннальные рыики свон дешевые н скверные товары.

Плачевиый морской бой обошелся Амернке в большие деньгн. Пострадал престнж, нлн, как его называлн, «национальная гордость». Промышленинкн требовали мобнлизацни всего морского и воздушного флотов, — войиы до победного коица, чего бы это ии стонло. Амернканскне газеты грозились, что «ие сиимут траура» (иазвания газет былн обведеиы траурной рамкой, — это на многих производило впечатлеиие, хотя типографски стоило иедорого), покуда Пьер Гаррн не будет привезеи в железной клетке в Нью-Йорк н казиен иа электрическом стуле. В города, в обывательскую толщу, проникали жуткне слухн об агентах Гарина, сиабженых будто бы карманиым ннфракрасиым лучом. Были случаи избиення иензвестиых личностей и мгновенных паник на улицах, в кино, в ресторанах. Вашнигтоиское правительство гремело словамн, но по существу показывало ужасную рас-

[1] Около шести копеек. (*Примеч. А. Н. Толстого.*)

терянность. Единственное из всей эскадры судно, миноносец, уцелевший от гибели под Золотым островом, привез военному министру донесение о бое, — подробности настолько страшные, что их побоялись опубликовать. Семнадцатидюймовые орудия были бессильны против световой башни острова Негодяев.

Все эти неприятности заставили правительство Соединенных Штатов созвать в Вашингтоне конференцию. Ее лозунгом было: «Все люди суть дети одного бога, подумаем о мирном процветании человечества».

Когда был опубликован день конференции, редакции газет, радиостанции всего мира получили извещение о том, что инженер Гарин лично будет присутствовать на открытии.

114

Гарин, Чермак и инженер Шефер опускались в лифте в глубину главной шахты. За слюдяными окошками проходили бесконечные ряды труб, проводов, креплений, элеваторных колодцев, площадок, железных дверей.

Миновали восемнадцать поясов земной коры — восемнадцать слоев, по которым, как по слоям дерева, отмечались эпохи жизни планеты. Органическая жизнь начиналась с четвертого «от огня» слоя, образованного палеозойским океаном. Девственные воды его были насыщены неведомой нам жизненной силой. Они содержали радиоактивные соли и большое количество углекислоты. Это была «вода жизни».

На заре последующей — мезозойской — эры из вод его вышли гигантские чудовища. Миллионы лет они потрясали землю криками жадности и похоти. Еще выше, в слоях шахты, находили остатки птиц, еще выше — млекопитающих. А там уже близился ледниковый период — суровое снежное утро человечества.

Лифт опускался через последний, девятнадцатый, слой, произошедший из пламени и хаоса извержений. Это была земля архейской эры — сплошной черно-багровый, мелкозернистый гранит.

Гарин кусал ноготь от нетерпения. Все трое молчали. Было тяжело дышать. На спине у каждого висел кислородный аппарат. Слышался рев гиперболоидов и взрывы.

Лифт вошел в полосу яркого света электрических ламп и остановился над огромной воронкой, собирающей газы. Гарин и Шефер надели резиновые круглые, как у водолазов, шлемы и проникли через один из люков воронки на узкую железную лестницу, которая вела отвесно вниз на глубину пятиэтажного дома. Они начали спускаться. Лестница окончилась кольцевой площадкой. На ней несколько голых по пояс рабочих, в круглых шлемах, с кислородными аппаратами за спиной, сидели на корточках над кожухами гиперболоидов. Глядя вниз, в гудящую пропасть, рабочие контролировали и направляли лучи.

Такие же отвесные, с круглыми прутьями-ступенями лестницы соединяли эту площадку с нижним кольцом. Там стояли охладители с жидким воздухом. Рабочие, одетые с ног до головы в прорезиненный войлок, в кислородных шлемах, руководили с нижней площадки охладителями и черпаками элеваторов. Это было наиболее опасное место работ. Неловкое движение, и человек попадал под режущий луч гиперболоида. Внизу раскаленная порода лопалась и взрывалась в струях жидкого воздуха. Снизу летели осколки породы и клубы газов.

Элеваторы вынимали в час до пятидесяти тонн. Работа шла споро. Вместе с углублением черпаков опускалась вся система — «железный крот», — построенная по чертежам Манцева, верхнее кольцо с гиперболоидами и наверху газовая воронка. Крепления шахты начинались уже выше «кротовой» системы.

Шефер взял с пролетающего черпака горсть серой пыли. Гарин растер ее между пальцами. Нетерпеливым движением потребовал карандаш. Написал на коробке от папирос:

«Тяжелые шлаки. Лава».

Шефер закивал круглым очкастым шлемом. Осторожно передвигаясь по краю кольцевой площадки, они остановились перед приборами, висящими на монолитной стене шахты на стальных тросах и опускающимися по мере опускания всей системы «железного крота». Это были барометры, сейсмографы, компасы, маятники, записывающие величину ускорения силы тяжести на данной глубине, электромагнитные измерители.

Шефер указал на маятник, взял у Гарина коробку от папирос и написал на ней не спеша аккуратным немецким почерком:

«Ускорение силы тяжести поднялось на девять сотых со вчерашнего утра. На этой глубине ускорение должно было упасть до 0,98, вместо этого мы получаем увеличение ускорения на 1,07...»

«Магниты?» — написал Гарин.

Шефер ответил:

«Сегодня с утра магнитные приборы стоят на нуле. Мы опустились ниже магнитного поля».

Уперев руки в колени, Гарин долго глядел вниз, в суживающийся до едва видимой точки черный колодец, где ворчал, вгрызаясь все глубже в землю, «железный крот». Сегодня с утра шахта начала проходить сквозь Оливиновый пояс.

115

— Ну, как, Иван, здоровьишко?

Шельга погладил мальчика по голове. Иван сидел у него в маленьком прибрежном домике, у окна, глядел на океан. Домик был сложен из прибрежных камней, обмазан светло-желтой глиной. За окном по синему океану шли волны, белея пеной, разбивались о рифы, о прибрежный песок уединенной бухточки, где жил Шельга.

Ивана привезли полумертвым на воздушном корабле. Шельга отходил его с большим трудом. Если бы не свой человек на острове, Иван навряд бы остался жить. Весь он был обморожен, застужен, и, ко всему, душа его

была угиетеиа: поверил людям, старался из последиих сил, а что вышло?

— Мне теперь, товарнщ Шельга, в Советскую Россию въезда иет, засудят.

— Брось, дурачок. Ты ии в чем не виноват.

Сндел ли Иваи на берегу, на камешке, ловил лн крабов, нлн броднл по острову среди чудес, кнпучей работы, суетливых чужих людей, — глаза его с тоской иет-нет да и оборачивались иа запад, где садился в океаи пышиый шар солнца, где еще дальше солица лежала советская родииа.

— На дворе иочь, — говорнл ои тихнм голосом, — у иас в Лениинграде — утро. Товарищ Тарашкни чаю с ситииком иапнлся, пошел на работу. В клубе иа Крестовке лодки коиопатят, через две неделн поднятне флага.

Когда мальчик поправился, Шельга начал осторожио объяснять ему положеиие вещей и увидел, так же как и Тарашкин в свое время, что Иван боек поннмать с полуслова и настроеи иепрнмиримо, по-советскн. Если бы только ие скулил ои по Лениинграду — золотой был бы мальчишка.

— Ну, Иваи, — однажды весело сказал Шельга, — иу, Ваиюшка, скоро отправлю тебя домой.

— Спасибо, Василий Витальевич.

— Только иадо будет сиачала одиу штуку отгвоздить.

— Готов.

— Ты лазить ловок?

— В Сибири, Василий Витальевич, иа пятидесятиметровые кедры лазил за шишками, влезешь — земли оттуда ие видио.

— Когда иужио будет, скажу тебе, что делать. Да зря ие шатайся по острову. Возьми лучше удочку, лови морских ежей.

116

Гарии теперь увереино двигался в своих работах по плаиу, иайдеииому в записках и диевииках Маицева.

Черпаки прошли мощиый слой магмы. На дие шахты слышался гул кипящего подземного океаиа. Стеиы шахты, замороженные в толщиину иа тридцать метров, образовывали иесокрушимый цилиндр, — все же шахта получала такне вздрагиваиня и колебаиия, что пришлось бросить все силы иа дальиейшее замораживаиие. Элеваторы выкидывали теперь иа поверхность кристаллическое железо, никель и оливнн.

Начались страиные явлеиня. В море, куда уиосилась по стальиым леитам и поитоиам поднятая иа поверхиость порода, появилось свечение. Оно усиливалось в продолжеиие нескольких суток. Накоиец огромные массы воды, камней, песку вместе с частью понтоиов взлетели иа воздух. Взрыв иастолько был силеи, что урагаиом снесло рабочие бараки и большая волиа, хлыиув иа остров, едва не залнла шахты.

Пришлось перегружать породу прямо иа баржи и топить ее далеко в океаие, где не прекращались свечеиие и взрывы. Объясиялось это еще иеизвестиыми явлениями атомиого распада элемента *М*.

Не меиее страииое происходило и иа дие шахты. Началось с того, что магиитные приборы, показывавшие еще недавно нулевые деления, виезапно обнаружили магиитное поле чудовищиого иапряжеиня. Стрелки подиялись до отказа. Со диа шахты стал нсходить лиловатый дрожащнй свет. Самый воздух как будто перерождался. Азот и кнслород воздуха, бомбардируемые мнриадами альфа-частиц, распадалнсь иа гелнй н водород.

Часть свободного водорода сгорала в лучах гиперболоидов, — по шахте пролетали огиеииые языки, раздавались точно пистолетные выстрелы. На рабочих загоралась одежда. Шахты потрясали какие-то приливы н отлнвы в океане магмы. Было замечено, что стальные черпаки н железиые части покрываются землнсто-красным налетом. В железных частях машин иачалось буриое распадеиие атомов. Миогие из рабочих былн обожжеиы иевидимыми лучами. Все же с прежиим упорством «железиый крот» продолжал прогрызаться сквозь Оливииовый пояс.

Гарии почти не выходил из шахты. Только теперь ои иачал поиимать все безумие своего предприятия. Никто ие мог сказать, иа какую глубииу залегает слой кипящего подземиого океаиа. Сколько еще километров придется проходить сквозь расплавлеииый оливии. Одио только было иесомиеиио, — приборы указывали иа присутствие в цеитре земли магиитиого твердого ядра чрезвычайно иизкой температуры.

Опасиость была, что заморожеииый цилиидр шахты, более плотиый, чем расплавлеииая среда вокруг иего, оторвется снлой земиого тяготеиия и увлечется к цеитру. Действительио, в стеиках шахты иачали появляться опасиые трещиины, через иих с шипеиием пробивались газы. Пришлось уменьшить вдвое диаметр шахты и ставить мощиые вертикальиые креплеиня.

Миого времеин заияла устаиовка иового, вдвое меиьшего диаметром, «железиого крота». Утешнтельиыми были только известия с «Аризоиы». Ночью яхта, сиова иачавшая крейсировать под пиратским флагом, ворвалась в гаваиь Мельбуриа, зажгла склады копры, чтобы нзвестить о своем прибытии, и потребовала пять миллионов фуитов. (Для острастки был сбит движеинем луча бульвар на берегу моря.) В несколько часов город опустел, деньги были уплачеиы баиками. При выходе из гаваии «Аризоиа» была встречена аиглийскнм стацноиаром, открывшим огоиь. Яхта получила сквозиую пробоину шестидюймовым снарядом выше ватерлиини и, в свою очередь, атаковала и искромсала военное судно. Боем командовала мадам Ламоль с верхушки башни гиперболоида.

Это сообщеиие развеселило Гарипа. За последиее время на иего нападали мрачиые мыслн. А вдруг Маицев ошнбся в свонх расчетах? Так же, как год тому иазад в уедииеииом доме на Петроградской стороие, утомлениый

мозг его нащупывал возможности спасения, если постигнет неудача с шахтой.

Двадцать пятого апреля, стоя внутри кротовой системы на кольцевой площадке, Гарин наблюдал необычайное явление. Сверху, с воронки, собирающей газы, пошел ртутный дождь. Пришлось прекратить действие гиперболоидов. Ослабили замораживание на дне шахты. Черпаки прошли оливин и брали теперь чистую ртуть. Следующим номером, восемьдесят первым, по таблице Менделеева, за ртутью следовал металл талий. Золото (по атомному весу — 197,2 и номеру — 79) лежало выше ртути по таблице.

То, что произошла катастрофа и золота не оказалось при прохождении сквозь слои металлов, расположенных по удельному весу, понимали только Гарин и инженер Шефер. Это была катастрофа! Проклятый Манцев ошибся!

Гарин опустил голову. Он ожидал чего угодно, но не такого жалкого конца... Шефер рассеянно протянул перед собой руку, ладонью вверх, ловя падающие из-под воронки капельки ртути. Вдруг он схватил Гарина за локоть и увлек к отвесной лестнице. Когда они взобрались наверх, сели в лифт и сняли резиновые шлемы, Шефер затопал тяжелыми башмаками. Костлявое, детски-простоватое лицо его светилось радостью.

— Это же золото! — крикнул он, хохоча.— Мы просто бараньи головы... Золото и ртуть кипят рядом. Что получается? Ртутное золото!.. Глядите же! — Он разжал ладонь, на которой лежали жидкие дробинки. — В ртути золотистый оттенок. Здесь девяносто процентов червонного золота!

117

Золото, как нефть, само шло из земли. Работы по углублению шахты приостановились. «Железный крот» был разобран и вынут. Временные фермовые крепления шахты снимались. Вместо них опускали во всю глубину массивные стальные цилиндры, в толще которых пролегала система охладительных труб.

Нужно было только регулировать температуру, чтобы получить выпираемое снизу раскаленными парами ртутное золото на любой высоте в шахте. Гарин вычислил, что после того, как стальные цилиндры будут опущены до самого дна, ртутное золото можно заставить подняться на всю высоту и черпать его прямо с поверхности земли.

От шахты на северо-восток спешно строился ртутопровод. В левом крыле замка, примыкающем к подножию башни большого гиперболоида, ставили печи и вмазывали фаянсовые тигли, где должно было выпариваться золото.

Гарин предполагал довести на первое время суточную продукцию золота до десяти тысяч пудов, то есть до ста миллионов долларов в сутки.

«Аризоне» был послан приказ вернуться на остров. Мадам Ламоль ответила поздравлением и по радио объявила всем, всем, всем, что прекращает пиратские нападения в Тихом океане.

118

Незадолго до открытия Вашингтонской конференции в гавань Сан-Франциско вошли пять океанских кораблей. Они мирно подняли голландский флаг и ошвартовались у набережной среди тысячи таких же торговых судов в широком и дымном заливе, залитом летним солнцем.

Капитаны съехали на берег. Все было в порядке. На кораблях сушились матросские подштанники. Мыли палубу. Некоторое изумление у таможенных чиновников вызвал груз на судах под голландским флагом. Но им объяснили, что литые, по пяти килограммов, бруски желтого металла не что иное, как золото, привезенное для продажи.

Чиновники посмеялись над такой забавной шуткой.

— Почем же вы продаете золото? Хе!

— По себестоимости, — ответили помощники капитанов. (На всех пяти кораблях происходил слово в слово один и тот же разговор.)

— А именно?

— По два с половиной доллара за килограмм.

— Недорого цените ваше золото.

— Продаем дешево, товару много, — ответили помощники капитанов, посасывая трубки.

Так чиновники и записали в журналах: «Груз — бруски желтого металла, под названием золото». Посмеялись и ушли. А смеяться совсем было нечему.

Через два дня в Сан-Франциско в утренних газетах, в отделе объявлений, на бело-желтых афишах, расклеенных по рекламным столбам, и просто на тротуарах мелом появилось сообщение:

«Инженер Петр Гарин, считая войну за независимость Золотого острова оконченной и глубоко сожалея о жертвах, понесенных противником, с почтением предлагает жителям Соединенных Штатов, в виде начала мирных торговых сношений, пять кораблей, груженных червонным золотом. Пятикилограммовые бруски золота продаются по цене два с половиной доллара за килограмм. Желающие могут получить их в табачных, москательных, мелочных лавках, в газетных киосках, у чистильщиков сапог и так далее... Прошу убедиться в подлинности золота, имеющегося у меня в неограниченном количестве. С почтением. Гарин».

Разумеется, ни один человек не поверил этим дурацким рекламам. Большинство контрагентов припрятали золотые слитки. Все же город заговорил о Петре Гарине, пирате и легендарном негодяе, снова тревожащем спокойствие честных людей. Вечерние газеты потребовали линчевания Пьера Гарри. В шестом часу вечера праздные толпы устремились в гавань и на летучих митингах выносили резолюцию — потопить гаринские пароходы и по-

веснть команды иа фонарных столбах. Полисмеиы едва сдержнвали толпы.

В то же время портовые власти прозводнли расследоваине. Все бумаги иа пяти кораблях оказались в порядке, сами суда ие подлежали секвестру, так как владельцем их была известиая голлаидская траиспортиая компаиия. Все же власти требовали запрещеиня торговли брусками, возбуждающимн иаселеиие. Но ии один из чииовников ие устоял, когда в кармаиы брюк ему опустили по два бруска. На зуб, иа цвет, на вес — это было самое настоящее золото, хоть тресии. Вопрос о торговле оставили открытым, времеиио замяли.

В тридцать две редакции ежедиевиых газет какие-то иеразговорчивые моряки втащилн по мешку с загадочнымн брусками. Сказали только: «В подарок». Редакторы возмутнлнсь. В тридцати двух редакциях стоял страшный крик. Вызвали ювелиров. Предлагались кровавые меры против иаглости Пьера Гарри. Но бруски иеизвестио куда исчезли из редакций тридцати двух газет.

За иочь по городу былн разбросаиы золотые брускн прямо на тротуарах. К девятн часам в парикмахерских и табачиых лавках вывеснли объявленне: «Здесь продается червонное золото по два с половниой доллара за кило».

Население дрогнуло.

Хуже всего было то, что ннкто не поннмал, для чего продают золото по два с половииой доллара за килограмм. Но не купить -- значнло остаться в дураках. В городе началнсь давка н безобразне. Миоготысячная толпа стояла в гаваии перед кораблямн н крнчала: «Бруски, бруски, бруски!..» Золото продавалн прямо иа сходиях. В этот деиь остановнлись трамваи и подземиая дорога. В конторах и казеииых учрежденнях стоял хаос: чниовиики, вместо того чтобы заинматься деламн, бегали по табачиым лавкам, прося продать брусочек. Склады н магазины ие торговали, прнказчикн разбегалнсь, воры н взломщикн хозяйничали по городу.

Прошел слух, будто золото привезено для продажи в ограиичеиином количестве н больше кораблей с брусками не будет.

На третий деиь во всех концах Америки иачалась золотая лихорадка. Тихоокеанские лииии железиых дорог повезлн иа запад взволиоваииых, иедоумевающих, сомиевающихся, взбудоражеиных искателей счастья. Поезда брались с бою. Была величайшая растеряиность в этой волие человеческой глупости.

С опоздаинем, как всегда это бывает, нз Вашиигтоиа пришло правнтельствеииое распоряжеиие: «Заградить полнцейскими войсками доступ к судам, груженым так иазываемым золотом, комаидиров и комаиды арестовать, суда опечатать». Прнказ был нсполиен.

Разъяреиные толпы людей, прнбывшне за счастьем с другнх коицов страиы, побросавшие дела, службу, чтобы заполнить раскалениые солнцем набережиые Саи-Фраицнско, где все съестиое было уничтожеио, как сараичой, — одичавшне людн этн прорвалн цепн полнсменов, дрались, как бешеные, револьверамн, ножами, зубамн, побросалн большое колнчество полнсменов в залив, освободили команды гаринских пароходов н установнли вооруженную очередь за золотом.

Прншлн еще трн парохода с Золотого острова. Оии сталн выгружать связкн брусков краиами прямо иа иабережную, валили их в штабеля. В этом был какой-то иестерпимый ужас. Люди дрожали, глядя из очередей иа сокровнща, сверкающие прямо иа мостовой.

В это время агенты Гарина окончнлн установку в большнх городах улнчных громкоговорнтелей. В субботиий день, когда иаселение городов, окоичнв службу и работу, иаполиило улицы, раздался по всей Америке громкий, с варварскнм акцентом, но иеобычайио уверенный голос:

«Амерnкаицы! С вамн говорит ииженер Гарни, тот, кто объявлен вие закона, кем пугают детей. Амерnканцы, я совершил миого преступлеинй, но все оии велн меия к одиой целн: счастью человечества. Я присвоил клочок землн, иичтожиый островок, чтобы иа нем довестн до коица граидиозиое н иебывалое предпрнятне. Я решил проиикиуть в недра землн к девствениым залежам золота. На глубиие восьми кнлометров шахта вошла в мощный слой кнпящего золота. Американцы, каждый торгует тем, что у иего есть. Я предлагаю вам свой товар — золото. Я наживаю на нем десять центов на доллар, прн цене два с половниой доллара за кнлограмм. Это скромно. Но почему мие запрещают продавать мой товар? Где ваша свобода торговлн? Ваше правительство попирает священные осиовы свободы н прогресса. Я готов возместить военные нздержкн. Я возвращаю государству, компанням и частиым людям все деиьги, которые «Аризоиа» реквизировала на судах н баиках в порядке обычаев военного времени. Я прошу только одиого — дайте мие свободу торговать золотом. Ваше правительство запрещает мне это, накладывает арест иа мон кораблн. Я отдаюсь под защнту всего населеиия Соеднненых Штатов».

Громкоговорнтелн были уинчтожены полнсменамн в ту же ночь. Правнтельство обратилось к благоразумню населеиня:

«...Пусть верно то, о чем сообщнл пресловутый бандит, выходец нз Советской Россин, ннженер Гарни. Но тем скорее нужио засыпать шахту иа Золотом острове, уинчтожить самую возможность нметь иеисчерпаемые запасы золота. Что будет с эквнвалентом труда, счастья, жизни, если золото начиут копать, как глину? Человечество иеминуемо верится к первобытиым временам, к меновой торговле, к дикостн и хаосу. Погибнет вся экономическая система, умрут промышленность и торговля. Людям иезачем будет иапрягать высшне силы своего духа. Умрут большие города. Зарастут травой железнодорожиые пути. Погаснет свет в кннематографах н луиа-парках. Человек сиова кремневым копьем будет добывать себе пропнтание. Ииженер Гарнн — величайшнй провокатор, слуга дьявола. Его задача — девальвнровать доллар. Но этого он ие добьется...»

Правительство нарисовало жалкую картину уничтожения золотого паритета. Но благоразумных нашлось мало. Безумие охватило всю страну. По примеру Сан-Франциско в городах останавливалась жизнь. Поезда и миллионы автомобилей мчались на запад. Чем ближе к Тихому океану, тем дороже становились продукты питания. Их не на чем было подвозить. Голодные искатели счастья разбивали съестные лавки. Фунт ветчины поднялся до ста долларов. В Сан-Франциско люди умирали на улицах. От голода, жажды, палящего зноя сходили с ума.

На узловых станциях, на путях валялись трупы убитых при штурме поездов. По дорогам, проселкам, через горы, леса, равнины брели — обратно на восток — кучки счастливцев, таща на спинах мешки с золотыми брусками. Отставших убивали местные жители и шайки бандитов.

Начиналась охота за золотоношами, на них нападали даже с аэропланов.

Правительство пошло, наконец, на крайние меры. Палата вотировала закон о всеобщей мобилизации возрастов от семнадцати до сорока пяти лет, уклоняющиеся подлежали военно-полевому суду. В Нью-Йорке в кварталах бедноты расстреляли несколько сот человек. На вокзалах появились вооруженные солдаты. Кое-кого хватали, стаскивали с площадок вагонов, стреляли в воздух и в людей. Но поезда отходили переполненными. Железные дороги, принадлежавшие частным компаниям, находили более выгодным не обращать внимания на распоряжение правительства.

В Сан-Франциско прибыли еще пять пароходов Гарина, и на открытом рейде, в виду всего залива, стала на якорь красавица «Аризона» — «гроза морей». Под защитой ее двух гиперболоидов корабли разгружали золото.

Вот при каких условиях наступил день открытия Вашингтонской конференции. Месяц тому назад Америка владела половиной всего золота на земном шаре. Теперь, что ни говори, золотой фонд Америки расценивался дешевле ровно в двести пятьдесят раз. С трудом, с чудовищными потерями, пролив много крови, это еще можно было как-нибудь пережить. Но вдруг сумасшедшему негодяю, Гарину, вздумается продавать золото по доллару за килограмм или по десяти центов. Старые сенаторы и члены палаты ходили с белыми от ужаса глазами по кулуарам. Промышленные и финансовые короли разводили руками:

«Это мировая катастрофа, — хуже, чем столкновение с кометой».

«Кто такой инженер Гарин? — спрашивали. — Что ему в сущности нужно? Разорить страну? Глупо. Непонятно... Чего он добивается? Хочет быть диктатором? Пожалуйста, если ты самый богатый человек на свете. В конце концов, нам и самим этот демократический строй надоел хуже маргарина... В стране безобразие, разбой, беспорядок, чепуха, — право, уж лучше пусть правит страной диктатор, вождь с волчьей хваткой».

Когда стало известно, что на заседании будет сам Гарин, публики в конференц-зале набралось столько, что висели на колоннах, на окнах. Появился президиум. Сели. Молчали. Ждали. Наконец председатель открыл рот, и все, кто был в зале, повернулись к высокой белой с золотом двери. Она раскрылась. Вошел небольшого роста человек, необычайно бледный, с острой темной бородкой, с темными глазами, обведенными тенью. Он был в сером обыкновенном пиджаке, красный галстук — бабочкой, башмаки коричневые, на толстой подошве, в левой руке новые перчатки.

Он остановился, глубоко втянул воздух сквозь ноздри. Коротко кивнул головой и уже бойко взошел по ступенькам трибуны. Вытянулся. Бородка его стала торчком. Отодвинул к краю графин с водой. (Во всей зале было слышно, как булькнула вода, — так было тихо.) Высоким голосом, с варварским произношением, он сказал:

— Джентльмены... Я — Гарин... Я принес миру золото...

Весь зал обрушился аплодисментами. Все, как один человек, поднялись и одной глоткой крикнули:

— Да здравствует мистер Гарин!.. Да здравствует диктатор!..

За окнами миллионная толпа ревела, топая в такт подошвами:

— Бруски!.. Бруски!.. Бруски!..

119

«Аризона» только что вернулась в гавань Золотого острова. Янсен докладывал мадам Ламоль о положении вещей на континенте. Зоя была еще в постели, среди кружевных подушек (малый утренний прием). Полутемную спальню наполнял острый запах цветов, идущий из сада. Над правой рукой ее работала маникюрша. В другой она держала зеркальце и, разговаривая, недовольно посматривала на себя.

— Но, мой друг, Гарин сходит с ума, — сказала она Янсену, — он обесценивает золото... Он хочет быть диктатором нищих.

Янсен искоса посматривал на великолепие только что отделанной спальни. Ответил, держа на коленях фуражку:

— Гарин сказал мне при свидании, чтобы вы не тревожились, мадам Ламоль. Он ни на шаг не отступает от задуманной программы. Повалив золото, он выиграл сражение. На будущей неделе сенат объявит его диктатором. Тогда он поднимет цену золота.

— Каким образом? Не понимаю.

— Издаст закон о запрещении ввоза и продажи золота. Через месяц оно поднимется до прежней цены. Продано не так уж много. Больше было шума.

— А шахта?

— Шахта будет уничтожена.

Мадам Ламоль нахмурилась. Закурила:

— Ничего не понимаю.

— Необходимо, чтобы количество золота было ограничено, иначе оно потеряет запах человеческого пота. Разумеется, перед тем как уничтожить шахту, будет извлечен запас с таким расчетом, чтобы за Гариным было обес-

печено свыше пятидесяти процентов мирового количества золота. Таким образом, паритет если и упадет, то на несколько центов за доллар.

— Превосходно... но сколько же они ассигнуют на мой двор, на мои фантазии? Мне нужно ужасно много.

— Гарин просил вас составить смету. В порядке законодательства вам будет отпущено столько, сколько вы потребуете...

— Но разве я знаю, сколько мне нужно?.. Как это все глупо!.. Во-первых, на месте рабочего поселка, мастерских, складов будут построены театры, отели, цирки. Это будет город чудес... Мосты, как на старинных китайских рисунках, соединят остров с мелями и рифами. Там я построю купальни, павильоны для игр, гавани для яхт и воздушных кораблей. На юге острова будет огромное здание, видное за много миль: «Дом, где почиет гений». Я ограблю все музеи Европы. Я соберу все, что было создано человечеством. Милый мой, у меня голова трещит от всех этих планов. Я и во сне вижу какие-то мраморные лестницы, уходящие к облакам, праздники, карнавалы...

Янсен вытянулся на золоченом стульчике:

— Мадам Ламоль...

— Подождите, — нетерпеливо перебила она, — через три недели сюда приезжает мой двор. Весь этот сброд нужно кормить, развлекать и приводить в порядок. Я хочу пригласить из Европы двух-трех настоящих королей и дюжину принцев крови. Мы привезем папу из Рима на дирижабле. Я хочу быть помазанной и коронованной по всем правилам, чтобы перестали сочинять обо мне уличные фокстроты...

— Мадам Ламоль, — сказал Янсен умоляюще, — я не видал вас целый месяц. Покуда вы еще свободны. Пойдемте в море. «Аризона» отделана заново. Мне хотелось бы снова стоять с вами на мостике под звездами.

Зоя взглянула на него, лицо ее стало нежным. Усмехаясь, протянула руку. Он прижался к ней губами и долго оставался склоненным.

— Не знаю, Янсен, не знаю, — проговорила она, касаясь другой рукой его затылка, — иногда мне начинает казаться, что счастье — только в погоне за счастьем... И еще — в воспоминаниях... Но это в минуты усталости... Когда-нибудь я вернусь к вам, Янсен... Я знаю, вы будете ждать меня терпеливо.. Вспомните... Средиземное море, лазурный день, когда я посвятила вас в командоры ордена «Божественной Зои»... (Она засмеялась и сжала пальцами его затылок.) А если не вернусь, Янсен, то мечта и тоска по мне — разве это не счастье? Ах, друг мой, никто не знает, что Золотой остров — это сон, приснившийся мне однажды в Средиземном море, — я задремала на палубе и увидела выходящие из моря лестницы и дворцы, дворцы — один над другим — уступами, один другого прекраснее... И множество красивых людей, моих людей, моих, понимаете. Нет, я не успокоюсь, покуда не построю приснившийся мне город. Знаю, верный друг мой, вы предлагаете мне себя, капитанский мостик и морскую пустыню взамен моего сумасшедшего бреда. Вы не знаете женщин. Янсен... Мы легкомысленны, мы расточительны... Я вышвырнула, как грязные перчатки, миллиарды Роллинга, потому что все равно они не спасли бы меня от старости, от увядания... Я побежала за нищим Гариным. У меня закружилась голова от сумасшедшей мечты. Но любила я его одну только ночь... С той ночи я не могу больше любить, как вы этого хотите. Милый, милый Янсен, что же мне делать с собой?.. Я должна лететь в эту головокружительную фантазию, покуда не остановится сердце... (Он поднялся со стула, она вдруг ухватилась за его руку.) Я знаю — один человек на свете любит меня. Вы, вы, Янсен. Разве я могу поручиться, что вдруг не прибегу к вам, скажу: «Янсен, спасите меня от меня самой...»

120

В белом домике на берегу уединенной бухты Золотого острова всю ночь шли горячие споры. Шельга прочел наспех набросанное им воззвание:

«Трудящиеся всего мира! Вам известны размеры и последствия паники, охватившей Соединенные Штаты, когда в гавань Сан-Франциско вошли корабли Гарина, груженные золотом.

Капитализм зашатался: золото обесценивается, все валюты летят кувырком, капиталистам нечем платить своим наемникам — полиции, карательным войскам, провокаторам и продажным народным трибунам. Во весь рост поднялся призрак пролетарской революции.

Но инженер Гарин, нанесший такой удар капитализму, меньше всего хочет, чтобы последствием его авантюр была революция.

Гарин идет к власти. Гарин ломает на своем пути сопротивление капиталистов, еще недостаточно ясно понявших, что Гарин — новое орудие борьбы с пролетарской революцией.

Гарин очень скоро договорится с крупнейшими из капиталистов.

Они объявят его диктатором и вождем. Они присвоят себе половину мирового золота и тогда прикажет засыпать шахту на Золотом острове, чтобы количество золота было ограничено.

Он вместе с шайкой крупнейших капиталистов ограбит все человечество и людей превратит в рабов.

Трудящиеся всего мира! Час решительной борьбы настал. Об этом объявляет Революционный комитет Золотого острова. Он объявляет, что Золотой остров вместе с шахтой и всеми гиперболоидами переходит в распоряжение восставших всего мира. Неисчерпаемые запасы золота отныне в руках трудящихся.

Гарин со своей шайкой будет жестоко защищаться. Чем скорее мы перейдем в наступление, тем вернее наша победа».

Не все члены Революционного комитета одобрили это воззвание, — часть из них колебалась, испуганная смелостью: удастся ли так быстро поднять рабочих? Удастся ли достать

оружие? У капиталистов и флот, и могучие армии, и полиция, вооруженная боевыми газами и пулеметами... Не лучше ли выждать или уж в крайней мере начать со всеобщей забастовки?..

Шельга, сдерживая бешенство, говорил колеблющимся:

— Революция — это высшая стратегия. А стратегия — наука побеждать. Побеждает тот, кто берет инициативу в свои руки, кто смел. Спокойно взвешивать вы будете потом, когда после победы вздумаете писать для будущих поколений историю нашей победы... Поднять восстание нам удастся, если мы напряжем все силы. Оружие мы достаем в бою. Победа обеспечена потому, что победить хочет все трудящееся человечество, а мы — его передовой отряд. Так говорят большевики. А большевики не знают поражений.

При этих его словах рослый парень с голубыми глазами — шахтер, молчавший во все время спора, вынул изо рта трубку.

— Баста! — сказал он густым голосом. — Довольно болтовни. За дело, ребята!..

121

Седой рослый камердинер, в ливрейном фраке и в чулках, беззвучно вошел в опочивальню, поставил чашку шоколаду и бисквиты на ночной столик и с тихим шелестом раздвинул шторы на окнах. Гарин раскрыл глаза:

— Папиросу..

От этой русской привычки — курить натощак — он не мог отделаться, хотя и знал, что американское высшее общество, интересующееся каждым его шагом, движением, словом, видит в курении натощак некоторый признак безнравственности.

В ежедневных фельетонах вся американская пресса совершенно обелила прошлое Петра Гарина. Если ему в прошлом приходилось пить вино, то только по принуждению, а на самом деле он был враг алкоголя; отношения его к мадам Ламоль были чисто братские, основанные на духовном общении; оказалось даже, что любимым занятием его и мадам Ламоль в часы отдыха было чтение вслух любимых глав из Библии; некоторые его резкие поступки (история в Вилль Давре, взрыв химических заводов, потопление американской эскадры и др.) объяснялись одни — роковой случайностью, другие — неосторожным обращением с гиперболоидом, во всяком случае, великий человек искренне и глубоко в них раскаивается и готовится вступить в лоно церкви, чтобы окончательно смыть с себя невольные грехи (между протестантской и католической церквами уже началась борьба за Петра Гарина), и, наконец, ему приписывали увлечение с детства, по крайней мере, десятью видами спорта.

Выкурив толстую папиросу, Гарин покосился на шоколад. Будь это в прежнее время, когда его считали негодяем и разбойником, он спросил бы содовой и коньяку, чтобы хорошенько вздернуть нервы, но пить диктатору полумира с утра коньяк! Такая безнравственность отшатнула бы всю солидную буржуазию, сплотившуюся, как наполеоновская гвардия, вокруг его трона.

Морщась, он хлебнул шоколаду. Камердинер, с торжественной грустью стоявший у дверей, спросил вполголоса.

— Господин диктатор разрешит войти личному секретарю?

Гарин лениво сел на кровати, натянул шелковую пижаму:

— Просите.

Вошел секретарь, достойно три раза — у дверей, посреди комнаты и близ кровати — поклонился диктатору. Пожелал доброго утра. Чуть-чуть покосился на стул.

— Садитесь, — сказал Гарин, зевнув так, что щелкнули зубы.

Личный секретарь сел. Это был одетый во все темное, средних лет костлявый мужчина с морщинистым лбом и провалившимися щеками. Веки его глаз были всегда полуопущены. Он считался самым элегантным человеком в Новом Свете и, как думал Петр Петрович, был приставлен к нему крупными финансистами в виде шпиона.

— Что нового? — спросил Гарин. — Как золотой курс?

— Поднимается.

— Туговато все-таки. А?

Секретарь меланхолично поднял веки:

— Да, вяло. Все еще вяло.

— Мерзавцы!

Гарин сунул босые ноги в парчовые туфли и зашагал по белому ковру опочивальни:

— Мерзавцы, сукины дети, ослы!

Невольно левая рука его полезла за спину, большим пальцем правой он зацепился за связки пижамовых штанов и так шагал с упавшей на лоб прядью волос. Видимо, и секретарю эта минута казалась исторической: он вытянулся на стуле, вытянул шею из крахмального воротника, — казалось, прислушивался к шагам истории.

— Мерзавцы! — последний раз повторил Гарин. — Медленность поднятия курса я понимаю как недоверие ко мне. Мне! Вы понимаете? Я издам декрет о запрещении вольной продажи золотых брусков под страхом смертной казни... Пишите.

Он остановился и, строго глядя на пышно-розовый зад Авроры, летящей среди облаков и амуров на потолке, начал диктовать:

«От сего числа постановлением сената...»

Покончив с этим делом, он выкурил вторую папиросу. Бросил окурок в недопитую чашку шоколада. Спросил:

— Еще что нового? Покушений на мою жизнь не обнаружено?

Длинными пальцами с длинными отполированными ногтями секретарь взял из портфеля листочек, про себя прочел его, перевернул, опять перевернул:

— Вчера вечером и сегодня в половине седьмого утра полицией раскрыты два новых покушения на вас, сэр.

— Ага! Очень хорошо. Обнародовать в пе-

чатн. Кто же это такне? Надеюсь, толпа сама расправнлась с негодяямн? Что?

— Вчера вечером в парке перед дворцом был обнаружен молодой человек, с виду рабочнй, в карманах его найдены две железные гайкн, каждая весом в пятьсот граммов. К сожаленню, было уже поздно, парк малолюден, н только несколькнм прохожнм, узнавшнм, что покушаются на жнзнь обожаемого днктатора, удалось ударнть несколько раз негодяя. Он задержан.

— Этн прохожие былн все же частные лнца нлн агенты?

У секретаря затрепеталн векн, он чуть-чуть усмехнулся уголком рта — едннственной во всей Северной Амернке, неподражаемой улыбкой:

— Разумеется, сэр, это былн частные лнца, честные торговцы, преданные вам, сэр.

— Узнать нмена торговцев, — продиктовал Гарнн, — в печатн выразнть им мою горячую прнзнательность. Покушавшегося судить по всей строгостн законов. После осуждення я его помнлую.

— Второе покушенне пронзошло также в парке, — продолжал секретарь. — Была обнаружена дама, смотревшая иа окна вашей опочнвальнн, сэр. При даме найден небольшой револьвер.

— Молоденькая?

— Пятндесятн трех лет. Девнца.

— И что же толпа?

— Толпа огранычнлась тем, что сорвала с нее шляпу, нзломала зонтнк и растоптала сумочку. Такой сравннтельно слабый энтузназм объясняется раннмм часом утра и жалкнм внздом самой дамы, немедленно упавшей в обморок прн внде разъяренной толпы.

— Выдать старой вороне заграннчный паспорт н немедленно вывезтн за пределы Соедnненных Штатов. В печатн говорнть глухо об этом ннцнденте. Что еще?

. . . .

Без пятн девять Гарнн взял душ, после чего отдал себя в работу парнкмахеру н его четырем помощннкам. Он сел в особое, вроде зубоврачебного, кресло, покрытое льняиой простыней, перед тройным зеркалом. Одновременно лнцо его было подвергнуто паровой ванне, над ногтями обенх рук запорхалн пнлочкамн, ножнчкамн, замшевымн подушечкамн две блондннкн, над ногтямн ног — две нскуснейшне мулаткн. Волосы на голове освежены в несколькнх туалетных водах н эссенцнях, тронуты щнпцамн и прнчесаны так, что стало незаметно плешн. Брадобрей, получнвшнй тнтул баронета за удивнтельное нскусство, побрнл Петра Петровнча, напудрнл н надушнл лнцо н голову разлнчнымн духамн: шею — запахом роз, за ушамн — шнпром, вискн — букетом Вернэ, около губ — веткой яблонн (греб эпл), бородку — тончайшнмн духамн «Сумеркн».

После всех этнх маннпуляцнй днктатора можно было обернуть шелковой бумагой, положнть в футляр н послать на выставку. Гарнн с трудом дотерпел до конца, он подвергался этнм маннпуляцням каждое утро, и в газетах пнсалн о его «четверти часа после ванны». Делать было нечего.

Затем он проследовал в гардеробную, где его ожндалн два лакея н давешннй камердннер с носкамн, рубашкамн, башмакамн н прочим. На сегодня он выбрал корнчневый костюм с нскоркой. Сволочн-репортеры пнсалн, что однмм нз удивнтельнейшнх талантов днктатора было уменье выбрать галстук. Прнходнлось подчнняться н держать ухо востро. Гарнн выбрал галстук расцветкн павлнньего пера. Ругаясь вполголоса по-русскн, сам завязал его.

Следуя в столовую, отделанную в средневековом вкусе, Гарнн подумал:

«Так долго не выдержать, вот черт, навязалн режим».

За завтраком (опять-таки ни каплн алкоголя) диктатор должен был просматрнвать корреспонденцию. На севрском подносе лежалн сотнн три писем. Жуя копченую поджаренную рыбу, безвкусную ветчину и овсяную кашу, варенную на воде без солн (утренняя пнща спортсменов н нравственных людей), Гарнн брал наугад хрустящне конверты. Распечатывал грязной внлкой, мельком прочнтывал:

«Мое сердце бьется, от волнення моя рука едва выводнт этн строки... Что вы подумаете обо мне? Боже! Я вас люблю. Я полюбнла вас с той мннуты, когда увндела в газете (наименованне) ваш портрет. Я молода. Я дочь достойных роднтелей. Я полна энтузиазма стать женой н матерью...»

Обычно прнлагалась фотографнческая карточка. Все это былн любовные пнсьма со всех концов Амернкн. От фотографнй (за месяц нх накопнлось несколько десятков тысяч) этнх мордашек, с пышнымн волосамн, невнннымн глазамн н глупымн носнкамн становнлось ужасно, смертельно скучно. Проделать головокружнтельный путь от Крестовского острова до Вашннгтона, от нетопленой комнаты в уедnненном доме на Петроградской, где Гарин ходнл нз угла в угол, сжнмая руку и разыскнвая почтн несуществующую лазейку спасення (бегство на «Бнбнгонде»), до золотого председательского кресла в сенате, куда он через двадцать мннут должен ехать... Ужаснуть мнр, овладеть подземным океаном золота, добнться властн мнровой — все только затем, чтобы попасть в ловушку фнлнстерской скучнейшей жнзнн.

— Тьфу ты, черт!

Гарнн швырнул салфетку, забарабаннл пальцами. Ннчего не придумаешь. Добнваться нечего. Дошел до самого верха. Днктатор. Потребовать разве нмператорского тнтула? Тогда уж совсем замучают. Удрать? Куда? И зачем? К Зое? Ах, Зоя! С ней порвалось что-то самое главное, что возннкло в сырую, теплую ночь в старенькой гостнннце в Внлль Давре. Тогда, под шелест лнстьев за окном, средн мучнтельных ласк, зароднлась вся фантастнка гарннской авантюры. Тогда был восторг наступающей борьбы. Тогда легко было сказать, — брошу к твонм иогам мнр... И вот Гарнн — победнтель. Мнр — у ног. Но Зоя — дале-

кая, чужая, мадам Ламоль, королева Золотого острова. У кого-то другого кружится голова от запаха ее волос, от пристального взгляда ее холодных, мечтательных глаз. А он, Гарин, повелитель мира, кушает кашу без соли, рассматривает, зевая, глупые физиономии на карточках. Фантастический сон, приснившийся в Вилль Давре, отлетел от него... Издавай декреты, выламывайся под великого человека, будь приличным во всех отношениях... Вот черт!.. Хорошо бы потребовать коньяку...

Он обернулся к лакеям, стоявшим, как чучела в паноптикуме, в отдалении у дверей. Сейчас же двое выступили вперед, один склонился вопросительно, другой проговорил бесполым голосом:

— Автомобиль господина диктатора подан.

. . . .

В сенат диктатор вошел, нагло ступая каблуками. Сев в золоченое кресло, проговорил металлическим голосом формулу открытия заседания. Брови его были сдвинуты, лицо выражало энергию и решимость. Десятки аппаратов сфотографировали и киносняли его в эту минуту. Сотни прекрасных женщин в ложах для публики отдались ему энтузиастическими взглядами.

Сенат имел честь поднести ему на сегодня титулы: лорда Нижне-Уэльского, герцога Неаполитанского, графа Шарлеруа, барона Мюльгаузен и соимператора Всероссийского. От Североамериканских Соединенных Штатов, где, к сожалению, как в стране демократической, титулов не полагалось, поднесли звание «Бизмен оф готт», что, в переводе на русский язык, значило: «Купчина божьей милостью».

Гарин благодарил. Он с удовольствием плюнул бы на эти жирные лысины и уважаемые плеши, сидящие перед ним амфитеатром в двусветном зале. Но он понимал, что не плюнет, но сейчас встанет и поблагодарит.

«Подождите, сволочи, — думал он, стоя (бледный, маленький, с острой бородкой) перед аплодирующим ему амфитеатром, — поднесу я вам проект о чистоте расового отбора и первой тысяче...» Но и сам чувствовал, что опутан по рукам и ногам, и в звании лорда, герцога, графа, божьего купчины он ничего такого решительного не поднесет... А на банкет сейчас поедет из зала сената...

. . . .

На улице автомобиль диктатора приветствовали криками. Но присмотреться — кричали все какие-то рослые ребята, похожие на переодетых полицейских, — Гарин раскланивался и помахивал рукой, затянутой в лимонную перчатку. Эх, не родись он в России, не переживи он революции, наверное, переезд по городу среди ликующего народа, выражающего криками «гип, гип» и бросанием бутоньерок свои верноподданнейшие чувства, доставил бы ему живейшее удовольствие. Но Гарин был отравленным человеком. Он злился: «Дешевка, дешевка, заткните глотки, скоты, радоваться нечему». Он вылез из машины у подъезда городской думы, где десятки женских рук (дочерей керосиновых, железнодорожных, консервных и прочих королей) осыпали его цветами.

Взбегая по лестнице, он посылал воздушные поцелуйчики направо и налево. В зале грянула музыка в честь божьего купчины. Он сел, и сели все. Белоснежный стол в виде буквы «П» пестрел цветами, сверкал хрусталем. У каждого прибора лежало по одиннадцати серебряных ножей и одиннадцати вилок различных размеров (не считая ложек, ложечек, пинцетов для омаров и щипчиков для спаржи). Нужно было не ошибиться — каким ножом и вилкой что есть.

Гарин скрипнул зубами от злости: аристократы, подумаешь, — из двухсот человек за столом три четверти торговали селедками на улице, а теперь иначе как при помощи одиннадцати вилок им неприлично кушать! Но глаза были устремлены на диктатора, и он и на этот раз подчинился общественному давлению — держал себя за столом образцово.

После черепахового супа начались речи. Гарин выслушивал их стоя, с бокалом шампанского. «Напьюсь!» — зигзагом проносилось в голове. Напрасная попытка.

Двум своим соседкам, болтливым красавицам, он даже подтвердил, что действительно по вечерам читает Библию.

Между третьим, сладким, и кофе он ответил на речи:

«Господа, власть, которой вы меня облекли, я принимаю как перст божий, и священный долг моей совести повелевает употребить эту небывалую в истории власть на расширение наших рынков, на пышный расцвет нашей промышленности и торговли и на подавление безнравственных попыток черни к ниспровержению существующего строя...» И так далее.

Речь произвела отрадное впечатление. Правда, по окончании ее диктатор прибавил, как бы про себя, три каких-то энергичных слова, но они были сказаны на непонятном, видимо русском, языке и прошли незамеченными. Затем Гарин поклонился на три стороны и вышел, сопровождаемый воем труб, грохотом литавр и радостными восклицаниями. Он поехал домой.

В вестибюле дворца швырнул на пол трость и шляпу (паника среди кинувшихся поднимать лакеев), глубоко засунул руки в карманы штанов и, зло задрав бородку, поднялся по пышному ковру. В кабинете его ожидал личный секретарь.

— В семь часов вечера в клубе «Пасифик» в честь господина диктатора состоится ужин, сопровождаемый симфоническим оркестром.

— Так, — сказал Гарин. (Опять прибавил три непонятных слова по-русски.) — Еще что?

— В одиннадцать часов сегодня же в белой зале отеля «Индиана» состоится бал в честь...

— Телефонируйте туда и туда, что я заболел, объевшись в городской ратуше крабами.

— Осмелюсь выразнть опасенне, что хлопот будет больше от мнимой болезин: к вам иемедленно приедет весь город выражать соболезнование. Кроме того — газетные хроиикеры. Оии будут пытаться проинкнуть даже через камииные трубы...

— Вы правы. Я еду. — Гарин позвоинл. — Ваиу. Прнготовнть вечернее платье, регални и ордеиа. — Некоторое время он ходил, вернее — бегал по ковру. — Еще что?

— В приемиой несколько дам ожидают аудиеицин.

— Не прнинмаю.

— Оии ждут с полудия.

— Не желаю. Отказать.

— С иимн слншком трудно бороться. Осмелюсь заметнть: это дамы высшего общества. Три зиамеинтых писательннцы, две кинозвезды, одна путешественнница в автомобиле с мировым стажем и одиа нзвестиая благотворнтельннца.

— Хорошо... Проснте... Все равно какую-иибудь...

Гарнн сел к столу (налево — раднопрнемник, иаправо — телефоны, прямо — труба диктофона). Прндвииул чистую четвертушку бумагн, обмакиул перо н вдруг задумался.

«Зоя, — начал писать он по-русскн твердым, крупным почерком, — друг мой, только вы одиа в состояиии понять, какого я сыграл дурака...»

— Тс-с-с, — послышалось у иего за спиной.

Гарин резко всем телом повернулся в кресле. Секретарь уже ускользиул в боковую дверь, — посредн кабннета стояла дама в светло-зеленом. Оиа слабо вскрнкнула, стнскивая рукн. На лнце изобразнлось нменно то, что оиа стонт перед велнчайшнм в нсторнн человеком. Гарнн секунду рассматривал ее. Пожал плечамн.

— Раздевайтесь! — резко приказал он н повернулся в кресле, продолжая пнсать.

. . . .

Без четвертн восемь Гарнн поспешно подошел к столу. Ои был во фраке, со звездами, регалиями и лентой поверх жнлета. Раздавалнсь резкне сигналы раднопрнеминка, всегда настроениого иа волиу станцин Золотого острова. Гарни надел наушникн. Голос Зон, явственииый, но иеживой, точио с другой планеты, повторял по-русски:

— Гарин, мы погнблн... Гарнн, мы погнблн... На острове восстаине. Большой гнперболонд захвачен... Янсен со миой... Еслн удастся, — бежнм иа «Арнзоне».

Голос прервался. Гарин стоял у стола, не сннмая наушииков. Личный секретарь, с цилиндром н тростью Гариа, ждал у дверей. И вот прнемник снова начал подавать сигиалы. Но другой уже голос, мужской, резкий, заговорнл по-аиглнйскн:

«Трудящнеся всего мира. Вам нзвестны размеры н последствня паннкн, охватившей Соединеиные Штаты...»

. . . .

Дослушав до конца воззвание Шельгн, Гарии сиял наушннкн. Не спеша, с кривой усмешкой закурнл сигару. Из ящиков стола вынул пачку стодолларовых бумажек и иикелированный аппарат в виде револьвера с толстым дулом: это было его последнее изобретеиие — карманный гиперболонд. Взмахом бровей подозвал лнчного секретаря:

— Распоряднтесь иемедленио прнготовнть дорожную машину.

У секретаря первый раз за все время поднялнсь веки, рыжне глаза колюче взглянулн на Гарниа:

— Но, господнн диктатор...

— Молчать! Немедленно передать начальннку войск, губернатору города н граждаискнм властям, что с семн часов вводнтся военное положеине. Едииствеииая мера пресечення беспорядка в городе — расстрел.

Секретарь мгновенио нсчез за дверью.

Гарнн подошел к тройному зеркалу. Он был в регалнях н звездах, бледный, похожий на восковую куклу нз паноптикума. Он долго глядел на себя, и вдруг одни глаз его сам собою насмешлнво подмнгнул... «Уносн ногн, Пьер Гаррн, уносн ногн поскорее», — проговорнл он самому себе шепотом.

122

Событня на Золотом острове началнсь к вечеру двадцать третьего нюня. Весь день бушевал океан. Грозовые тучн ползлн с юго-запада. Трещало небо от огиенных знгзагов. Водяная пыль перелетала бешеиым туманом через весь остров.

В конце дня гроза ушла, молнин полыхалн далеко за краем океана, но ветер с неослабеваемой снлой клоннл к земле деревья, гнул стрелы высокнх фонарей, рвал проволокн, уносил бесформенными полотннщамн крышн с бараков н выл н свнстал по всему острову с такой сатаиннской злобой, что все жнвое попряталось по домам. В гаваин скрнпели кораблн на прнчалах, несколько барок было сорвано с якориых цепей н унесено в океан. Как поплавок, одна в иебольшой гаваии, протнв дворца прыгала иа волнах «Арнзона».

Населеине острова снльно уменьшнлось за последнее время. Работы в шахте были приостановлены. Граидиозиые постройки мадам Ламоль еще ие начннальнсь. Из шестн тысяч рабочнх осталось около пятисот. Остальные покннулн остров, иагруженные золотом. Опустевшие баракн рабочего поселка, Луна-парк, публичиые дома снеслн, землю выравннвалн под будущую стройку.

Гвардейцам окончательно нечего было делать иа этом мнрном клочке земли. Прошло то время, когда желто-белые, как сторожевые псы, торчали с вннтовкамн на скалах, шагали вдоль проволок, многозначнтельно пощелкивая затворамн. Гвардейцы началн спнваться. Тосковалн по большнм городам, шнкарным ресторанам, веселым женщннам. Проснлнсь в отпуск, грозили бунтом. Но было строгое распоряжение Гариа: ни отпусков, ни увольне-

ний. Гвардейские казармы были под постоянным прицелом ствола большого гиперболоида.

В казармах шла отчаянная игра. Расплачивались именными записками, так как золото, лежавшее штабелями около казарм, надоело всем хуже горькой редьки. Играли на любовниц, на оружие, на обкуренные трубки, на бутылки старого коньяку или — на «раздва по морде». К вечеру обычно вся казарма напивалась вдребезги. Генерал Субботин едва уже мог поддерживать не то что дисциплину, — какое там, — просто приличие.

— Господа офицеры, стыдно, — гремел ежевечерне голос генерала Субботина в офицерской столовой, — опустились, господа офицеры, на полу наблевано-с, воздух как в бардаке-с. В кальсонах изволите щеголять, штаны проиграли-с. Удручен, что имею несчастье командовать бандой сволочей-с.

Никакие меры воздействия не помогали. Но никогда еще не было такого пьянства, как в день шторма двадцать третьего июня. Завывающий ветер вогнал гвардейцев в дикую тоску, навеял давние воспоминания, заныли старые раны. Водяная пыль била дождем в окно. Ураганным огнем ухала и ахала небесная артиллерия. Дрожали стены, звенели стаканы на столах. Гвардейцы за длинными столами, положив на них локти, подпирая удалые головы, нечесаные, немытые, пели вражескую песню: «Эх, яблочко, куды котисся...» И песня эта, черт знает из какой далекой жизни завезенная на затерянный среди волн островок, казалась щепоткой родной соли. Мотались в слезах пьяные головы. Генерал Субботин охрип, воздействуя, — послал всех к чертям свинячьим, напился сам.

Разведка Ревкома (в лице Ивана Гусева) донесла о тяжком положении противника в казармах. В седьмом часу вечера Шельга с пятью рослыми шахтерами подошел к гауптвахте (перед казармами) и начал ругаться с двумя подвыпившими часовыми, стоявшими у винтовок в козлах. Увлеченные русскими оборотами речи, часовые утратили бдительность, внезапно были сбиты с ног, обезоружены и связаны. Шельга овладел сотней винтовок. Их сейчас же роздали рабочим, подходившим от фонаря к фонарю, прячась за деревьями и кустами, ползя через лужайки.

Сто человек ворвались в казармы. Начался чудовищный переполох, гвардейцы встретили наступающих бутылками и табуретами, отступили, организовались и открыли револьверный огонь. На лестнице, в коридорах, в дортуарах шел бой. Трезвые и пьяные дрались врукопашную. Из разбитых окон вырывались дикие вопли. Нападавших было мало, — один на пятерых, — но они молотили, как цепями, мозольными кулачищами изнеженных желто-белых. Подбегали подкрепления. Гвардейцы начали выкидываться из окошек. В нескольких местах вспыхнул пожар, казармы заволокло дымом.

Янсен бежал по пустынным неосвещенным комнатам дворца. С грохотом и шипеньем обрушивался прибой на веранду. Свистал ветер, потрясая оконные рамы. Янсен звал мадам Ламоль, прислушивался в ужасающей тревоге.

Он побежал вниз, на половину Гарина, летел саженными прыжками по лестницам. Внизу слышны были выстрелы, отдельные крики. Он выглянул во внутренний сад. Пусто, ни души. На противоположной стороне, под аркой, затянутой плющом, снаружи ломились в ворота. Как можно было так крепко спать, что только пуля, разбившая оконное стекло, разбудила Янсена. Мадам Ламоль бежала? Быть может, убита?

Он отворил какую-то дверь наугад. Вошел. Четыре голубоватых шара и пятый, висящий под мозаичным потолком, освещали столы, уставленные приборами, мраморные доски с измерителями, лакированные ящички и шкафчики с катодными лампами, провода динамо, письменный стол, заваленный чертежами. Это был кабинет Гарина. На ковре валялся скомканный платочек. Янсен схватил его, — он пахнул духами мадам Ламоль. Тогда он вспомнил, что из кабинета есть подземный ход к лифту большого гиперболоида и где-то здесь должна быть потайная дверь. Мадам Ламоль, конечно, при первых же выстрелах кинулась на башню — как было не догадаться!

Он оглядывался, ища эту дверцу. Но вот послышался звон разбиваемых стекол, топот ног, за стеной начали перекликаться торопливые голоса. Во дворец ворвались. Так что же медлит мадам Ламоль? Он подскочил к двустворчатой резной двери и закрыл ее на ключ. Вынул револьвер. Казалось, весь дворец наполнился шагами, голосами, криками.

— Янсен!

Перед ним стояла мадам Ламоль. Ее побледневшие губы зашевелились, но он не слышал, что она сказала. Он глядел на нее, тяжело дыша.

— Мы погибли, Янсен, мы погибли! — повторила она.

На ней было черное платье. Руки, узкие и стиснутые, прижаты к груди. Глаза взволнованы, как синяя буря. Мадам Ламоль сказала:

— Лифт большого гиперболоида не действует, лифт поднят на самый верх. На башне кто-то сидит. Они забрались снаружи по перекладинам... Я уверена; что это — мальчишка Гусев...

Хрустнув пальцами, она глядела на резную дверь. Брови ее сдвигались. За дверью бешено протопали десятки ног. Раздался дикий вопль. Возня. Торопливые выстрелы. Мадам Ламоль стремительно села к столу, включила рубильник; мягко завыло динамо, лилово засветились грушевидные лампы. Застучал ключ, посылая сигналы.

— Гарин, мы погибли... Гарин, мы погиб-

ли... — заговорила она, нагнувшись над сеткой микрофона.

Через минуту резная дверь затрещала под ударами кулаков н ног.

— Отворите дверь! Отворяй!.. — раздались голоса.

Мадам Ламоль схватила Янсена за руку, потащнла к стене и ногой нажала на завнток резного украшення у самого пола. Штофная панель между двух полуколонок неслышно упала в глубину. Мадам Ламоль н Янсен проскользнулн через потайное отверстне в подземный ход. Панель встала на прежнее место.

. . . .

После грозы особенно ярко мерцалн н горелн звезды над взволнованным океаном. Ветер валил с ног. Высоко взлетал прибой. Грохотали камни. Сквозь шум океана слышны былн выстрелы. Мадам Ламоль н Янсен бежалн, прячась за кустамн и скалами, к северной бухте, где всегда стоял моторный катерок. Направо черной стеной поднимался дворец, налево — волны, светящиеся гривы пены и — далеко — огоньки танцующей «Аризоны». Позади решетчатым силуэтом, уходящим в небо, рисовалась башня большого гиперболоида. На самом верху ее был свет.

— Смотрите, — откинувшись на бегу и махнув рукой в сторону башни, крикнула мадам Ламоль, — там свет! Это смерть!

Она спустилась по крутому откосу к бухте, закрытой от волн. Здесь у лестницы, ведущей на веранду дворца, у небольших бонов, болтался катерок. Она прыгнула в него, перебежала на корму и трясущимися руками включила стартер.

— Скорее, скорее, Янсен!

Катерок был ошвартован на цепи. Засунув в кольцо ствол револьвера, Янсен ломал замок. Наверху, на веранде, со звоном распахнулись двери, появились вооруженные люди. Янсен бросил револьвер и захватил цепь у корня. Мускулы его затрещали, шея вздулась, лопнул крючок на вороте куртки. Внезапно застрелял включенный мотор. Люди на террасе побежали вниз по лестнице, размахивая оружием, крича: «Стой, стой!»

Последним усилием Янсен вырвал цепь, далеко отпихнул пыхтящий катер на волны и на четвереньках побежал вдоль борта к рулю.

Описав крутую дугу, катер полетел к узкому выходу из бухты. Вдогонку сверкнули выстрелы.

. . . .

— Трап, черти соленые! — заорал Янсен на катере, пляшущем под бортом «Аризоны». — Где старший помощник? Спит! Повешу!

— Здесь, здесь, капитан. Есть, капитан.

— Руби канаты! Включай моторы! Полный газ! Туши огни!

— Есть, есть, капитан.

Мадам Ламоль первая поднялась по штормовому трапу. Перегнувшись через борт, она увидела, что Янсен силится встать, и падает как-то на бок, и судорожно ловит брошенный конец. Волна покрыла его вместе с катером, и снова вынырнуло его отплевывающееся лицо, искаженное гримасой боли.

— Янсен, что с вами?

— Я ранен.

Четыре матроса спрыгнули в катерок, подхватили Янсена, подняли на борт. На палубе он упал, держась за бок, потерял сознание. Его отнесли в каюту.

Полным ходом, разрезая волны, зарываясь в водяные пропасти, «Аризона» уходила от острова. Командовал старший помощник. Мадам Ламоль стояла рядом с ним на мостике, вцепившись в перила. С нее лила вода, платье облепило ее. Она глядела, как разгорается зарево (горели казармы) и черный дым, проверченный огненными спиралями, застилает остров. Но вот она, видимо, что-то заметила, схватила командира за рукав:

— Поверните на юго-запад...

— Здесь рифы, мадам.

— Молчать, не ваше дело!.. Проходите, имея остров на левом борту.

Она побежала к решетчатой башенке гиперболоида. Пелена воды, летя от носа по палубе, покрыла мадам Ламоль, сбила с ног. Матрос подхватил ее, мокрую и взбесившуюся от злости. Она вырвалась, вскарабкалась на башенку.

На острове, высоко над дымом пожара, сверкала ослепительная звезда, — это работал большой гиперболоид, нащупывая «Аризону».

Мадам Ламоль решила драться, все равно никаким ходом не уйти от луча, хватающего с башни на много миль. Луч сначала метался по звездам, по горизонту, описывая в несколько секунд круг в четыреста километров. Но теперь он упорно нащупывал западный сектор океана, бежал по гребням волн, и след его обозначался густыми клубами пара.

«Аризона» шла полным ходом в семи милях вдоль острова. Зарываясь до мачт в шипящую воду, взлетала скорлупкой на волну, и тогда с кормовой башенки мадам Ламоль била ответным лучом по острову. Уже запылали на нем кое-где деревянные постройки. Снопы искр взносились высоко, будто раздуваемые гигантскими мехами. Зарево бросало отблески на весь черный, взволнованный океан. И вот, когда «Аризона» поднялась на гребень, с острова увидели силуэт яхты, и жгуче-белая игла заплясала вокруг нее, ударяя сверху вниз, зигзагами, и удары, совсем близко, сближаясь, падали то перед кормой, то перед носом..

Зое казалось, что ослепительная звезда колет ей прямо в глаза, и она сама старалась уткнуться стволом аппарата в эту звезду на далекой башне. Бешено гудели винты «Аризоны», корма обнажилась, и судно начало уже клониться носом, соскальзывая с волны. В это время луч, нащупав прицел, взвился, затрепетал, точно примериваясь, и, не колеблясь, стал падать на профиль яхты. Зоя закрыла глаза. Должно быть, у всех, кто на борту был свидетелем этой дуэли, остановилось сердце.

Когда Зоя открыла глаза, перед ней была стена воды, пропасть, куда соскользнула «Аризона». «Это еще не смерть», — подумала Зоя. Сняла руки с аппарата, и руки ее без сил повисли.

Когда снова начался подъем на волну, стало понятно, почему миновала смерть. Огромные тучи дыма покрывали весь остров и башню, — должно быть, взорвались нефтяные цистерны. За дымовой завесой «Аризона» могла спокойно уходить.

Зоя не знала, удалось ли ей сбить большой гиперболоид, или только за дымом не стало видно звезды. Но не все ли теперь равно... Она с трудом спустилась с башенки. Придерживаясь за снасти, пробралась в каюту, где за синими занавесками тяжело дышал Янсен. Повалилась в кресло, зажгла восковую спичку, закурила.

. . . .

«Аризона» уходила на северо-запад. Ветер ослаб, но океан все еще был неспокоен. По многу раз в день яхта посылала условные сигналы, пытаясь связаться с Гариным, и в сотнях тысяч радиоприемников по всему свету раздавался голос Зои: «Что делать, куда идти? Мы на такой-то широте и долготе. Ждем приказаний».

Океанские пароходы, перехватывая эти радио, спешили уйти подальше от страшного места, где снова обнаружилась «Аризона» — «гроза морей».

124

Облака горящей нефти окутывали Золотой остров. После урагана наступил штиль, и черный дым поднимался к безоблачному небу, бросая на воды океана огромную тень в несколько километров.

Остров казался вымершим, и только в стороне шахты, как всегда, не переставая, поскрипывали черпаки элеваторов.

Затем в тишине раздалась музыка: торжественный медленный марш. Сквозь дымовую мглу можно было видеть сотни две людей: они шли, подняв головы, их лица были суровы и решительны. Впереди четверо несли на плечах что-то завернутое в красное знамя. Они взобрались на скалу, где возвышалась решетчатая башня большого гиперболоида, и у подножия ее опустили длинный сверток.

Это было тело Ивана Гусева. Он погиб вчера во время боя с «Аризоной». Взобравшись, как кошка, снаружи по решетчатым креплениям башни, он включил большой гиперболоид, нащупал «Аризону» среди огромных волн.

Огненный шнур с «Аризоны» плясал по острову, поджигая постройки, срезывал фонарные столбы, деревья. «Гадюка», — шептал Иван, поворачивая дуло аппарата, и так же, как во время письменного урока, когда Тарашкин учил его грамоте, помогал себе языком.

Он поймал «Аризону» на фокус и бил лучом по воде перед кормой и перед носом, сближая угол. Мешали облака дыма от загоревшихся цистерн. Вдруг луч с «Аризоны» превратился в ослепительную звезду, и она, сверкая, ужалила Ивана в глаза. Пронзенный насквозь лучом, он упал на кожух большого гиперболоида...

— Спи спокойно, Ванюша, ты умер как герой, — сказал Шельга. Он опустился перед телом Ивана, отогнул край знамени и поцеловал мальчика в лоб.

Трубы заиграли, и голоса двухсот человек запели «Интернационал».

Немного времени спустя из клубов черного дыма вылетел двухмоторный мощный аэроплан. Забирая высоту, он повернул на запад...

125

— Все ваши распоряжения исполнены, господин диктатор...

Гарин запер выходную дверь на ключ, подошел к плоскому книжному шкафу и справа от него провел рукой.

Секретарь сказал с усмешкой:

— Кнопка потайной двери с левой стороны, господин диктатор...

Гарин быстро, странно взглянул на него. Нажал кнопку, книжный шкаф бесшумно отодвинулся, открывая узкий проход в потайные комнаты дворца.

— Прошу, — сказал Гарин, предлагая секретарю пройти туда первым. Секретарь побледнел, Гарин с ледяной вежливостью поднял лучевой револьвер в уровень его лба. — Благоразумнее подчиняться, господин секретарь...

126

Дверь из капитанской каюты была открыта настежь. На койке лежал Янсен.

Яхта едва двигалась. В тишине было слышно, как разбивалась о борт волна.

Желание Янсена сбылось, — он снова был в океане, один с мадам Ламоль. Он знал, что умирает. Несколько дней боролся за жизнь, — сквозная пулевая рана в живот, — и, наконец, затих. Глядел на звезды через открытую дверь, откуда лился воздух вечности. Не было ни желаний, ни страха, только важность перехода в покой.

Снаружи, появившись тенью на звездах, вошла мадам Ламоль. Наклонилась над ним. Спросила шепотом, как он себя чувствует. Он ответил движением век, и она поняла, что он хотел ей сказать: «Я счастлив, ты со мной». Когда у него несколько раз, захватывая воздух, судорожно поднялась грудь, Зоя села около койки и не двигалась. Должно быть, печальные мысли бродили в ее голове.

— Друг мой, друг мой единственный, — проговорила она с тихим отчаянием, — вы

один на свете любили меня. Одному вам я была дорога. Вас не будет... Какой холод, какой холод...

Янсен не отвечал, только движением век будто подтвердил о наступающем холоде. Она видела, что нос его обострился, рот сложен в слабую улыбку. Еще недавно его лицо горело жаровым румянцем, теперь было как восковое. Она подождала еще много минут, потом губами дотронулась до его руки. Но он еще не умер. Медленно приоткрыл глаза, разлепил губы. Зое показалось, что он сказал: «Хорошо...»

Потом лицо его изменилось. Она отвернулась и осторожно задернула синие шторки.

127

Секретарь — самый элегантный человек в Соединенных Штатах — лежал ничком, вцепившись застывшими пальцами в ковер: он умер мгновенно, без крика. Гарин, покусывая дрожащие губы, медленно засовывал в карман пиджака лучевой револьвер. Затем подошел к низенькой стальной двери. Набрал на медном диске одному ему известную комбинацию букв, — дверь раскрылась. Он вошел в железобетонную комнату без окон.

Это был личный сейф диктатора. Но вместо золота или бумаг здесь находилось нечто гораздо более ценное для Гарина: привезенный из Европы и сначала тайно содержавшийся на Золотом острове, затем — здесь — в потайных комнатах дворца, третий двойник Гарина — русский эмигрант, барон Корф, продавший себя за огромные деньги.

Он сидел в мягком кожаном кресле, задрав ноги на золоченый столик, где стояли в вазах фрукты и сласти (пить ему не разрешалось). На полу валялись книжки — английские уголовные романы. От скуки барон Корф плевал косточками вишен в круглый экран телевизорного аппарата, стоявшего в трех метрах от его кресла.

— Наконец-то, — сказал он, лениво обернувшись к вошедшему Гарину. — Куда вы, черт вас возьми, провалились?.. Слушайте, долго вы еще намерены меня мариновать в этом погребе? Ей-богу, я предпочитаю голодать в Париже...

Вместо ответа Гарин содрал с себя ленту, сбросил фрак с орденами и регалиями.

— Раздевайтесь.

— Зачем? — спросил барон Корф с некоторым любопытством.

— Давайте ваше платье.

— В чем дело?

— И — паспорт, все бумаги... Где ваша бритва?

Гарин подсел к туалетному столику. Не намыливая щек, морщась от боли, быстро сбрил усы и бороду.

— Между прочим, рядом в комнате лежит человек. Запомните — это ваш личный секретарь. Когда его хватятся, можете сказать, что услали его с секретным поручением... Понятно вам?

— В чем дело, я спрашиваю? — заорал барон Корф, хватая на лету гаринские брюки.

— Я пройду отсюда потайным ходом в парк, к моей машине. Вы запрячете секретаря в камин и пройдете в мой кабинет. Немедленно вызовете по телефону Роллинга. Надеюсь, вы хорошо запомнили весь механизм моей диктатуры? Я, затем мой первый заместитель — начальник секретной полиции, затем мой второй заместитель — начальник отдела пропаганды, затем мой третий заместитель — начальник отдела провокации. Затем тайный совет трехсот, во главе стоит Роллинг. Если вы еще не совсем превратились в идиота, вы должны были все это вызубрить назубок... Снимайте же брюки, черт вас возьми!.. Роллингу по телефону скажите, что вы, то есть Пьер Гарин, становитесь во главе войск и полиции. Вам придется серьезно драться, милейший...

— Позвольте, а если Роллинг угадает по голосу, что это не вы, а я...

— А! В конце концов им наплевать... Был бы диктатор...

— Позвольте, позвольте, — значит, с этой минуты я превращаюсь в Петра Петровича Гарина?

— Желаю успеха. Наслаждайтесь полнотой власти. Все инструкции на письменном столе... Я — исчезаю...

Гарин, так же, как давеча в зеркало, подмигнул своему двойнику и скрылся за дверью.

128

Едва только Гарин — один в закрытой машине — помчался через центральные улицы города, исчезло всякое сомнение: он вовремя унес ноги. Рабочие районы и предместья гудели стотысячными толпами... Кое-где уже плескались полотнища революционных знамен. Поперек улиц торопливо нагромождались баррикады из опрокинутых автобусов, мебели, выкидываемой в окошки, дверей, фонарных столбов, чугунных решеток.

Опытным глазом Гарин видел, что рабочие хорошо вооружены. На грузовиках, продирающихся сквозь толпы, развозили пулеметы, гранаты, винтовки... Несомненно, это была работа Шельги...

Несколько часов тому назад Гарин со всей уверенностью бросил бы войска на восставших. Но сейчас он лишь нервнее нажимал педаль машины, несущейся среди проклятий и криков: «Долой диктатора! Долой совет трехсот!»

Гиперболоид был в руках Шельги. Об этом знали, об этом кричали восставшие. Шельга разыгрывает революцию, как дирижер — героическую симфонию.

Громкоговорители, установленные по приказу Гарина еще во время продажи золота, теперь работали против него — раз-

носили на весь мир вести о поголовном восстании.

Двойник Гарина, против всех ожиданий Петра Петровича, начал действовать решительно и даже не без успеха. Его отборные войска штурмовали баррикады. Полиция с аэропланов сбрасывала газовые бомбы. Конница рубила палашами людей на перекрестках. Особые бригады взламывали дверные замки, врывались в жилища рабочих, уничтожая все живое.

Но восставшие держались упорно. В других городах, в крупных фабричных центрах, они решительно переходили в наступление. К середине дня вся страна пылала восстанием...

Гарин выжимал из машины всю скорость ее шестнадцати цилиндров. Ураганом проносился по улице провинциальных городков, сбивал свиней, собак, давил кур. Иной прохожий не успевал выпучить глаза, как запыленная, черная огромная машина диктатора, уменьшаясь и ревя, скрывалась за поворотом...

Он останавливался только на несколько минут, чтобы набрать бензина, налить воды в радиатор... Мчался всю ночь.

Наутро власть диктатора еще не была свергнута. Столица пылала, зажженная термитными бомбами, на улицах валялось до пятидесяти тысяч трупов. «Вот тебе и барон!» — усмехнулся Гарин, когда на остановке громкоговоритель прохрипел эти вести...

В пять часов следующего дня его машину обстреляли...

В семь часов, пролетая по какому-то городку, он видел революционные флаги и поющих людей...

Он мчался всю вторую ночь — на запад, к Тихому океану. На рассвете, наливая бензин, услышал, наконец, из черного горла громкоговорителя хорошо знакомый голос Шельги:

— Победа, победа... Товарищи, в моих руках — страшное орудие революции — гиперболоид...

Скрипнув зубами, не дослушав, Гарин помчался дальше. В десять часов утра он увидел первый плакат сбоку шоссе; на фанерном щите огромными буквами стояло:

«Товарищи... Диктатор взят живым... Но диктатор оказался двойником Гарина, подставным лицом. Петр Гарин скрылся. Он бежит на запад... Товарищи, проявляйте бдительность, задержите машину диктатора... (Следовали приметы.) Гарин не должен уйти от революционного суда...»

В середине дня Гарин обнаружил позади себя мотоцикл. Он не слышал выстрелов, но в десяти сантиметрах от его головы в стекле машины появилась пулевая дырка с трещинками. Затылку стало холодно. Он выжал весь газ, какой могла дать машина, метнулся за холм, свернул к лесистым горам. Через час влетел в ущелье. Мотор начал сдавать и заглох. Гарин выскочил, свернул руль, пустил машину под откос и, с трудом разминая ноги, стал взбираться по крутизне к сосновому бору.

Сверху он видел, как промчались по шоссе три мотоцикла. Задний остановился. Вооруженный, по пояс голый человек соскочил с него и нагнулся над пропастью, где валялась разбитая машина диктатора.

В лесу Петр Петрович снял с себя все кроме штанов и нательной фуфайки, надрезал кожу на башмаках и пешком начал пробираться к ближайшей станции железной дороги.

На четвертый день он добрался до уединенной приморской мызы близ Лос-Анжелоса, где в ангаре висел, всегда наготове, его дирижабль.

129

Утренняя заря взошла на безоблачное небо. Розовым паром дымился океан. Гарин, перегнувшись в окно гондолы дирижабля, с трудом в бинокль разыскал глубоко внизу узенькую скорлупу яхты. Она дремала на зеркальной воде, просвечивающей сквозь легкий мглистый покров.

Дирижабль начал опускаться. Он весь сверкал в лучах солнца. С яхты его заметили, подняли флаг. Когда гондола коснулась воды, от яхты отделилась шлюпка. На руле сидела Зоя. Гарин едва узнал ее — так осунулось ее лицо. Он спрыгнул в шлюпку, с улыбочкой, как ни в чем не бывало, сел рядом с Зоей, потрепал ее по руке:

— Рад тебя видеть. Не грусти, крошка. Сорвалось — наплевать. Заварим новую кашу... Ну, чего ты повесила нос?..

Зоя, нахмурившись, отвернулась, чтобы не видеть его лица.

— Я только что похоронила Янсена. Я устала. Сейчас мне все — все равно.

Из-за края горизонта поднялось солнце, — огромный шар выкатился над синей пустыней, и туман растаял, как призрачный.

Протянулась солнечная дорога, переливаясь масляннистыми бликами, и черным силуэтом на ней рисовались три наклонных мачты и решетчатые башенки «Аризоны».

— Ванну, завтрак и — спать, — сказал Гарин.

130

«Аризона» повернула к Золотому острову. Гарин решил нанести удар в самое сердце восставших — овладеть большим гиперболоидом и шахтой.

На яхте были срублены мачты, оба гиперболоида на носу и корме замаскированы досками и парусиной, — для того чтобы изменить профиль судна и подойти незамеченными к Золотому острову.

Гарин был уверен в себе, решителен, весел, — к нему снова вернулось хорошее настроение.

Утром следующего дня помощник капитана, взявший команду на судне после смерти Янсена, с тревогой указал на перистые облака. Они быстро поднимались из-за восточного края океана, покрывали небо на огромной, десятикилометровой высоте. Надвигался шторм, быть может ураган — тайфун.

Гарин, занятый своими соображениями, послал капитана к черту.

— Ну, тайфун — ерунда собачья. Прибавьте ходу...

Капитан угрюмо глядел с мостика на быстро заволакивающееся небо. Приказал задраить люки, крепить на палубе шлюпки и все, что могло быть снесено.

Океан мрачнел. Порывами налетал ветер, угрожающим свистом предупреждал моряков о близкой беде. На место вестников урагана — высоких перистых облаков — поползли клубящиеся низкие тучи. Ветер все грознее волновал океан, пробегал неспокойной рябью по огромным волнам.

И вот с востока начала налезать черная, как овчина, низкая туча, со свинцовой глубиной. Порывы ветра стали яростными. Волны перекатывались через борт. И уже не рябью мялись горбы серо-холодных волн, — ветер срывал с них целые пелены, застилал туманом водяной пыли...

Капитан сказал Зое и Гарину:

— Идите вниз. Через четверть часа мы будем в центре тайфуна. Моторы нас не спасут.

Ураган обрушился на «Аризону» со всей яростью одиннадцати баллов. Яхта, зарываясь, валясь с борта на борт так, что днище обнажалось до киля, уже не слушаясь ни руля, ни винтов, неслась по кругам суживающейся спирали к центру тайфуна, или «окну», как его называют моряки.

«Окно», диаметром иногда до пяти километров, — центр вращения тайфуна; ветры силою двенадцати баллов несутся со всех направлений кругом «окна», уравновешивая свои силы на его периферии.

Туда, в такое «окно», уносилась круговоротом жалкая скорлупка — «Аризона».

Черные тучи касались палубы. Стало темно, как ночью. Бока яхты трещали. Люди, чтобы не разбиться, цеплялись за что попало. Капитан приказал привязать себя к перилам мостика.

«Аризону» подняло на гребень водяной горы, положило на борт и швырнуло в пучину. И вдруг — ослепительное солнце, мгновенное безветрие и зелено-прозрачные, сверкающие, как из жидкого стекла, волны — десятиэтажные громады, сталкивающиеся с оглушительным плеском, будто сам царь морской, Нептун, взбесясь, шлепал в ладоши...

Это и было «окно», самое опасное место тайфуна. Здесь токи воздуха устремляются отвесно вверх, унося водяные пары на высоту десяти километров, и там раскидывают их пленками перистых облаков — верхних предвестников тайфуна...

С борта «Аризоны» было снесено волнами все: шлюпки, обе решетчатые башенки гиперболоидов, труба и капитанский мостик вместе с капитаном...

«Окно», окруженное тьмой и крутящимися ураганами, неслось по океану, увлекая на толчее чудовищных волн «Аризону».

Моторы перегорели, руль был сорван.

. . . .

— Я больше не могу, — простонала Зоя.

— Когда-нибудь это должно кончиться... О черт! — хрипло ответил Гарин.

Оба они были избиты, истерзаны ударами о стены и о мебель. У Гарина рассечен лоб, Зоя лежала на полу каюты, цепляясь за ножку привинченной койки. На полу вместе с людьми катались чемоданы, книги, вывалившиеся из шкафа, диванные подушки, пробковые пояса, апельсины, осколки посуды.

— Гарин, я не могу, выбрось меня в море...

От страшного толчка Зоя оторвалась от койки, покатилась. Гарин кувырком перелетел через нее, ударился о дверь...

Раздался треск, раздирающий хруст. Грохот падающей воды. Человеческий вопль. Каюта распалась. Мощный поток воды подхватил двух людей, швырнул их в кипящую зелено-холодную пучину...

. . . .

Когда Гарин открыл глаза, в десяти сантиметрах от его носа маленький рачок-отшельник, залезший до половины в перламутровую раковину, таращил глаза, изумленно шевеля усами. Гарин с усилием понял: «Да, я жив...» Но еще долго не в силах был приподняться. Он лежал на боку, на песке. Правая рука была повреждена. Морщась от боли, он все же подобрал ноги, сел.

Невдалеке, нагнувши тонкий ствол, стояла пальма, свежий ветер трепал ее листья... Гарин поднялся, пошатываясь, пошел. Вокруг, куда бы он ни посмотрел, бежали и, добежав до низкого берега, с шумом разбивались зелено-синие, залитые солнцем волны... Несколько десятков пальм простирало по ветру широкие, как веера, листья. На песке там и сям валялись осколки дерева, ящики, какие-то тряпки, канаты... Это было все, что осталось от «Аризоны», разбившейся вместе со всем экипажем о рифы кораллового острова.

Гарин, прихрамывая, пошел в глубину островка, туда, где более возвышенные места заросли низким кустарником и ярко-зеленой травой. Там лежала Зоя на спине, раскинув руки. Гарин присел над ней, боясь прикоснуться к ее телу, чтобы не ощутить холода смерти. Но Зоя была жива, — веки ее задрожали, запекшиеся губы разлепились.

. . . .

На коралловом островке находилось озерцо дождевой воды, горьковатой, но годной для питья. На отмелях — раковины, мелкие ракушки, полипы, креветки — все, что некогда служило пищей первобытному человеку. Листья пальм могли служить

одеждой н прикрывать от полдневиого солнца.

Два голых человека, выброшенные на голую землю, могли кое-как жить... И онн началн жнть иа этом островке, затерянном в пустыие Тнхого океана. Не было даже надежды, что мимо пройдет корабль н, заметив их, возьмет на борт.

Гарнн собирал раковиин нли рубашкой ловил рыбу в пресном озерце. Зоя нашла в одном нз выброшенных ящиков с «Арнзоны» пятьдесят экземпляров кннгн роскошного изданпя проектов дворцов н увеселительных павнльонов на Золотом острове. Там же былн законы н устав прндворного этикета мадам Ламоль — повелительницы мнра...

Целымн днями в тенн шалаша из пальмовых листьев Зоя перелистывала эту книгу, созданную ее неиасытной фаитазией. Оставшиеся сорок девять экземпляров, переплетеиных в золото и сафьяи, Гарнн употребил в виде изгородн для защиты от ветра.

Гарнн и Зоя не разговаривали. Зачем? О чем? Оин всю жизиь былн одниочкамн, н вот получили, иакоиец, полиое, совершениое одниочество.

Они сбились в счете дней, переталн нх считать. Когда проносились грозы иад островом, озерцо иаполиялось свежей дождевой водой. Тянулнсь месяцы, когда с безоблачного иеба яростно жгло солице. Тогда им приходнлось пнть тухлую воду...

Должно быть, и по ныиешиий деиь Гарнн и Зоя собнрают моллюсков и устриц иа этом островке. Наевшись, Зоя садится перелнстывать киигу с дивиымн проектами дворцов, где среди мраморных колоинад и цветов возвышается ее прекрасиая статуя из мрамора, — Гарин, уткиувшись иосом в песок и прикрывшись истлевшим пиджачком, похрапывает, должно быть тоже переживая во сне разные заиимательные исторни.

. . . .

СОДЕРЖАНИЕ

Толстой А. Н.

Т52 Гиперболоид инженера Гарина: Роман. — М.: Худож. лит., 1983. 108 с.

Научно-фантастический роман А. Н. Толстого (1883—1945) «Гиперболоид инженера Гарина» — произведение остросоциальное, разоблачающее капиталистическую действительность. А. Н. Толстой в Автобиографии писал о романе, что в нем «угадывается будущий фашизм».

Т $\frac{4702010200\text{-}420}{028(01)\text{-}83}$ без объявл. Р2

Алексей Николаевич
Толстой

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ГАРИНА

Редактор И. Парина

Художественный редактор В. Серебряков

Технический редактор И. Жаворонкова

Корректоры Л. Казарьян, Ю. Левина

ИБ № 3924

Сдано в набор 06.07.83. Подписано в печать 02.08.83 Формат $80 \times 84^{1}/_{8}$. Бумага тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,06. Усл. кр.-отт. 13,53. Уч.-изд. л. 14,73. Тираж 2 000 000. 1-й завод (1—500 000). Изд. № 1-1520. Заказ 2333. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Типография изд-ва «Московская правда», ул. 1905 г., 7.

В 1982 ГОДУ

В СЕРИИ «КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ»

ВЫШЛИ В СВЕТ:

С. Аксаков. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука
Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород
А. Пушкин. Драматические произведения. Проза
М. Салтыков-Щедрин. История одного города. Сказки
А. Толстой. Драматическая трилогия. Стихотворения
Л. Толстой. Анна Каренина
А. Чехов. Пьесы
М. Горький. Мать
В. Кожевников. Полюшко-поле. Повести и рассказы
Л. Сейфуллина. Повести и рассказы
Т. Готье. Капитан Фракасс
Т. Драйзер. Дженни Герхардт
Г. Манн. Верноподданный
Г. де Мопассан. Новеллы
М. Сервантес. Назидательные новеллы
Стендаль. Пармская обитель
У. Шекспир. Отелло. Ромео и Джульетта

«ПОЭТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Е. Баратынский. Стихотворения и поэмы
С. Есенин. Стихотворения и поэмы
А. Кольцов. Стихотворения
А. Прокофьев. Стихотворения и поэмы
А. Пушкин. Поэмы

В 1983 ГОДУ

В СЕРИИ «КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ»

ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

Н. Гоголь. Повести. Ревизор
И. Гончаров. Обыкновенная история
Ф. Достоевский. Преступление и наказание
Н. Лесков. Очарованный странник. Повести и рассказы
А. Островский. Пьесы
Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Рассказы
А. Чехов. Дом с мезонином. Рассказы
М. Горький. Рассказы
А. Платонов. Повести и рассказы
М. Шолохов. Рассказы
Ш. де Костер. Легенда об Уленшпигеле
Г. Уэллс. Машина времени. Война миров. Рассказы

«ПОЭТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

А. Блок. Стихотворения и поэмы
И. Крылов. Басни
А. Пушкин. Стихотворения
Слово о полку Игореве
Н. Хикмет. Стихотворения и поэмы

1 р. 20 к.